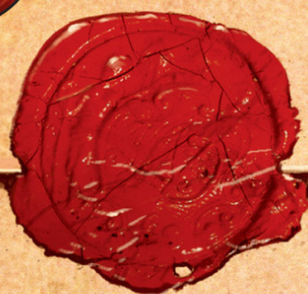

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

Суверен

Расследует Мэтью Шардлейк

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом
Суверен

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Суверен / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-18948-5

Лето 1541 года. Король Англии Генрих VIII, обеспокоенный попыткой мятежа, собирается посетить Йорк на севере королевства, чтобы предотвратить возможное повторение бунта. Мэтью Шардлейк, включенный в королевскую свиту, отправляется в Йорк заранее с секретным заданием доставить в Лондон организатора неудавшегося мятежа. Со своим помощником Шардлейк селится в аббатстве Святой Марии, которое должно стать временной резиденцией короля. Тут-то и начинается череда таинственных происшествий. Сначала погибает витражных дел мастер Олдройд. При осмотре дома убитого обнаружен тайник со шкатулкой, содержащей старинные документы. Следующей жертвой становится сам Шардлейк. От удара по голове он теряет сознание, и найденные бумаги, способные пролить свет на истинных инициаторов заговора, исчезают... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18948-5

© Сэнсом К. Д., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	52
Глава шестая	61
Глава седьмая	69
Глава восьмая	77
Глава девятая	85
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

К. Дж. Сэнсом Суверен

П. Д. Джеймсу

C. J. Sansom
SOVEREIGN

Copyright © C. J. Sansom, 2006
All rights reserved

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2008

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Под деревьями царила непроглядная тьма, лишь слабые отблески лунного света проникали сквозь переплетение полуголых ветвей. Землю покрывал толстый ковер опавших листьев. Он приглушал цокот копыт, и потому трудно было сказать, одни ли мы на дороге. Барак уже успел заметить, что я избрал скверный путь; сейчас он что-то бурчал себе под нос, выражая недовольство тем, что по моей милости очутился в подобных дебрях. Я так устал, что не считал нужным ответить. Несчастливая моя спина раскалывалась от боли, а ноги, стиснутые тяжелыми сапогами для верховой езды, затекли и одеревенели. К тому же меня томили тревожные предчувствия; необычное поручение, к выполнению которого нам предстояло приступить в самом скором времени, не выходило у меня из головы. На несколько мгновений я выпустил поводья и нащупал в кармане печать архиепископа, казавшуюся мне заветным талисманом. В ушах зазвучал успокоительный голос Кранмера: «Вам нечего тревожиться, ибо дело это отнюдь не связано с опасностью».

В последнее время на долю мою выпало немало печальных хлопот, ибо шесть дней назад я похоронил в Личфилде своего отца. После похорон мы с Бараксом пять дней провели в дороге, следуя на север; лето 1541 года выдалось на редкость дождливым, и вследствие этого дороги пребывали в плачевном состоянии. Край, расстилавшийся вокруг нас, был воистину диким; многие деревни, встречавшиеся на пути, представляли собой скопление ветхих хижин, крытых гнилой соломой; люди ютились там вместе со скотом. Нынешним днем, достигнув Флексби, мы свернули с большой северной дороги. Несмотря на желание Баракса провести ночь в трактире, я настоял на том, чтобы продолжить путь. Я напомнил моему спутнику, что времени у нас в обрез: завтра уже двенадцатое сентября, а нам необходимо достигнуть цели задолго до прибытия короля.

Увы, дорога вскорости превратилась в подобие грязной канавы, и с наступлением сумерек нам пришлось оставить ее, избрав более сухой путь, ведущий на северо-восток. Нас окружали леса и голые поля, где среди желтых полос жнивья копались дикие кабаны.

Лес становился все более густым, и последние несколько часов мы с трудом проталкивались сквозь переплетения ветвей. Дорогу мы потеряли, и теперь в непроглядной тьме найти ее можно было лишь с помощью дьявола. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шорохом опадающих листьев да треском сучьев, сквозь которые продирался кабан или же дикая кошка. Лошади, нагруженные тяжелыми сумками, утомились не менее нас с Бараксом. Мой гнедой мерин Предок еле переставлял ноги. Сьюки, кобыла Баракса, тоже утратила обычную резвость.

– Из-за вашей неумности мы заблудились, – буркнул мой спутник.

– В трактире нам сказали, что дорога тянется через весь лес, – ответил я. – Так или иначе, скоро наступит рассвет, и тогда мы пойдем, где находимся.

– У меня такое чувство, будто нас занесло в Шотландию, – заявил Баракс. – Того и гляди, из зарослей выскочат разбойники и схватят нас, надеясь получить выкуп.

Я не удостоил его ответом, ибо подобные жалобы успели изрядно мне надоесть. Мы продолжили путь в молчании.

Мысли мои вернулись к похоронам отца. Перед внутренним взором вновь возникла разверстая могила, в которую опускали гроб. Несколько провожающих на тихом кладбище, и среди них – моя кузина Бесс. Именно она, принеся отцу завтрак, обнаружила его мертвым в постели.

– Я горько сожалею о том, что не знал, как тяжело был болен отец, – сказал я Бесс, когда мы вернулись с кладбища на ферму. – Если бы вы сообщили мне об этом, я не замедлил бы приехать и был бы рядом с ним в последние дни.

– Вы живете в Лондоне и давненько здесь не показывались. – Она покачала головой, и в глазах мелькнул укор.

– В последнее время мне пришлось нелегко, Бесс, – попытался оправдаться я. – Но напиши вы о болезни отца, я непременно приехал бы.

– Вашего батюшку подкосила смерть старого Уильяма Поэра, – со вздохом сказала Бесс. – С помощью управляющего ему удавалось получать с фермы хоть какой-то доход, а когда он остался один, у него опустились руки. Я много раз советовала ему написать вам, однако он отвечал отказом.

Помолчав, она добавила:

– Господь ниспослал нам тяжкие испытания. В прошлое лето стояла страшная засуха, а в нынешнее разразился настоящий потоп. Полагаю, батюшка ваш очень переживал о том, что хозяйство приносит ему одни убытки. Поэтому лихорадка одолела его с такой легкостью.

Я молча кивнул. Известие о том, что ферма, на которой я провел свои детские годы, ферма, ныне ставшая моей собственностью, погрязла в долгах, явилось для меня неприятной неожиданностью. Возраст моего отца приближался к семидесяти, Уильям, его управляющий, был немногим моложе. Разумеется, людям столь преклонных лет трудно было вести хозяйство, к тому же последние несколько урожаев оказались чрезвычайно скудными. Для того чтобы свести концы с концами, отец заложил ферму одному богатому землевладельцу из Личфилда. Я узнал об этом лишь после смерти отца. Заимодавец не замедлил написать мне, что стоимость земли вряд ли способна покрыть долг. Подобно многим сельским дворянам в те времена, он изыскивал все возможности, чтобы расширить собственные пастбища, и под непомерные проценты ссужал деньгами обедневших фермеров, рассчитывая завладеть их полями.

– Этот сэр Генри – настоящий кровопийца, – с горечью пожаловался я кузине.

– Что вы намерены делать? – осведомилась она. – Уступите ему ферму?

– Ни за что. Подобный поступок ляжет пятном на память отца. Я выплачу долги.

«Бог свидетель, сделав это, я лишь в малой степени выполняю свой сыновний долг перед усопшим», – мысленно добавил я.

– Рада слышать это, – улыбнулась Бесс.

Беспокойное ржание Предка заставило меня вздрогнуть и очнуться от размышлений. Барак, натянув поводья, остановил свою лошадь. Я последовал его примеру, неловко повернувшись в седле. Начало светать, и теперь я лучше мог разглядеть и лицо своего спутника, и очертания окружавших нас деревьев.

– Поглядите! – воскликнул Барак.

В том направлении, куда он указывал, деревья расступались, и вдалеке я увидел какую-то красную точку, сверкавшую в светлеющем небе.

– Наконец-то! – испустил я вздох облегчения. – Наверняка это та самая лампа, о которой нам говорили в харчевне. Ее установили на церковном шпиле для того, чтобы указывать путникам дорогу. Значит, я был прав, и мы действительно в Галтрес-Форесте!

Мы выехали из леса на открытую местность. С реки долетали порывы пронзительного ветра, небо становилось все светлее. Мы плотнее закутались в дорожные плащи и двинулись в сторону Йорка.

* * *

Главная дорога, ведущая в город, была сплошь забита лошадьми и повозками, груженными самой разнообразной провизией. Во множестве встречались и огромные телеги лесников, с которых свисали исполинских размеров бревна. Вскоре перед нами возникли потемневшие от времени городские стены, над которыми вздымались шпили бесчисленных церквей. Выше всех парили две башни Йоркского кафедрального собора.

– Ну и толчея здесь сегодня, – заметил я, повернувшись к Бараку. – В точности как в Чипсайде в базарный день.

– Как же иначе, – усмехнулся Барак. – Королевская свита на редкость прожорлива.

Движение на дороге было столь напряженным, что мы продвигались со скоростью пешеходов. Время от времени я искоса поглядывал на своего спутника. Прошел год с того дня, когда я предложил Джеку Бараку поступить ко мне на службу и стать помощником барристера. Прежний его патрон окончил свои дни на плахе, и Барак с готовностью принял мое предложение. В прошлом этот молодой человек, выросший на городских улицах, выполнял тайные поручения Томаса Кромвеля. Вне всякого сомнения, он не слишком подходил для того, чтобы служить помощником законника; впрочем, ума и сообразительности ему было не занимать, и на свою удачу, он получил начатки образования. Теперь, по прошествии года, я ничуть не сожалел о своем выборе. Барак отлично справлялся с новыми обязанностями и проявил немалое рвение, изучая законы. Когда речь шла о том, чтобы отыскать нужного свидетеля или же выявить некие скрытые факты, Барак воистину не знал себе равных. Отношение его к юриспруденции и судопроизводству оставалось весьма циничным и недоверчивым, но это даже шло на пользу делу, ибо сам я нередко грешил излишним прекрасодушием.

Однако в последние несколько месяцев Барак, судя по всему, пребывал в нелучшем расположении духа. Нередко он, забываясь, позволял себе грубые выпады и насмешки, которыми изрядно досаждал мне на первых порах нашего знакомства. Я полагал, что виной тому служит непривычное для Джека однообразие жизни, и рассчитывал, что поездка в Йорк заставит его встряхнуться. Но тут выяснилось, что, подобно многим уроженцам столицы, мой помощник исполнен самых нелепых предубеждений против севера Англии и его жителей. Как я уже упоминал, почти всю дорогу он беспрестанно сетовал, проклиная судьбу, забросившую его в подобную глушь. Ныне, на подступах к городу, Барак подозрительно оглядывался, словно ожидая подвоха.

По сторонам дороги начали появляться дома. Справа от нас показалась древняя зубчатая стена, над которой поднимался высоченный шпиль. По навесной дорожке вдоль стены расхаживали солдаты, облаченные в железные шлемы и белые плащи, на которых красовались красные кресты королевских лучников. Впрочем, вооружены они были вовсе не луками и стрелами, а мечами и копьями весьма грозного вида. В руках у некоторых я заметил даже длинные фитильные ружья. Из-за стены доносился стук множества топоров и молотков.

– Полагаю, это и есть аббатство Святой Марии, где мы остановимся, – сказал я. – Судя по шуму, приготовления к приезду короля идут здесь вовсю.

– Мы заедем сюда, чтобы оставить поклажу? – спросил Барак.

– Нет, – покачал я головой. – Прежде всего мы должны повидать брата Ренна. А после отправимся напрямик в замок.

– Увидеть узника? – вполголоса осведомился Барак.

– Да.

– Аббатство неплохо охраняется, – заметил Барак, скользнув взглядом по многочисленным стражникам.

– Король отнюдь не уверен, что является желанным гостем. После того что недавно здесь произошло, никакие меры предосторожности не будут лишними.

Я говорил совсем тихо, однако обрывки нашего разговора, как видно, долетели до человека, шедшего впереди рядом с лошадью, грузенной мешками с зерном. Обернувшись, он бросил на нас любопытный взгляд. Барак недоуменно вскинул брови, и незнакомец поспешно отвернулся.

«Вполне может быть, это один из осведомителей Совета северных графств, – отметил я про себя. – Вне всякого сомнения, в Йорке их сейчас великое множество».

– Думаю, вам лучше надеть мантию стряпчего, – заявил Барак, оглядываясь по сторонам.

На фоне серого утреннего неба темнели силуэты башен кафедрального собора. Около огромных ворот теснились повозки и всадники, желавшие попасть внутрь. Сразу за воротами стена аббатства под прямым углом соединялась с городской стеной. Перед нами предстала массивная сторожевая башня, на которой красовался герб Йорка – пять белых львов на красном поле. Здесь стражников стало еще больше. Все они были облачены в стальные латы и шлемы и вооружены копьями.

– Я слишком устал, чтобы распаковывать дорожную сумку, – ответил я, похлопав себя по карману. – Письмо камергера, подтверждающее наши полномочия, у меня здесь.

Печать архиепископа, находящуюся в том же кармане, следовало показать лишь одному человеку.

Мы медленно продвигались вперед. Внезапно моим глазам открылось отвратительное зрелище: четыре отрубленные головы на шестах. Вид этих голов, почерневших, гниющих и объединенных воронами, заставил меня содрогнуться. Впрочем, я знал, что при въезде в город мне предстоит увидеть нечто подобное. Ни для кого не являлось тайной, что нынешней весной в Йорке был разоблачен заговор, двенадцать мятежников казнены, а их головы и отрубленные конечности выставлены у городских ворот в назидание всем прочим.

У ворот образовалась длинная очередь, вынудившая нас остановиться. Лошади наши повесили головы от усталости. Стражники, преградив путь какому-то бедно одетому человеку, грубо выспрашивали, что ему понадобилось в городе.

– Хоть бы этот парень ворочал языком поживее, – прошептал Барак. – Я умираю с голоду.

– В этом я не сомневаюсь, – усмехнулся я. – Идемте, настал наш черед.

Один из стражников схватил Предка под уздцы, а второй осведомился, что за нужда привела меня в Йорк. В речи его ощущался заметный южный акцент, суровое грубоватое лицо избороздили глубокие морщины. Я показал ему письмо, подтверждающее мои полномочия.

– Так вы королевский стряпчий? – недоверчиво спросил стражник.

– Именно так. А это мой помощник. Мы прибыли в Йорк, дабы помочь городским властям должным образом подготовиться к приезду его величества.

– Да, здесь неплохо бы навести порядок.

Вернув мне письмо, стражник отступил на шаг, освобождая путь. Проезжая под навесной башней, я вновь содрогнулся, увидев прибитый к воротам бесформенный кусок гниющей плоти, над которым кружился целый рой мух.

– Вот и все, что осталось от мятежников, – изрек Барак, и губы его искривила гримаса отвращения.

– Да, – проронил я и склонил голову, не в силах более выносить подобного зрелища.

Мною овладела мысль о том, как запутаны дороги судьбы. Если бы не заговор, раскрытый нынешней весной, я никогда не оказался бы в Йорке. Более того, король не предпринял бы своего путешествия на север, обставленного с небывалой торжественностью.

Наконец мы миновали ворота, и лошади, громко цокая копытами по булыжной мостовой, понесли нас в город.

* * *

Сразу за крепостной стеной начиналась узкая улица, застроенная трехэтажными домами с выступающими карнизами. Здесь было множество лавок, напротив которых громоздились прилавки, заваленные всякой всячиной; торговцы, сидя на деревянных чурбанах, зазывали покупателей. Несмотря на это, Йорк отнюдь не производил впечатления богатого и процветающего города. В большинстве своем дома требовали ремонта, на их обшарпанных стенах зияли глубокие трещины, а грязную мостовую покрывали бесчисленные выбоины. Толпа, снующая туда-сюда, изрядно затрудняла движение. Я знал, что мастер Ренн, подобно всем городским

стряпчим высшего разряда, проживает в квартале, прилегающем к собору. Найти туда дорогу не составляло труда, ибо башни, возвышавшиеся над городом, служили надежным ориентиром.

– Я умираю с голоду, – вновь завел свою песню Барак. – Прежде чем приступить к делам, неплохо бы перекусить.

Перед нами возникла еще одна стена. На мой вкус, в Йорке было слишком много стен. За ней виднелась громада собора. Впереди расстилалась широкая площадь, сплошь заставленная рыночными прилавками; прохладный влажный ветер раздувал их яркие парусиновые навесы. Деловитые хозяйки, подметавшие площадь широченными юбками, с напускным презрением разглядывали товары и препирались с торговцами и ремесленниками, одежду которых украшали гербы различных гильдий. Чумазные дети и облезлые собаки высматривали, не удастся ли поживиться лакомым кусочком. Приглядевшись к жителям города, я заметил, что в большинстве своем они носят грубые башмаки на деревянной подошве, а одежду их покрывают многочисленные заплаты. Увидал я и нескольких стражников, облаченных в плащи с городским гербом. Стоя чуть в стороне, они наблюдали за порядком.

Внимание мое привлекла группа высоких светловолосых парней, которые с помощью оглушительно лаявших собак гнали к рынку стадо овец с диковинными черными мордами. Я с любопытством разглядывал обветренные лица и толстые шерстяные куртки погонщиков; судя по всему, они принадлежали к числу легендарных жителей долин, которые пять лет назад составили ядро мятежа. Отвернувшись, я перевел взгляд на ворота соборного квартала, в которые то и дело входили священники в черных сутанах и монахи в коричневых плащах с капюшонами.

Барак, не теряя времени даром, подъехал к прилавку, где продавалась свежая выпечка. Не слезая с лошади, он осведомился, сколько стоят два пирога с бараниной. Торговец, как видно сбитый с толку лондонским акцентом Барака, в недоумении уставился на него.

– Вы что, с юга? – не слишком любезно буркнул он.

– Да. И мы чертовски проголодались. Сколько стоят два пирога с бараниной? – вновь спросил Барак, выговаривая каждое слово чуть ли не по слогам.

– Что это ты крикаешь, как селезень? – проворчал торговец, злобно сверкнув глазами. – Или у вас на юге все так разговаривают?

– А у вас на севере все вместо человеческих слов издают какой-то скрежет, словно водят ножом по сковородке? – не остался в долгу мой помощник.

Двое дюжих овцеводов из долины, которые как раз проходили мимо, остановились и прислушались к вспыхнувшей перепалке.

– Этот южный пес слишком громко твякает, – заявил один, обращаясь к торговцу.

Второй, не тратя слов, схватил Сьюки под уздцы здоровенной мозолистой рукой.

– А ну пошли прочь, олухи деревенские! – угрожающе процедил Барак.

– Заткнись, грязный пес! – выпалил один из овцеводов, и лицо его исказила ярость.

Я был поражен тем, что пустяковое столкновение вызвало у него столь бурные чувства.

– Видно, ты думаешь, раз сюда собрался жирный Генри, ты можешь помыкать нами как вздумается. Да только не на тех напал.

– Чем болтать языком, поцелуй лучше мою задницу, – изрек Барак, не привыкший глотать оскорбления.

Рука овцевода потянулась к мечу. Барак схватился за ножны. Я поспешно направил лошадь прямо в толпу, продираясь к дебоширам.

– Примите мои извинения, господа, – произнес я умиротворяющим голосом, хотя сердце бешено колотилось. – Мой помощник вовсе не хотел вас обидеть. Мы проделали длинный путь, очень устали и...

– Э, да ты служишь горбуну? – насмешливо обратился к Бараку овцевод, скользнув взглядом по моей невзрачной фигуре. – Уж наверняка вы с хозяином пожаловали сюда, чтобы вытянуть у нас последние денежки.

Он вновь потянулся за мечом, однако острое пики, внезапно упершееся в грудь, заставило его остановиться. Два стражника, заметив назревающую стычку, поспешили ее предотвратить.

– Бросить оружие! – скомандовал один, по-прежнему прижимая пику к груди овцевода.

Товарищ его точно так же поступил с Бараксом. Вокруг начали во множестве собираться зеваки.

– Что это вы здесь затеяли? – рявкнул стражник.

– Южанин набросился на пирожника с руганью! – выкрикнул кто-то из толпы.

Стражник, дородный мужчина средних лет, удовлетворенно кивнул.

– Да, южане скверно воспитаны, – изрек он, смерив Баракса пронзительным взглядом. – От них только и жди всяких непотребных выходок.

Толпа встретила его слова одобрительным смехом. Кто-то даже захлопал в ладоши.

– Мы всего лишь хотели купить пару вонючих пирогов, – процедил Баракс.

– Продай ему пироги, – обернулся стражник к торговцу.

Тот послушно вручил Бараксу два пирога с бараниной.

– Шесть пенсов.

– Что? – ушам своим не поверил Баракс.

– Шесть пенсов, – повторил торговец более громко и отчетливо.

– За два жалких пирога? – спросил Баракс, у которого глаза на лоб полезли от удивления.

– Заплати ему, – приказал стражник.

Баракс медлил, не в силах смириться со столь грабительской ценой. Я поспешно протянул торговцу две монеты. Тот с подчеркнуто недоверчивым выражением попробовал каждую на зуб, прежде чем опустить в карман.

– А теперь, сударь, убирайтесь, да поживее, – произнес стражник, нагнувшись ко мне. – И на досуге поучите своего помощника хорошим манерам. Вы ведь не хотите попасть в неприятную переделку перед самым приездом короля, правда? – добавил он, многозначительно вскинув брови.

Провожаемые пронзительным взглядом стражника, мы с Бараксом подъехали к воротам соборного квартала. С трудом спешившись, привязали лошадей и опустились на деревянную скамью, стоявшую у самой стены.

– Господи боже, ноги у меня так затекли, что я их почти не чувствую, – пожаловался Баракс.

– Мои ноги чувствуют себя ничуть не лучше, – откликнулся я, умолчав о том, что несчастная моя спина раскалывается от боли.

Баракс откусил огромный кусок от злополучного пирога.

– Недурственно, – промычал он с набитым ртом.

В голосе его звучало откровенное удивление.

– Послушайте, Баракс, вам следует быть осмотрительнее, – сказал я, понизив голос. – Не распускайте язык и никого не задирайте попусту. Вы уже имели возможность убедиться, что местные жители, мягко говоря, не питают к нам дружеских чувств.

– То же самое могу сказать и о себе, – проворчал Баракс. – Здешние мужлань успели мне осточерть.

Он еще раз откусил от пирога и бросил угрожающий взгляд в сторону ворот.

– Тем не менее, Баракс, вам следует держать себя в узде, – произнес я непререкаемым тоном. – Мы прибыли сюда для того, чтобы предотвратить всякого рода осложнения, а не для того, чтобы создавать новые. Если вы не умерите свой вздорный нрав, здешние жители

наверняка не откажут себе в удовольствии хорошенько вас выпотрошить. Но это еще полбеды. Своим поведением вы поставите королевский визит под угрозу. Или вы добиваетесь именно этого?

Барак угрюмо молчал, глядя себе под ноги.

– Какая муха вас укусила? Я-то ведь прекрасно знаю, что на самом деле вы вовсе не такой уж неотесанный грубиян и, когда пожелаете, можете держать себя в рамках приличий. Но в последнее время с вами не стало никакого сладу. Чего стоила одна ваша выходка с судьей Джексоном! Зачем вам понадобилось обзывать его старым слепым кротом? Да еще так громко, что он все услышал.

– Вы сами знаете, старик это заслужил, – ответил Барак, и на губах его мелькнула хорошо знакомая мне язвительная усмешка. – Его следовало обзывать куда как похлеще. Я воздержался от крепких словечек лишь из уважения к его почтенным летам.

Но мне было вовсе не до шуток.

– Что с вами происходит, Джек? – спросил я, устремив на своего помощника внимательный взгляд.

– Ровным счетом ничего, – пожал плечами Барак. – Просто наше затянувшееся путешествие изрядно меня утомило. И я не был готов к встрече с подобными дикарями. Но мне очень жаль, что я доставил вам лишние хлопоты, – добавил он, взглянув мне прямо в лицо. – Впредь я постараюсь этого не делать.

Я знал, что извинения даются Бараку чрезвычайно трудно, и потому поспешил кивнуть в знак того, что вполне ими удовлетворен. Однако я не сомневался, что причина скверного настроения моего помощника кроется не только в неприязни, которую возбуждали в нем север и северяне. В задумчивости я принялся жевать свой пирог. Барак окинул изучающим взглядом торговую площадь.

– Похоже, народ здесь живет из рук вон плохо, – заметил он.

– Да, торговля в этих краях не особенно процветает, – кивнул я. – А уничтожение монастырей только ухудшило ситуацию. Раньше большая часть здешних земель принадлежала монастырям. Окажись мы здесь года четыре назад, наверняка увидели бы в толпе множество монахов.

– С этим покончено.

Сказав это, Барак отправил в рот последний кусок пирога, так что я не понял, что именно он имел в виду.

– Идемте отыщем брата Ренна, – сказал я, с усилием поднимаясь со скамьи. – Он даст нам необходимые указания.

– Как вы думаете, нам удастся увидеть короля? – неожиданно спросил Барак. – Рассмотреть его как следует?

– Это вполне возможно, – ответил я.

Барак надул щеки. Я с удовлетворением отметил про себя, что подобная перспектива внушает благоговейный трепет не только мне, но и моему острому на язык помощнику.

– Кстати, короля сопровождает один из наших давних врагов, встреча с которым нам вовсе ни к чему.

– О ком это вы? – резко повернулся ко мне Барак.

– О сэре Ричарде Риче. Он прибудет сюда вместе с королем и Тайным советом. Об этом сообщил мне Кранмер. Так что, повторяю, будьте осмотрительны. Старайтесь не привлекать излишнего внимания. Помните, по возможности нам следует держаться в тени.

Мы отвязали лошадей и, взяв их под уздцы, подошли к воротам. Очередной стражник, вооруженный копьем, преградил нам путь. Я вновь извлек из кармана письмо, и бдительный охранник опустил оружие, пропуская нас. Мы оказались за стеной, и величественный собор открылся нам во всей красе.

Глава вторая

– Ну и громадина, – выдохнул Барак.

Перед нами расстилалась просторная площадь, окруженная зданиями, которые в сравнении с собором казались маленькими и жалкими.

– Это самый большой собор на севере, – пояснил я. – По высоте он почти не уступает собору Святого Павла.

Взглянув на исполинские двери, увенчанные затейливо украшенной готической аркой, я увидел на крыльце несколько человек, по виду состоятельных купцов, которые оживленно о чем-то разговаривали. Ниже, на ступеньках, устроились многочисленные нищие с чашами для подаяния. Мне не терпелось заглянуть внутрь собора, однако прежде всего необходимо было отыскать брата Ренна. Мы и так слишком задержались в пути. Припомнив данные мне объяснения, я направился напрямик к дому, над дверями которого красовался королевский герб.

– Это где-то рядом, – бросил я, обернувшись к Бараку.

Стараясь не поскользнуться на опавших листьях, мы пересекли соборную площадь.

– А что за птица этот брат Ренн? – поинтересовался Барак.

– Мне известно лишь, что он один из самых уважаемых стряпчих в Йорке и в ведении его находится немало официальных дел, – ответил я. – Полагаю, что это человек весьма почтенного возраста.

– Надеюсь, не настолько почтенного, чтобы впасть в старческое слабоумие, – усмехнулся Барак.

– Уверен, ваши опасения безосновательны. В противном случае брату Ренну не доверили бы разбирать прошения, поданные королю.

Мы подошли к ряду старых домов, теснящихся вплотную друг к другу. Следуя полученным указаниям, я подошел к тому, что стоял на углу. Дом оказался высоким и очень древним на вид. Я постучал. Раздались шаркающие шаги, дверь распахнулась, и перед нами предстала женщина довольно преклонных лет. Круглое морщинистое лицо ее обрамлял белоснежный чепец. Она неприветливо уставилась на незнакомцев.

– Что вам угодно?

– Это дом мастера Ренна? – спросил я.

– А вы что, из Лондона?

Я слегка вскинул бровь, давая понять, что не привык к столь неучтивому обращению.

– Да. Меня зовут Мэтью Шардлейк. А это мой помощник, мастер Барак.

– Мы ждали вас вчера. Бедный мой хозяин очень беспокоился.

– Мы сбились с пути, когда ехали через лес.

– А, понятно, – протянула она. – Вы не первые, с кем случилась такая беда.

– Мы очень устали. И наши лошади тоже, – добавил я, указывая на понуривших головы животных.

– Откровенно говоря, мы с ног валимся от усталости, – вставил Барак.

– Входите в дом. Я прикажу мальчику отвести лошадей в конюшню, почистить и покормить их.

– Это весьма любезно с вашей стороны.

– Мастер Ренн ушел по делам, но он скоро вернется, – сообщила старуха. – Я так думаю, вы не прочь перекусить.

– Вы совершенно правы, – сказал я.

Пирог, который я проглотил, действительно был недурен на вкус, однако лишь распалил мой голод.

Старуха повернулась и, медленно шаркая, провела нас в гостиную, обставленную в старинном стиле. Очаг, в котором горело несколько поленьев, находился прямо в центре комнаты; дым лениво поднимался к отверстию, зиявшему посреди черных стропил. Серебряные тарелки, красовавшиеся на буфете, были начищены до блеска, однако занавеси на окнах и скатерть на столе посерели от пыли. На жердочке поблизости от огня восседал серый сокол, скосивший на нас свой хищный взгляд. Повсюду: на стульях, на дубовых шкафах, даже на полу – виселись груды книг, готовые вот-вот обрушиться. Ни в одном доме, за исключением, разумеется, библиотек, мне не доводилось видеть такого количества книг.

– Вижу, ваш хозяин любит читать, – сказал я.

– Что верно, то верно, – откликнулась старая служанка. – Пойду принесу вам похлебки. Она зашаркала прочь.

– Мы не отказались бы выпить пива! – крикнул я ей вслед.

Барак меж тем плюхнулся на скамью, покрытую толстой овечьей шкурой и заваленную подушками. Я взял в руки один из увесистых томов в кожаном переплете и, открыв его, удивленно вскинул брови.

– Господи боже! Это одна из старинных книг, переписанных монахами. С иллюстрациями, сделанными вручную.

Я пролистал несколько страниц. Передо мной и в самом деле была старинная копия «Истории» Бида, переписанная каллиграфическим почерком и снабженная восхитительными иллюстрациями.

– А я думал, все монастырские книги оказались в кострах, – протянул Барак. – Этот ваш Ренн напрасно держит их на виду. Так можно навлечь на свою голову крупные неприятности.

– Да, ему следует быть осторожнее, – согласился я, опуская книгу на место. – Итак, мы с вами выяснили, что брат Ренн не относится к числу сторонников реформы. И держит у себя домоправительницу, которая явно пренебрегает своими обязанностями, – добавил я, закашлявшись от пыли.

– Да, старушенция не слишком утруждает себя уборкой, – заявил Барак, удобно устраиваясь на подушках. – Но как знать, может, она не просто служанка. Если это так, Ренн обладает довольно странным вкусом.

Я опустил в кресло и вытянул усталые ноги. Глаза мои закрывались сами собой. Но тут в комнату вошла домоправительница с подносом, на котором стояли две дымящиеся тарелки с похлебкой и две кружки пива. Мы с Бараксом с пылом набросились на еду. Гороховая похлебка оказалась пресной и невкусной, но тем не менее нам удалось наконец утолить голод. Насытившись, Барак вновь развалился на скамье и закрыл глаза. Я уже хотел растолкать его, ибо спать в гостиной чужого дома было верхом неучтивости. Однако у Барака был такой утомленный вид, что я отказался от своего намерения. В комнате было тепло и уютно, огонь тихонько потрескивал, уличный шум почти не проникал сквозь застекленные окна. Веки мои налились неодолимой тяжестью, рука вновь потянулась к карману, нащупав печать архиепископа Кранмера. Мысленно я унесся на две недели назад, к самому началу той цепи событий, что привели меня в Йорк.

* * *

В последний год на долю мою выпало множество бед и неприятностей. После падения Томаса Кромвеля водить знакомство с бывшими его сторонниками стало небезопасно; именно поэтому многие клиенты сочли за благо отказаться от моих услуг. К тому же я нарушил давнюю традицию, ибо, представляя интересы лондонского Городского совета, выступил в суде против своего собрата по корпорации. Стивен Билкнэп по праву заслужил звание величайшего мошенника из всех, кого когда-либо носила земля, тем не менее многие законники сочли подобное

нарушение сословной солидарности недопустимым и более не желали со мной сотрудничать. Положение усугублялось тем, что Билкнэп имел весьма влиятельного покровителя. За его спиной стоял сам сэр Ричард Рич, глава Палаты перераспределения монастырского имущества.

В начале сентября я получил известие о смерти отца. Несколько дней спустя, пребывая в состоянии самой глубокой печали и мучаясь сознанием собственной вины, я вошел в свою контору и встретил обеспокоенный взгляд Барака.

– Сэр, мне надо безотлагательно с вами поговорить.

Джек многозначительно посмотрел на моего клерка Скелли, который, посверкивая очками, сосредоточенно переписывал бумаги. Барак кивнул в сторону моего кабинета. Войдя туда вслед за ним, я плотно закрыл дверь.

– С утра пораньше сюда приходил посыльный, – взволнованным шепотом сообщил Барак. – Из дворца Ламбет. Архиепископ Кранмер желает вас увидеть. Сегодня, в восемь часов вечера.

– А я-то надеялся, что сильные мира сего более никогда не заинтересуются моей скромной персоной, – вздохнул я, тяжело опускаясь в кресло.

Беспокойство Барака передалось мне в полной мере. Ни для кого не являлось секретом, что прежде мы оба работали на Кромвеля и ныне не испытывали недостатка в могущественных врагах.

– Как вы полагаете, какими последствиями чревато подобное приглашение? – обратился я к Бараку. – Возможно, до вас дошли какие-нибудь слухи?

Мне было известно, что помощник мой по-прежнему поддерживает связь со многими придворными осведомителями.

– Я ничего не знаю, – покачал головой Барак. – За исключением того, что никакая опасность нам не грозит. Так, по крайней мере, меня заверили.

В тот день мне так и не удалось сосредоточиться на делах. Я рано оставил контору и направился домой, намереваясь пообедать. Я уже подходил к воротам Линкольнс-Инн, когда заметил, что навстречу мне движется какая-то высокая тощая фигура в шелковой мантии и круглой шапочке, из-под которой выбиваются светлые кудри. То был Стивен Билкнэп, самый алчный и бесчестный законник из тех, кого мне когда-либо доводилось встречать. Он отвесил мне преувеличенно почтительный поклон.

– Приветствую вас, брат Билкнэп, – ответил я, не считая нужным нарушать бытующие в нашей корпорации правила учтивости.

– Я слышал, брат Шардлейк, что дата слушания нашего дела в суде лорд-канцлера еще не назначена, – произнес Билкнэп. – Они не слишком торопятся.

Пройдоха сокрушенно покачал головой, хотя я прекрасно понимал, что проволочки ему только на руку. Дело касалось имущества небольшого монастыря, расположенного неподалеку от Криплгейта. После упразднения монастыря Билкнэп приобрел его здания и превратил их в дешевое жилье, лишенное устроенных должным образом выгребных ям. В результате нестерпимая вонь досаждала не только обитателям бывшего монастыря, но и жителям соседних домов. В судебном порядке нам предстояло решить, имел ли Билкнэп право на приобретение монастырских зданий или, согласно существующим постановлениям, они являются собственностью Городского совета. Изворотливого стряпчего поддерживал сам Ричард Рич, который, являясь главой Палаты перераспределения монастырского имущества, был весьма заинтересован в исходе процесса. Если бы мне удалось доказать, что Билкнэп нарушил закон, продажная цена бывших монастырских владений неминуемо упала бы.

– Я обращался в контору Шести клерков с просьбой объяснить, в чем причины подобной проволочки, однако не сумел добиться вразумительного ответа, – сообщил я Билкнэпу.

В контору Шести клерков я посылал Барака, который при желании мог нагнать страху на кого угодно. Помощник мой ходил туда несколько раз и, вне всякого сомнения, проявил всю свою напористость, но не сумел добиться результата.

– Возможно, ваш друг Ричард Рич знает, в чем дело.

Сказав это, я тут же пожалел о своих словах, ибо открыто выступать против всесильного главы Палаты перераспределения отнюдь не входило в мои планы. Положение мое было таково, что каждый неверный шаг грозил самыми печальными последствиями.

– Ох, брат Шардлейк, ваша дерзость не доведет вас до добра, – укоризненно покачал головой Билкнэп. – Любопытно, что на это скажут в совете корпорации?

Мне оставалось лишь прикусить язык и пробормотать:

– Прошу меня извинить. Беру свои слова обратно.

– Принимаю ваши извинения, брат, – милостиво произнес Билкнэп и расплылся в широкой улыбке, обнажившей гнилые желтые зубы. – Когда у человека есть веские основания тревожиться о собственном будущем, самообладание и сдержанность нередко изменяют ему.

С этими словами он вновь отвесил поклон и удалился. Я проводил пройдоху глазами, борясь с отчаянным желанием наградить его пинком под зад.

* * *

После обеда я облачился в мантию стряпчего и, спустившись к реке, нанял лодку, которая доставила меня к дворцу Ламбет. В это лето в Лондоне царила непривычная тишина, ибо король вместе со всем двором путешествовал по северным графствам. Минувшей весной в столицу пришла весть о том, что в Йоркшире назрел очередной мятеж, к счастью пресеченный на корню. Именно тогда король и решил посетить северную часть страны, дабы укрепить верноподданнические чувства ее обитателей. По слухам, известие о новом восстании не на шутку встревожило и самого монарха, и его ближайших советников. Надо признать, тревога эта была отнюдь не безосновательна. Пять лет назад север Англии отказался принять церковные реформы. Армия «Благодатного паломничества», как называли себя повстанцы, насчитывала более тридцати тысяч человек и представляла собой серьезную угрозу. Для того чтобы усмирить мятежников, королю пришлось раздавать ложные обещания и, воспользовавшись полученной отсрочкой, собрать собственную армию и нанести сокрушительный удар. Восстание было потоплено в крови, однако с тех пор состояние умов на севере внушало королю серьезные опасения.

На протяжении всего июня придворные поставщики сновали по Лондону, опустошая продуктовые лавки и склады, ибо свита, в сопровождении которой король собирался на север, насчитывала более тысячи человек. Трудно было представить, как будет передвигаться кортеж, численность которого не уступает населению маленького городка. В последних числах июля двор наконец отбыл. По слухам, вереница повозок растянулась более чем на милю. Дождливое лето продолжалось, но Лондон после отъезда короля, казалось, погрузился в дрему.

Лодка проплыла мимо башни Лоллард, расположенной в северном конце дворца Ламбет; в сумерках я разглядел освещенное окно тюрьмы на самом верху башни. Там содержались еретики, арестованные по приказу архиепископа. В Лондоне окно тюрьмы называли глазом Кранмера. Лодка причалила у Большой лестницы. Стражник провел меня через внутренний двор в Большой холл и оставил в одиночестве.

Коротая минуты ожидания, я принялся разглядывать великолепный мозаичный потолок. Неслышно переступая, ко мне приблизился клерк, облаченный в черную мантию.

– Архиепископ ожидает вас, – тихо произнес он.

Вслед за клерком я углубился в лабиринт тускло освещенных коридоров; тростниковые циновки приглушали наши шаги.

Наконец я оказался в тесном кабинете с низким потолком. Томас Кранмер восседал за письменным столом и в свете укрепленной на стене свечи читал какие-то бумаги. В камине ярко горел огонь. Я склонился в низком поклоне перед могущественным архиепископом, который осмелился восстать против власти Папы и женить короля на Анне Болейн. В прежние дни архиепископ был верным другом и соратником Томаса Кромвеля, и церковные реформы являлись их общим детищем. После падения Кромвеля многие ожидали, что Кранмер разделит его участь. Однако, несмотря на то что процесс реформации повернул вспять, архиепископ сохранил свое высокое положение. Покидая Лондон, король вверил столицу его попечению. Говорили, что король доверял Кранмеру, как никому другому.

Тихим размеренным голосом архиепископ предложил сесть. Прежде мне доводилось видеть его лишь издалека, когда он произносил проповедь. Поэтому я с интересом разглядывал представительную фигуру пастыря, облаченную в белую сутану, поверх которой был накинут меховой палантин. Густые седеющие волосы обрамляли бледное овальное лицо, рот окружали глубокие морщины. Глаза архиепископа, огромные, темно-синие, были особенно примечательны. Во взоре, устремленном на меня, я различил тревогу, мучительные сомнения и тайную игру страстей.

– Итак, вы – Мэтью Шардлейк, – произнес он и, пытаясь меня ободрить, сопровождал свои слова приветливой улыбкой.

– К вашим услугам, милорд архиепископ, – ответил я, опускаясь на жесткий стул напротив своего собеседника.

Массивный серебряный крест, поблескивавший на груди Кранмера, оказался прямо у меня перед глазами.

– Как ваши дела в Линкольнс-Инн? – осведомился архиепископ.

– Хуже, чем прежде, – ответил я после недолгого колебания.

– Для тех, кто прежде служил графу Кромвелю, настали не лучшие времена, – заметил Кранмер.

– Да, милорд, – осторожно кивнул я.

– Мне бы очень хотелось, чтобы его голову наконец сняли с Лондонского моста, – изрек архиепископ. – Всякий раз, проезжая мимо, я смотрю на нее с содроганием. Точнее, на то, что оставили от нее чайки.

– Да, это печальное зрелище.

– Вам наверняка известно, что я посещал его в Тауэре. Я исповедовал его перед казнью. И он рассказал мне о последнем деле, которым вы занимались по его поручению.

Глаза мои полезли на лоб от неожиданности. Несмотря на то что в комнате было тепло, я ощутил, как по спине у меня пробежал холодок. Итак, Кранмер знал обо всем.

– Я рассказал королю о поисках темного огня. Несколько месяцев назад, – сообщил архиепископ.

Я затаил дыхание, но мой собеседник ободрительно улыбнулся и поднял руку, унизанную кольцами.

– Король очень гневался на лорда Кромвеля, устроившего его брак с Анной Клевской, и мне пришлось выждать, когда гнев его уляжется, – продолжал Кранмер. – Ныне он уже начал сожалеть о советах преданного друга, которого он лишился. Те, кто виновен в случившемся, ныне действуют с большой осторожностью. Они отрицают свою причастность к этому делу, и пока что нет никакой возможности уличить их во лжи.

Мысль, пришедшая мне на ум, вновь заставила меня содрогнуться.

– Милорд, королю известно о том, что я занимался поисками темного огня?

– Нет, – покачал головой архиепископ. – Лорд Кромвель просил меня не рассказывать об этом королю. Он понимал, вы сделали для него все, что в ваших силах. Понимал он также и то, что вы предпочитаете оставаться частным лицом.

Значит, этот суровый властный человек перед своим ужасным концом вспоминал обо мне с уважением и благодарностью. Я ощутил, как к глазам моим подступили слезы.

– Лорд Кромвель был сторонником решительных и даже жестоких мер, но он обладал многими прекрасными качествами, – продолжал архиепископ. – Вы, мастер Шардлейк, знаете это не хуже моего. Рассказывая королю об этом деле, я лишь сообщил ему, что расследованием занимались приближенные лорда Кромвеля. Его величество оставил произошедшее без последствий, хотя он был очень сердит на тех, кто ввел его в заблуждение. Не так давно он сказал герцогу Норфолку, что сожалеет о том, что поддался на происки недоброжелателей и обрек на казнь одного из самых верных своих слуг. Лорд Кромвель и в самом деле являлся одним из самых преданных советников короля.

Кранмер пристально взглянул на меня.

– Перед смертью он говорил о вас как о человеке, достойном самого безграничного доверия. По его словам, вы, как никто другой, умеете хранить чужие тайны.

– Это мой профессиональный долг.

– Но разве юридические корпорации не являются рассадниками слухов и сплетен? – с улыбкой возразил архиепископ. – Нет, граф заверил меня, что по части благоразумия и скрытности вы выгодно отличаетесь от своих собратьев по сословию.

Я осознал наконец, что в Тауэре, перед смертью, Кромвель сообщил своему давнему другу имена нескольких человек, которые могли принести последнему пользу.

– Я слышал, что отец ваш недавно скончался, – продолжал архиепископ. – Примите мои соболезнования.

Глаза мои вновь полезли на лоб. Откуда он узнал о смерти моего отца? Архиепископ поймал мой изумленный взгляд, и губы его тронула печальная улыбка.

– Я обратился в совет корпорации, дабы узнать, в Лондоне вы или нет. Там мне и сообщили о вашей утрате. Как видите, я давно уже полон желания встретиться с вами. Упокой, Господи, душу вашего отца.

– Аминь.

– Насколько я понял, отец ваш жил в Личфилде?

– Да. Через два дня я уезжаю на похороны.

– Король сейчас находится севернее этих мест. В Хатфилде. Увы, июль выдался на редкость дождливым, и это обстоятельство весьма затрудняет предпринятое его величеством путешествие. Кorteж продвигается медленно, и удовлетворить желания короля зачастую оказывается нелегко.

Архиепископ покачал головой, и на лицо его набежала тень осуждения.

Прежде мне доводилось слышать, что Кранмер отнюдь не является искусным царедворцем. Как видно, разговоры эти были далеко не безосновательны.

– Да, погода не слишком удачная для путешествия, – согласился я. – Прошлым летом царила страшная засуха, а в этом году на нас обрушился настоящий потоп.

– Слава богу, в последние дни дожди прекратились, – изрек архиепископ. – А то от езды по скверным дорогам королева совсем расхворалась.

– Говорят, она беременна, – осмелился заметить я.

– Все это пустые слухи, – нахмурившись, бросил архиепископ.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями, и заговорил вновь:

– Полагаю, вам известно, что в королевской свите есть несколько стряпчих. До сей поры никто из царствующих особ Англии не предпринимал столь грандиозного путешествия. Законники необходимы, дабы улаживать разногласия, могущие возникнуть между придворными, а также всякого рода недоразумения с поставщиками, неизбежные в столь дальнем пути.

Архиепископ шумно перевел дух.

– Вам известно также, что король обещал жителям северных графств восстановить справедливость – в тех случаях, когда она была поправа. В каждом городе он получает множество прошений, податели которых жалуются на произвол местных властей. Законники, сопровождающие короля, обязаны разбирать эти прошения, изымать те, которые кажутся им слишком глупыми или же ничтожными, и выносить решения в тех случаях, когда это представляется возможным. Оставшиеся жалобы направляются в Совет северных графств. К сожалению, один из королевских стряпчих недавно скончался. Бедняга имел несчастье захворать воспалением легких. Из конторы лорда-камергера в Тайный совет было направлено письмо с просьбой подыскать умершему достойную замену. Стряпчему, рекомендованному советом, необходимо присоединиться к королевской свите в Йорке, ибо в этом городе законников ожидает очень много работы. Я сразу вспомнил о вас.

– О! – только и смог выдохнуть я.

Отправляясь к архиепископу, я отнюдь не рассчитывал, что мне будет оказано подобное расположение.

– Вам так или иначе предстоит отправиться в Личфилд, а это на полпути к Йорку, – продолжал архиепископ. – В Лондон вы вернетесь в следующем месяце и в благодарность за услуги получите пятьдесят фунтов. Вам дозволяется взять с собой одного сопровождающего. Думаю, будет разумнее захватить своего помощника, а не слугу.

Обещанная мне награда была чрезвычайно щедрой даже по сравнению с высоким жалованьем королевских служащих. Тем не менее я не спешил ответить согласием, ибо у меня не было ни малейшего желания присоединяться к королевскому двору.

– Милорд, насколько мне известно, в королевской свите состоит сэр Ричард Рич, – со вздохом произнес я.

– Да, – кивнул Кранмер. – Я помню, что, занимаясь поисками темного огня, вы нажили себе врага в лице этого вельможи.

– И сейчас я веду тяжбу, затрагивающую его интересы. Вне всякого сомнения, Рич при первой же возможности постарается мне навредить.

– Вам не придется иметь дело ни с Ричардом Ричем, ни с королевскими советниками. Он сопровождает короля, ибо, будучи главой Палаты перераспределения, дает советы относительно того, как лучше распорядиться конфискованными у мятежников землями. А к прошениям ни король, ни его советники не проявляют ни малейшего интереса. Они всецело находятся в ведении стряпчих.

Я по-прежнему колебался. Пятьдесят фунтов позволили бы мне разрешить свои денежные затруднения и выплатить по закладной, исполнив тем самым долг перед покойным отцом. Я почувствовал, как в душе моей шевельнулось желание своими глазами увидеть грандиозное представление и, более того, стать его участником. Я сознавал, что подобная возможность выпадает раз в жизни. К тому же я надеялся, что новые впечатления развеют мою печаль.

– Решайте скорее, мастер Шардлейк, – поторопил Кранмер. – У меня мало времени.

– Я поеду, милорд. Благодарю вас за проявленное доверие.

– Превосходно, – кивнул архиепископ.

Внезапно он наклонился вперед, задев лежавшие на столе бумаги широкими рукавами сутаны.

– У меня есть к вам небольшое поручение частного характера, – произнес он, понизив голос. – Надеюсь, оказавшись в Йорке, вы сможете его выполнить.

Я затаил дыхание, ощущая себя зверем, попавшим в ловушку. В конце концов архиепископ оказался весьма ловким политиком.

Испуганное мое выражение не ускользнуло от Кранмера.

– Вам не о чем тревожиться, сэр. Поручение мое отнюдь не связано с опасностью и уж конечно не потребует от вас никаких сделок с совестью. Его может выполнить всякий, кто

обладает благоразумием и... – тут он устремил на меня пронзительный взгляд, – умеет хранить тайны.

Я молчал, прикусив губу. Архиепископ, не сводя с меня изучающего взгляда, переплел унизанные кольцами пальцы.

– Вам известно, с какой целью король предпринял путешествие на север? – спросил он.

– Полагаю, он желает напомнить жителям мятежных графств о том, как велика его власть, – проронил я.

– Не случайно говорят, что Господь создавал север, изрядно утомившись, – с неожиданной злобой произнес архиепископ. – Жителей северных графств не назовешь иначе как варварами. Они по-прежнему пребывают в папской ереси и не желают благих перемен.

В ответ я лишь кивнул, молча ожидая, когда мой собеседник откроет свои карты.

– Пять лет назад, когда на севере разразилось первое восстание, лорд Кромвель учредил там сильное правительство. Новый Совет северных графств пользуется услугами многочисленных осведомителей. Благодаря этому обстоятельству, нынешней весной удалось раскрыть новый, весьма серьезный заговор.

Архиепископ буквально пожирал меня своими огромными глазами, исполненными тайных опасений.

– В прошлый раз мятежники хотели, чтобы король избавился от советников-реформаторов.

«Да, – подумал я, – если бы мятежникам удалось одержать верх, они непременно отправили бы моего собеседника на костер».

– На этот раз заговорщики дошли до того, что обвинили короля в тирании, – продолжал архиепископ. – Они намеревались свергнуть монарха с престола. И ради достижения своей черной цели готовы были заключить союз с Шотландией. Это притом, что северяне всегда относились к шотландцам с презрением. Надо признать, по части варварства шотландцы даже превосходят жителей северных графств. Но и те и другие – ярые паписты, и это решает все. И если бы злодейские планы мятежников не были вовремя разоблачены, одному богу известно, в какую пучину они ввергли бы Англию.

Я лишь глубоко вздохнул, не проронив ни слова. Архиепископ выдавал мне тайны, которые я не имел ни малейшего желания знать. Эти тайны связывали нас, что отнюдь не отвечало моим желаниям.

– Однако некоторым заговорщикам удалось уйти от возмездия, – вновь заговорил Кранмер. – Они скрылись в горах, где и пребывают по сей день. А мы до сих пор не выяснили, как далеко заходили их преступные намерения. В тюрьме Йорка содержится один из заговорщиков, которого в скором времени отправят в Лондон по реке. Его имя – сэр Эдвард Бродерик.

Стоило Кранмеру произнести это имя, как в глазах его мелькнул страх.

– Как я уже говорил, намерения заговорщиков известны нам не до конца. Лишь несколько главарей мятежа держали в руках все его нити. Несомненно, одним из этих главарей являлся Бродерик. Об этом известно только королю и нескольким его доверенным советникам в Лондоне и Йорке. Увы, преступник хранит упорное молчание. Король направил в Йорк опытных дознавателей, однако им ничего не удалось добиться. Бродерик упрям как дьявол. Когда король прибудет в Йорк, мятежника перевезут в Халл в запечатанной карете. Потом его, как я уже упоминал, по реке отправят в Лондон. Король желает лично присутствовать при допросе. Из соображений безопасности преступника лучше допрашивать в Тауэре. Здесь служат искусные мастера, способные развязать язык кому угодно.

Я прекрасно понимал, что имеет в виду архиепископ. Мятежника подвергнут пыткам.

– Какое же содействие может оказать в этом деле скромный барристер, милорд? – осведомился я, набрав в легкие побольше воздуха.

Ответ Кранмера немало удивил меня.

– Преступника необходимо доставить в Лондон живым и здоровым, – сказал он. – За этим должны будете проследить вы.

– Но... разве у короля нет других доверенных слуг, способных выполнить подобное поручение куда лучше моего?

– Предосторожность никогда не бывает излишней, – пожал плечами Кранмер. – Разумеется, в Йорке Бродерик находится на попечении опытного тюремщика. Этого человека выбрал сам герцог Суффолк, в ведении которого находятся все вопросы, связанные с путешествием. Имя тюремщика – Фулк Редвинтер. Он вполне заслуживает доверия, однако ему не сообщили, в чем именно подозревается заключенный.

– Я впервые слышу это имя, милорд.

– Да, назначение было сделано в спешке. Поэтому меня не оставляет беспокойство.

Архиепископ поджал губы и принялся крутить в пальцах медную печать, лежавшую на столе.

– Вне всякого сомнения, Редвинтер имеет изрядный опыт по части охраны преступников и ведения допросов. Ему не раз приходилось иметь дело с еретиками. Он человек глубокой и искренней веры, и мы можем быть уверены в том, что Бродерику не удастся ускользнуть из-под стражи. – Кранмер испустил тяжкий вздох. – Однако Редвинтер бывает излишне... суров. Один из его заключенных скончался, – произнес архиепископ, сдвинув брови. – Именно поэтому я хочу, чтобы вы находились рядом с мятежником. И позаботились бы о том, чтобы он прибыл в Тауэр в добром здравии.

– Я понял, милорд.

– Я уже написал герцогу Суффолку, сообщив ему о своем желании приставить к арестанту еще одного надежного человека. Надеюсь, он верно истолковал причины, побудившие меня сделать это.

Кранмер взял со стола печать и опустил ее прямо передо мной. То была увесистая овальная пластина, по краям которой были выгравированы на латыни имя и должность Кранмера, а посередине – изображение побиваемого плетью Христа.

– Я хочу, чтобы в качестве подтверждения ваших полномочий вы взяли с собой вот это, – изрек архиепископ. – Полагаю, вы уяснили, что в вашу задачу входит лишь забота о здоровье Бродерика, как в Йорке, так и по пути в Лондон. Общение ваше с арестантом должно быть строго ограничено и подчинено одной цели – убедиться в том, что ему ничего не угрожает. Вы не должны задавать ему каких-либо вопросов, за исключением вопросов о самочувствии. Редвинтеру уже известно, что я пришлю ему в помощь своего человека. Несомненно, он отнесется к вам с должным уважением.

Губы архиепископа вновь тронула улыбка, рассеянная и невеселая.

– Редвинтер также относится к числу моих служащих, – сообщил он. – Здесь, в башне Лоллард, он охранял еретиков, арестованных по моему приказу.

– Понятно, милорд, – проронил я безучастным тоном.

– Если вы сочтете, что оковы доставляют узнику слишком много мучений, распорядитесь, чтобы их несколько ослабили, при этом не сделав менее надежными. Если узник страдает от голода, позаботьтесь о том, чтобы ему доставляли хорошую пищу. Если он болен, обеспечьте его надлежащей помощью. Как видите, я посылаю вас с милосердной миссией, – завершил Кранмер с улыбкой.

– Милорд, – произнес я, призвав все свое мужество, – я готов ехать в Йорк, но лишь для того, чтобы принять участие в разборе прошений, поданных королю. Опыт мой показывает, что мне лучше держаться в стороне от политических дел, ибо участие в них надолго лишает меня душевного спокойствия. Ныне я хочу лишь одного – оставаться, по выражению лорда Кромвеля, частным лицом. Я имел немало случаев наблюдать, какой конец выпадал на долю тех, кто...

– Вам предстоит позаботиться лишь о том, чтобы некий узник прибыл в Лондон живым и здоровым. – Архиепископ произнес это едва слышно, однако в голосе его зазвучали стальные нотки. – Поручение это не потребует от вас особых усилий, господин Шардлейк, и, полагаю, вы вполне в состоянии с ним справиться. Да будет вам известно, ранее я тоже был частным лицом, профессором Кембриджа. До тех пор, пока король не затеял великий развод и ему не потребовался мой совет. Подчас Господь призывает нас выполнить свой долг, и мы не вольны ответить отказом. И ради этого нам нередко приходится пренебречь собственным покоем и безмятежностью, – добавил он, вперив в меня пронзительный взгляд.

Взгляд этот не оставлял никаких сомнений в ожидавшей меня участи. Если я откажусь от тайного поручения архиепископа, мне придется отказаться и от участия в разборе прошений. Значит, я не смогу выплатить по закладной, и отцовскую ферму придется продать за долги. К тому же я имел неосторожность нажить при дворе достаточно врагов, и прибавлять к их числу архиепископа было по меньшей мере опрометчиво. Ловушка захлопнулась. Мне оставалось лишь повиноваться.

– Я согласен, милорд, – произнес я с тяжелым вздохом.

– Документы, подтверждающие ваши полномочия, будут отосланы к вам домой завтра, – с одобрительной улыбкой сказал Кранмер. – Я говорю о бумагах, которые позволят вам присоединиться к королевской свите в качестве законника.

Он взял со стола печать и вручил ее мне. Она оказалась чрезвычайно тяжелой.

– А это вы покажете Редвинтеру. Никаких писем не потребуется.

– Могу я сообщить моему помощнику Бараку о полученном от вас поручении, милорд?

– Да. Насколько мне известно, лорд Кромвель удостаивал этого человека своим особым доверием. Правда, по его словам, Барак отнюдь не является горячим сторонником реформ.

Архиепископ пристально посмотрел на меня:

– Как, впрочем, и вы. Вы ведь, кажется, изменили своим прежним взглядам.

– Милорд, ныне я стремлюсь честно заниматься своим ремеслом, и ничего более.

– Мне это известно. Как известно и то, что в прошлом вы были среди тех, кто надеялся привести Англию к религиозному обновлению. Надеюсь, вы и поныне убеждены в том, что истинным главой английской церкви должен являться король, а не Римский Папа, – изрек он, по-прежнему буравя меня глазами. – Божьей властью король поставлен над своими подданными, дабы наставлять их на путь истинный. Когда король говорит, сам Господь вещает устами своего помазанника.

– Да, милорд, – произнес я, хотя никогда не разделял подобного убеждения.

– Помните: мятежники чрезвычайно хитры и опасны. Для того чтобы одержать над ними верх, необходимы суровые меры. Я никогда не являлся сторонником жестокости, но сейчас у нас нет иного выбора. Мы должны защитить то, чего нам удалось достичь. Впрочем, если мы намерены превратить Англию в истинно христианское и благоденствующее государство, нам еще предстоит немало потрудиться.

– Вы совершенно правы, милорд.

Губы архиепископа вновь тронула одобрительная улыбка.

– Тогда собирайтесь в путь, господин Шардлейк, и да поможет вам Бог.

Он поднялся в знак того, что аудиенция окончена. Я поклонился и направился к дверям. В голове у меня вертелась мысль о том, что поручение Кранмера вряд ли заслуживает названия милосердной миссии. Мне предстоит заботиться о том, чтобы некий узник предстал целым и невредимым перед палачами Тауэра, которые обрекут его на медленную, мучительную смерть. Любопытно, что совершил этот Бродерик, если при одном упоминании его имени в глазах архиепископа вспыхивает страх?

* * *

Воспоминания мои были прерваны громкими голосами, раздававшимися за стенами комнаты. Я бесцеремонно толкнул Барака, так что с него разом слетела дрема. Оба мы, морщась от боли в затекших ногах, торопливо поднялись и оправили одежду. Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек в изрядно потрепанной мантии стряпчего. Мастер Ренн отличался крепким телосложением и при этом был чрезвычайно высок ростом, возвышаясь над Бараксом на целую голову. Я с облегчением убедился, что, несмотря на почтенный возраст, о котором красноречиво свидетельствовали морщины, избородившие широкое лицо мастера Ренна, его никак не назовешь дряхлым. Держался он прямо, двигался уверенно, а из-под седеющих рыжих волос, падавших на лоб, выглядывали острые и внимательные голубые глаза. Пожатие его оказалось крепким и сильным.

– Рад приветствовать вас, господин Шардлейк, – произнес он звучным голосом, в котором ощущался заметный местный акцент. – Или, лучше сказать, брат Шардлейк, ибо мы с вами являемся братьями по сословию. Джайлс Ренн, к вашим услугам. Слава богу, вы наконец прибыли. Мы уже начали опасаться, что в дороге с вами приключилось какое-нибудь несчастье.

Я обратил внимание, что, окинув меня взглядом, он, в отличие от большинства людей, не задержался на моей горбатой спине. Что ж, нашему новому знакомому не откажешь в деликатности, отметил я про себя.

– К сожалению, мы заблудились и потому провели в пути больше времени, чем рассчитывали, – пояснил я. – Позвольте вам представить моего помощника Джека Барака.

Барак поклонился и пожал протянутую руку Ренна.

– Господи боже, для клерка у вас на редкость крепкая хватка, – усмехнулся старый законник и похлопал Барака по плечу. – Вы можете служить добрым примером своим товарищам по ремеслу, молодой человек. В нынешние времена молодежь слишком мало двигается, а что касается клерков, они зачастую имеют жалкий вид.

Ренн бросил взгляд на стол, на котором стояли пустые тарелки.

– Вижу: моя добрая Меджи уже покормила вас.

Ренн подошел к огню. Сокол повернулся к нему, звякнув крошечным колокольчиком, который был привязан к одной из его лап. Хозяин ласково почесал птице шею.

– Ну что, старушка Октавия? Не замерзла? – с улыбкой проворковал он. – Когда-то мы с этой птицей были заядлыми охотниками, но старость не пошла нам на пользу, – пояснил он. – Прошу вас, садитесь. Мне очень жаль, что на время вашего пребывания в городе я не могу предоставить вам кров.

Ренн опустился в кресло и с сокрушенным видом окинул взором пыльную мебель и груды книг.

– Увы, с тех пор, как три года назад скончалась моя бедная жена, в доме царит запустение. Сами понимаете, что взять со старого вдовца? Я держу всего двоих слуг – Меджи и мальчика-конюха. Меджи стареет, и ей все труднее справляться с работой по дому. Но прогнать ее я не могу, ведь она была горничной моей покойной жены.

«Что ж, похоже, предположение Барака было недалеко от истины», – мысленно отметил я.

– Мы остановимся в бывшем аббатстве Святой Марии, – произнес я вслух. – Но в любом случае мы очень благодарны вам за любезность.

– Уверен, в аббатстве вам будет удобно, – заявил Ренн, потирая руки. – Вскоре всем нам предстоят интересные деньки. Когда в город прибудет королевский кортеж во всей красе, здесь будет на что посмотреть. Но сейчас вам необходимо отдохнуть с дороги. Думаю, вам лучше прийти сюда завтра, часам к десяти утра. Мы посвятим целый день разбору прошений.

– Превосходно, – кивнул я и добавил: – Судя по всему, в аббатстве вовсю ведутся приготовления к приезду короля.

– Говорят, там спешно возводится множество великолепных зданий, – подтвердил Ренн. – Лукас Хоренбаут прибыл в Йорк, дабы лично надзирать за строительством.

– Хоренбаут? Голландский художник, пользующийся особым расположением короля?

– Да, – с улыбкой кивнул Ренн. – Я слышал, ныне его считают непревзойденным мастером – после Гольбейна, конечно.

– Он и в самом деле великий художник. Вот уж не думал, что он в Йорке.

– С его помощью город готовится к торжественной церемонии. Правда, сам я не видел новых зданий: ведь в аббатство Святой Марии пропускают лишь тех, у кого есть там дело. Поговаривают, королева в положении и именно в Йорке состоится ее коронация. Но, возможно, это всего лишь пустые слухи.

Помолчав, он спросил, устремив на меня любопытный взгляд:

– А вы что-нибудь слышали об этом?

– До меня тоже доходили подобные слухи. Но их вряд ли следует принимать на веру, – заявил я, вспомнив, какую досаду вызвало у Кранмера упоминание о беременности королевы.

– Что ж, будем ждать. Если эта новость верна, жителям Йорка сообщат о ней, когда сочтут нужным.

В бодрой тираде Ренна мне послышались нотки тщательно скрываемой досады, и я внимательно взглянул на него.

– Возможно, королева Кэтрин будет коронована именно в вашем городе. Так или иначе, звание супруги короля ей удастся сохранять уже более года.

Последнее замечание я позволил себе намеренно. Мне хотелось, чтобы мой новый знакомый уяснил: я не принадлежу к числу тех твердолобых королевских служащих, которые почи-тают своим долгом благоговейно отзываться обо всех деяниях монарха.

Слова мои достигли цели, ибо Ренн ответил мне понимающей улыбкой.

– Прошений подано великое множество, так что нам предстоит уйма работы, – заявил он. – Я очень рад, что наконец-то у меня есть помощники. Вы не представляете себе, сколько среди этих петиций встречается таких, что яйца выеденного не стоят. Не далее как вчера мне встретила жалоба человека, затеявшего тяжбу из-за дюйма земли. Но вас, брат, подобными примерами человеческой глупости, разумеется, не удивишь, – со смехом добавил Ренн.

– Мне встречалось и не такое. Кстати, в основном я занимаюсь делами, связанными именно с правом на собственность.

– Ох, сэр, боюсь, вам придется пожалеть, что вы сообщили мне об этом. – Ренн подмигнул Бараку. – Теперь я с чистой совестью передам вам все имущественные дела. А себе оставляю те, что связаны с просроченными долгами и личной враждой.

– Насколько я понимаю, все поданные петиции касаются этих трех предметов – имущества, вражды или долгов?

– Да, по большей части. Меня предупредили, что все эти прошения следует разбирать с особым тщанием, ибо жители северных графств должны убедиться в справедливости и милосердии короля. Незначительные дела должны решить мы, люди, облеченные особым доверием монарха. Дела более сложные следует передавать в королевский совет.

– А каким образом мы будем выносить решение по петициям?

– На третейском суде, наделенном особыми полномочиями. Я буду его главой, а другими двумя судьями – вы и представитель Совета северных графств. Прежде вам доводилось участвовать в третейском суде?

– Да, и не раз. Насколько я понял, король не будет иметь касательства к решению всех этих дел.

– Ни малейшего, – покачал головой Ренн. – Но тем не менее нам с вами предстоит встреча с его величеством, – добавил он после недолгого молчания.

– Когда, сэр? – хором спросили мы с Бараком.

– Во время торжественной церемонии. Во всех городах и деревнях, что тянутся вдоль дороги, к королю обращаются представители местного дворянства и члены городских советов, которые пять лет назад запятали себя участием в мятеже. Ныне они на коленях умоляют монарха о снисхождении. Насколько мне известно, король намерен даровать этим людям свое прощение, однако они должны будут вновь поклясться ему в верности. Но, согласно секретному приказу, не следует позволять бывшим мятежникам собираться в одном месте в большом количестве. Вы сами понимаете, короля необходимо оградить от любых возможных опасностей. Поэтому процессию сопровождает тысяча солдат, а королевская артиллерия по реке направилась в Халл.

– Однако до сих пор никаких неприятных происшествий не произошло?

– Слава богу, нет. Но, как известно, смирение побежденных часто бывает обманчиво. Здесь, в Йорке, церемония повторного принесения клятвы должна превратиться в грандиозное зрелище. Члены Городского совета, облаченные в черные мантии, намерены встретить короля и королеву на въезде в город и попросить прощения за то, что в тысяча пятьсот тридцать шестом году они позволили мятежникам сделать Йорк своей столицей. Горожане при этом не будут присутствовать, ибо простолюдинам ни к чему видеть глав города в коленопреклоненном положении. К тому же, – вскинув мохнатую бровь, многозначительно произнес Ренн, – жители города могут счесть себя униженными, и это возбудит у них гнев против короля. Принеся покаяние, главы города вручат его величеству подарки, огромные кубки, наполненные золотыми монетами. Монеты эти были собраны жителями города, – сообщил он с язвительной улыбкой. – И можете мне поверить, многих из них было не так просто заставить раскошиться.

Ренн глубоко вдохнул и с важностью изрек:

– Так вот, городские власти считают, что мы, стряпчие, облеченные особым королевским доверием, тоже должны принять участие в церемонии. Мы подадим королю петиции, которые он впоследствии не удостоит даже взглядом.

– О, нам предназначена важная роль, – протянул я.

Как видно, Кранмер покривил душой, пообещав, что мне не придется иметь никакого касательства к королевской свите.

– Но еще неизвестно, будет ли нам дозволено ее исполнить. Пока еще ничего не решено окончательно. Танкерд, городской рекордер, места себе не находит от волнения – ведь ему предстоит произнести покаянную речь. Городские советники без конца посылают депеши герцогу Суффолку, дабы удостовериться, что все их намерения полностью отвечают желаниям короля. Откровенно говоря, мне бы очень хотелось увидеть короля собственными глазами, – с улыбкой признался Ренн. – Насколько мне известно, завтра он покинет Халл. В Понтефракте его величество задержался дольше, чем рассчитывал, и Халл посетил прежде Йорка. Кстати, в конце путешествия король намерен вновь заглянуть в Халл: он хочет лично удостовериться, что укрепления этого города приведены в надлежащее состояние.

«Нам тоже предстоит отправиться в Халл, – мысленно отметил я. – Именно там мы сядем на корабль вместе с нашим драгоценным узником».

– И когда состоится торжественная церемония? – спросил я вслух.

– Полагаю, в начале следующей недели, – ответил Ренн. – Король прибудет сюда через несколько дней.

Он метнул в меня пытливый взгляд и осведомился:

– Возможно, вам, жителю Лондона, уже доводилось видеть короля?

– Я видел его лишь однажды и то издалека. Это было в день коронации Нэн Болейн, – со вздохом сообщил я. – Что ж, если нам предстоит участвовать в церемонии, я поступил разумно, захватив с собой свою парадную мантию и новую шляпу.

– Да, возможно, они вам пригодятся, – сказал Ренн и поднялся с усилием, выдававшим его возраст. – Не смею больше вас задерживать, джентльмены. Разумеется, проделав столь долгий путь, вы очень устали и сейчас более всего нуждаетесь в отдыхе.

– Не буду скрывать, мы изрядно утомились, – подтвердил я.

– Кстати, кое-что в речи местных жителей может показаться вам непонятным. Запомните, улицу здесь зачастую называют воротами, а ворота – задвижкой.

– Постараемся запомнить, – усмехнулся Барак, почесывая голову.

– Я распоряжусь привести ваших лошадей, – сказал Ренн.

Мы попрощались со старым законником и двинулись к воротам соборной ограды.

– По-моему, мастер Ренн – очень славный старикан, – обратился я к своему помощнику.

– Согласен, – кивнул Барак. – Для стряпчего у него на удивление веселый нрав.

– Настало время ехать в замок, – со вздохом изрек я. – Мы не можем отложить этот неприятный визит.

Глава третья

Оказавшись за воротами, мы замешкались, так как не знали, какая улица ведет в замок. Наконец я окликнул проходившего мимо белобрысого мальчишку и попросил его указать нам путь, пообещав за услугу фартинг. Сорванец смерил меня подозрительным взглядом.

– Покажите-ка сначала этот фартинг, господин.

– Вот он, – сказал я, вытаскивая из кармана монетку. – А теперь, парень, покажи, где замок.

Он указал рукой в дальний конец улицы.

– Езжайте к скотобойне. Вокруг стоит такая вонь, что вы ее легко найдете. А как проедете мимо, езжайте через площадь. Там и увидите замок.

Я вручил мальчугану фартинг. Подождав, пока мы отъедем прочь на значительное расстояние, он истошно завопил: «Еретики с юга!» – и скрылся в одном из ближайших переулков. Прохожие встретили его выходку одобрительными улыбками.

– Сразу видно, нас здесь не слишком жалуют, – ухмыльнулся Барак.

– Да, на радушный прием рассчитывать не приходится. Северяне презируют жителей южных графств, ибо те приняли новую религию.

– А сами они по-прежнему верны Папе?

– Именно так. Как видно, латынь кажется им более благозвучной, чем родная речь, – не без сарказма заметил я.

Барак в ответ лишь молча вскинул бровь. Он никогда не говорил о своих религиозных убеждениях, но я давно уже подозревал, что евангелическая доктрина оставляет его столь же равнодушным, как и папизм. Знал я также, что он до сих пор горько сожалеет о гибели Томаса Кромвеля. Однако привязанность его к бывшему патрону не имела никакого отношения к церковным реформам.

Мы с трудом проталкивались сквозь толпу. Одежда Барака, как и моя собственная, была покрыта пылью, худое, но красивое лицо моего помощника потемнело от загара, который он приобрел за время пути.

– А старину Ренна очень занимало, беременна королева или нет, – заметил он.

– Ну, он не одинок в своем любопытстве. У короля один-единственный сын. Для того чтобы обеспечить своей династии надежное будущее, ему необходимы еще наследники.

– Один из моих старых знакомых, из тех, что служат при дворе, рассказал, что нынешней весной король едва не умер. Язва на ноге чуть было не свела его в могилу. Он даже ходить не мог, и его возили по Уайтхоллу в кресле на колесах.

Я с интересом взглянул на Барака. Среди соглядатаев и осведомителей, состоявших на королевской службе, у него оставалось немало приятелей, которые снабжали его новостями, подчас самого пикантного свойства.

– Если бы представительница семейства Говард родила королю сына, это изрядно усилило бы позиции папистов при дворе, – размышлял я. – Ведь их глава герцог Норфолк приходится королеве родным дядей.

– Говорят, религия ничуть не интересуется королеву, – покачал головой Барак. – Да и чего удивительного? Ей ведь всего восемнадцать. Совсем еще девчонка. Старый хрыч отхватил лакомый кусочек, – добавил Барак с косою усмешкой.

– Кранмер намекнул, что в последнее время Норфолк утратил расположение короля, – сказал я, сочтя за благо пропустить мимо ушей непочтительное замечание Джека.

– Может, старине Норфолку придется расстаться с головой, – буркнул Барак, и в голосе его послышалась горечь. – Мало ли что взбредет на ум королю.

– Говорите тише, – предостерег я.

Здесь, в незнакомом городе, я ощущал себя не слишком уверенно. Улицы, в отличие от лондонских, были узки и кривы и, судя по всему, всегда плотно забиты прохожими. Ехать верхом в такой густой толпе было до крайности неудобно, и я решил, что в этом городе мы будем передвигаться исключительно пешком. Несмотря на многолюдство и на оживленную торговлю, несомненно связанную с ожидаемым прибытием короля, царившая на улицах толчея ничуть не напоминала лондонскую жизнерадостную суету. Лица были угрюмы и неприветливы, и я постоянно ловил на себе враждебные взгляды.

Мальчишка не обманул нас, пообещав, что мы легко отыщем скотобойню по вони. Запах сырого мяса ударил в ноздри, когда мы находились от бойни по меньшей мере ярдах в двадцати. Мы въехали в узкую улочку, где на прилавках были разложены куски разрубленных туш, над которыми во множестве кружились мухи. Мостовую здесь покрывали кучи требухи самого отталкивающего вида, и мне оставалось лишь радоваться, что мы верхом. Барак, сморщив нос, наблюдал за торговцами, отгоняющими мух от своего товара, и за хозяйками, которые, высоко подняв юбки, дабы не испачкать их кровью, высматривали куски поаппетитнее. Я поглаживал Предка, испуганного зловонием, и бормотал успокоительные слова. Наконец прилавки остались позади. Свернув на другую, более спокойную улицу, мы увидели в ее конце городскую стену, над которой возвышалась навесная башня, окруженная стражниками. Далее виднелась зеленая гора, увенчанная серой каменной громадой.

– Вот он, замок, – сказал я.

К нам приблизилась молодая девушка. Я обратил на нее внимание, ибо за ней следовал слуга, на камзоле которого красовалась королевская кокарда. Девушка была на редкость хороша собой, мягкие ее черты дышали свежестью, кожа поражала белизной, а пухлые губки неодолимо привлекали взор. Ее нарядному желтому платью могли бы позавидовать лондонские модницы, из-под белоснежного чепца виднелись пышные белокурые локоны. Она заметила мой взгляд, но, равнодушно отвернувшись, стрельнула глазами в Барака, сопроводив свой маневр обворожительной улыбкой. Барак не замедлил улыбнуться в ответ, обнажив свои превосходные зубы, и приветствовал красавицу, приподняв шляпу. Девушка скромно потупила взор и скрылась из виду.

– Вижу, здесь царят вольные нравы, – проронил я.

– По-вашему, молодая красивая девушка не может улыбнуться молодому красивому парню? – расхохотался Барак.

– Не вздумайте затевать здесь интрижки. Красавицы из Йорка, того и гляди, проглотят вас заживо.

– Ну, если меня проглотит такой прелестный ротик, я не буду возражать.

Мы приблизились к навесной башне. Около нее тоже торчали на шестах отрубленные головы, а прямо над воротами была прибита гвоздями полусгнившая нога. Я показал часовым письмо, подтверждающее мои полномочия, и ворота открылись перед нами. Мы проехали по навесному мосту, перекинутому через обмелевший ров, полный грязи и ила. Взглянув на главную башню, я заметил, что она пребывает в плачевном состоянии. Белые стены, покрытые лишайником, пересекала глубокая трещина, идущая от вершины башни до самого ее низа. По навесному мосту во множестве сновали люди, и, увидев нескольких законников, облаченных в черные мантии, я вспомнил, что в замке находится городской суд Йорка. Когда мы, миновав мост, подъехали ко вторым воротам, по обеим сторонам которых возвышались сторожевые башни, путь нам вновь преградили часовые в мундирах королевской стражи. Один из них схватил Предка под уздцы и пристально взглянул на меня.

– Какое дело привело вас в замок?

Сильный акцент, ощущавшийся в речи парня, свидетельствовал о том, что передо мной уроженец здешних мест.

– Мы прибыли из Лондона. Нам необходимо увидеть господина Редвинтера, служащего архиепископа.

– Отправляйтесь к южной башне, той, что на другой стороне двора, – распорядился солдат, продолжая буравить меня глазами.

Въехав в ворота, я обернулся и заметил, что часовой подозрительно смотрит нам вслед.

– В этом городе чертовски много стен и ворот, – заявил Барак, когда мы въехали во внутренний двор замка.

Все вокруг говорило о том, что замок знавал лучшие времена. Сооружения, окружавшие нас, отличались внушительными размерами, однако, подобно главной башне, имели до крайности обветшалый и запущенный вид. Здание суда, на ступенях которого стояло несколько стряпчих, погруженных в жаркий спор, казалось, вот-вот развалится.

«Неудивительно, что король предпочел остановиться в аббатстве Святой Марии», – подумал я.

На вершине башни болтался какой-то бесформенный предмет. Присмотревшись получше, я различил, что это человеческий скелет, закованный в тяжелые цепи.

– Еще один мятежник, – вздохнул Барак. – Похоже, трупы и скелеты являются главным украшением этого города.

– Нет, судя по всему, это не участник последнего мятежа, – возразил я. – Видите, кости успели побелеть от времени. Скорее всего, это не кто иной, как Роберт Эск, который пять лет назад возглавил «Благодатное паломничество».

Звон цепей, долетевший до моего слуха, заставил меня вздрогнуть.

– Здесь так много башен, что отыскать нужную нам будет не просто, – заметил я, натягивая поводья.

На противоположной стороне двора виднелись еще одни ворота, окруженные сторожевыми башнями. Мы подъехали к ним и спешили. Несмотря на короткий отдых, который выпал нам в доме старого законника, я по-прежнему чувствовал себя усталым и разбитым. Что до Барака, то он, казалось, полностью восстановил силы.

«Сегодня вечером непременно сделаю упражнения, укрепляющие спину», – мысленно пообещал я себе.

Появился часовой, человек не первой молодости, с грубым широким лицом. Я сообщил ему, что мы прибыли по поручению архиепископа Кранмера и хотим увидеть господина Редвинтера.

– Он ожидал вас вчера, – процедил часовой.

– Да, мы должны были прибыть в Йорк вчера, но задержались в пути по не зависящим от нас обстоятельствам. Будьте добры, прикажите отвести лошадей в конюшню и покормить. Они едва держатся на ногах от усталости и голода.

Часовой подозвал еще одного солдата.

– Идите с ним, – сказал я Бараку. – Думаю, будет лучше, если в первый раз я встречу с Редвинтером наедине.

Во взгляде Барака мелькнуло откровенное разочарование, однако он не стал перечить и вслед за солдатом двинулся в сторону конюшен. Часовой подвел меня к двери в башню, отпер ее и начал подниматься по винтовой лестнице, которая почти тонула во тьме, ибо свет туда проникал лишь сквозь узкие, точно щели, оконца. Я следовал за ним. Поднявшись примерно до половины лестницы, я изрядно запыхался; наконец часовой остановился у массивной дубовой двери и постучал в нее.

– Войдите, – донеслось изнутри.

Мой провожатый распахнул дверь, посторонился, пропуская меня внутрь, и захлопнул дверь за моей спиной. До слуха донеслись его удаляющиеся шаги.

Комната, в которой я оказался, производила чрезвычайно угрюмое и мрачное впечатление. Окна здесь были такие же узкие, как на лестнице, так что в помещении царил сумрак. Голые стены не имели никаких украшений, каменные плиты пола покрывали плетеные циновки. У одной из стен я увидел аккуратно заправленную кровать, у другой – письменный стол, заваленный бумагами. За столом, в мягком кресле, сидел какой-то человек, погруженный в чтение книги. Свет свечи, стоявшей рядом, разгонял полумрак, позволяя ему разбирать строчки. Я ожидал, что мастер Редвинтер предстанет передо мной в унылом одеянии тюремного надзирателя, однако на нем был хороший коричневый камзол и шерстяные штаны. Завидев меня, он отложил книгу, поднялся и растянул губы в широкой кошачьей улыбке.

На вид Редвинтеру можно было дать лет сорок. На обеих щеках залегли глубокие продольные морщины, но лицо, обрамленное короткой черной бородкой, было правильным и даже приятным. И в бороде, и в волосах сверкали серебряные нити седины. Он был худощав и невысок ростом, однако жилист и, вне всякого сомнения, не обделен силой.

– Добрый день, господин Шардлейк, – произнес он негромким мелодичным голосом и протянул руку. В речи его слышалась особенная лондонская картавость. – Фулк Редвинтер к вашим услугам. Я ожидал вас еще вчера.

Улыбка, обнажавшая мелкие белые зубы, по-прежнему играла на его губах, однако взгляд голубых пронзительных глаз был холоден как лед. Рука, которую я сжал в своей, оказалась чистой и холеной, ногти были аккуратно подстрижены. Вне всякого сомнения, новый мой знакомый ничуть не походил на обычного тюремщика.

– Вас утомил подъем по лестнице? – участливо осведомился он. – Я вижу, вы запыхались.

– Мы с помощником всю ночь провели в седле, мастер Редвинтер, – ответил я довольно холодным тоном, желая с самого начала утвердить свое главенство.

Опустив руку в карман, я нащупал печать архиепископа.

– Я должен показать вам вот это, – сказал я, протягивая печать Редвинтеру.

Несколько минут он пристально ее разглядывал, потом вернул мне.

– Все в порядке, – заявил он и вновь растянул губы в улыбке.

– Полагаю, цель моего приезда вам известна. Вы получили письмо милорда архиепископа? То, в котором он сообщает, что я послан сюда, дабы заботиться о благоденствии сэра Эдварда Бродерика?

– Да, – кивнул Редвинтер. – Хотя, откровенно говоря, в этом нет никакой необходимости. Вне всякого сомнения, архиепископ – великий человек, наделенный несравненными добродетелями. Но порой он бывает склонен к безосновательным тревогам.

– Надеюсь, сэр Эдвард пребывает в добром здравии?

– Не совсем, – склонив голову, prorонил Редвинтер. – Дело в том, что после ареста королевские дознаватели обращались с ним... не слишком учтиво. Это было еще до того, как архиепископ принял решение доставить узника в Лондон. Видите ли, наружу вышли некоторые обстоятельства, – добавил он, многозначительно вскинув бровь. – Обстоятельства весьма секретного свойства.

Вне всякого сомнения, Редвинтер знал, что я, так же как и он сам, не осведомлен об этих секретных обстоятельствах; наверняка архиепископ упомянул об этом в своем письме.

– Насколько я понял, до вашего приезда в Йорк узника пытали?

– Да, – кивнул тюремщик. – Именно поэтому сейчас он чувствует себя не лучшим образом. Но тут уж ничего нельзя сделать. Что касается условий, в которых он содержится ныне, то любой заключенный может только мечтать о таких. Вскоре Бродерику предстоит путешествие в Лондон, и, думаю, там его здоровью будет нанесен весьма серьезный урон. Король намеревается подвергнуть его допросу с пристрастием, а в Лондоне есть люди, которые изрядно поднапорели в подобных делах.

До сих пор я гнал от себя прочь мысль о том, какая участь ожидает моего будущего подопечного по прибытии в Лондон, и слова тюремщика заставили меня содрогнуться.

– Не желаете ли пива, сэр? – любезно спросил Редвинтер.

– Нет, благодарю вас. Прежде всего я хочу повидаться с сэром Эдвардом.

– Разумеется, вы увидите его безотлагательно, – с готовностью заявил тюремщик. – Сейчас достану ключи.

С этими словами он направился к громоздкому сундуку и открыл его. Я тем временем бросил взгляд на бумаги, лежавшие на столе. По большей части то были различные приказы и записки, написанные мелким круглым почерком. Что касается книги, которую до моего прихода читал тюремщик, ею оказалась «Покорность христианина» Тиндейла, сочинение, излюбленное реформаторами. Стол стоял рядом с одним из узких окон, откуда открывался превосходный вид на город. Подойдя к окну, я увидел множество остроконечных шпилей и огромную церковь без крыши, вне всякого сомнения принадлежавшую уничтоженному монастырю. Вдали расстилались болота, за которыми блестело озеро. Посмотрев вниз, я увидел ров, который на этой стороне замка был гораздо шире. Берега его густо поросли тростником. Около рва сновало множество людей с большими корзинами.

– Местные жители приходят сюда за тростником. Они делают из него светильники.

Вкрадчивый голос Редвинтера раздался за моей спиной так неожиданно, что я невольно вздрогнул.

– Есть у них и еще один промысел. Вон, видите?

Редвинтер указал на женщину, которая отдирала что-то, прилипшее к ее ногам. До меня донесся приглушенный крик боли.

– Они нарочно заходят в воду босиком, чтобы к их ногам присосались пиявки, – с улыбкой пояснил Редвинтер. – А потом продают пиявок аптекарям.

– Стоять в грязной воде, ожидая, когда эти твари присосутся к ногам, – довольно неприятное занятие, – заметил я.

– Да уж, – согласился Редвинтер. – Ноги у любителей подобного промысла сплошь покрыты маленькими шрамами. – Он повернулся и добавил, глядя мне прямо в глаза: – В точности так тело Англии покрыто шрамами, оставленными ненасытными римскими пиявками. Идемте посмотрим, как дела у нашего друга Бродерика.

И, не дожидаясь ответа, он направился к дверям.

Прежде чем поспешить за ним, я взял со стола свечу.

* * *

Редвинтер проворно поднялся по лестнице на следующий этаж и остановился у массивной двери с маленьким зарешеченным окошечком. Предварительно заглянув внутрь, он отпер дверь и вошел. Я последовал за ним.

Камера оказалась тесной и сумрачной, ибо свет проникал сюда сквозь единственное крошечное оконце, зарешеченное, но лишенное стекол. Распахнутые ставни пропускали в камеру прохладный ветер. Холодный спертый воздух насквозь пропитался сыростью, циновки у меня под ногами были склизкими и грязными. Звон цепей, донесшийся из угла камеры, заставил меня повернуться. На деревянной койке лежал исхудалый человек в грязной белой рубахе.

– К вам посетитель, Бродерик, – сообщил Редвинтер. – Из самого Лондона.

Голос его оставался ровным и спокойным.

Узник сел, зазвеневав цепями. Двигался он медленно и с явным усилием. Я решил, что передо мной пожилой человек, однако, взглядевшись в бледное, покрытое грязными разводами лицо, убедился, что заключенному нет еще и тридцати. При других обстоятельствах это узкое, удлиненное лицо, несомненно, было очень привлекательно, но сейчас его уродовала неряшли-

вая клочковатая борода. Волосы арестанта, густые и белокурые, висели свалевшимися сальными прядями. Этот изнуренный человек отнюдь не показался мне опасным, но устремленный на меня взгляд налитых кровью глаз сверкнул откровенной яростью. Длинные цепи, продетые в кандалы, болтавшиеся на тонких запястьях, были прикреплены к стене над кроватью.

– Из Лондона? – Голос узника был хриплым, но по произношению в нем нетрудно было узнать джентльмена. – И зачем вы приехали, позвольте спросить? Вас привело сюда желание узнать, по нраву ли мне, когда в меня тычут раскаленной кочергой?

– Вовсе нет, – мягко возразил я. – Я приехал сюда, дабы заботиться о вашем здоровье и безопасности.

Ярость, сверкавшая в глазах узника, нисколько не погасла.

– Значит, королевские мастера пыток не желают, чтобы кто-то отбивал у них хлеб? – усмехнулся он. – Им подавай целую и невредимую жертву.

Голос его сорвался, и он зашелся приступом кашля.

– Ради бога, господин Редвинтер, позвольте мне утолить жажду.

– Я прикажу принести вам воды лишь после того, как вы повторите строфы, которые я задал вам вчера.

– О чем идет речь? – спросил я, недоуменно воззрившись на тюремщика.

– Я решил, будет полезно заставлять Бродерика каждый день заучивать наизусть десять строф из Библии, – с улыбкой пояснил Редвинтер. – Надеюсь, слово Господне, которое он прочтет на своем родном языке, просветлит его душу, погрязшую в папистской ереси. Вчера он пренебрег своим уроком. Я сказал ему: он не получит ни капли воды, пока не затвердит заданное.

– Немедленно принесите ему пить! – непререкаемым тоном распорядился я. – Вы здесь для того, чтобы заботиться о его теле, а не о его душе.

Я поднял свечу, дабы лучше рассмотреть лицо Редвинтера. На мгновение он недовольно поджал губы и сразу же вновь растянул их в улыбке.

– Разумеется, сэр. Наверное, жажда – не лучший наставник. Сейчас я позову стражника и прикажу принести какого-нибудь питья.

– Нет, сходите сами. Так будет быстрее. За мою безопасность можете не тревожиться. Арестант надежно закован.

Редвинтер несколько замешкался, однако счел за благо не возражать и беспрекословно вышел из комнаты. Я слышал, как он поворачивает ключ в замке, запирая камеру. Заключенный хранил молчание, без движения сидя на своем жестком ложе.

– Возможно, вы в чем-нибудь нуждаетесь? – осведомился я, подходя к нему ближе. – Верьте, я искренне желаю вам помочь. Мне неизвестно, в чем вас обвиняют. Цель моя состоит в том, чтобы доставить вас в Лондон в добром здравии. Именно в этом состоит поручение архиепископа.

Бродерик внимательно посмотрел на меня, и лицо его исказила гримаса, отдаленно напоминающая улыбку.

– Значит, архиепископ опасается, что Редвинтер излишне увлечется, упражняясь на мне в пыточном мастерстве?

– А он уже предавался... подобным упражнениям? – спросил я.

– Нет, – покачал головой узник. – Терзать мою душу нравится ему куда больше, чем терзать тело. Только я не из тех, кого легко сбить с пути.

Бродерик впериł в меня долгий пристальный взгляд и вновь растянулся на своей койке. Я увидел, как в открытом воротах его рубашки мелькнул багровый след ожога.

– Покажите, что там у вас, – приказал я. – Откройте грудь.

Заключенный пожал плечами, однако сел и развязал тесемки у ворота. Зрелище, открывшееся мне, заставило меня вздрогнуть. На коже узника темнело несколько отметин, судя по

всему, оставленных раскаленной кочергой. Один из ожогов воспалился особенно сильно и обильно сочился гноем. Взгляд заключенного был исполнен такой огненной ярости, что мне казалось, он вот-вот прожжет меня насквозь.

«Если Редвинтер – это лед, то этот человек, несомненно, пламя», – пронеслось у меня в голове.

– Где это вас так украсили?

– Здесь, в замке, где же еще, – усмехнулся узник. – Две недели назад, когда я был арестован, люди короля решили попробовать развязать мне язык. Только у них ничего не вышло. Поэтому меня перевозят в Лондон, дабы передать в руки настоящих мастеров пыточного дела. Впрочем, вам это все прекрасно известно.

Я не нашел что ответить.

– Никак не могу понять, что вы за человек, – произнес Бродерик, с любопытством глядя на меня. – Разумеется, вы заодно с Редвинтером. Но, судя по вашему лицу, вам тяжело смотреть на мои ожоги.

– Я всего лишь стряпчий. И как я уже сообщал вам, моя цель – заботиться о вашем здоровье и безопасности.

В глазах арестанта вновь вспыхнула ярость.

– И вы полагаете, Господь сочтет эту цель благой? – процедил он.

– Почему нет? – пожал я плечами.

– Вы доставите меня в Лондон в целости и сохранности, дабы передать в руки лондонских палачей, которые не оставят на мне живого места. Я предпочел бы умереть здесь.

– Вы можете избежать пыток, если сообщите дознавателям сведения, которые они желают от вас получить. Так или иначе, они вытянут из вас все.

Губы заключенного исказила улыбка, исполненная глубочайшего презрения.

– А-а, я понял, что вы за птица. Посланы сюда, чтобы втереться ко мне в доверие и склонить к предательству. Напрасно стараетесь. Я ничего не скажу, несмотря на все ухищрения палачей.

– Многие арестанты, входя под своды Тауэра, давали себе зарок хранить молчание. Мало кому удавалось его выполнить, – покачал я головой. – Впрочем, я вовсе не собираюсь склонять вас к чему бы то ни было. Я намерен лишь пригласить к вам лекаря.

– Я не нуждаюсь в ваших заботах, горбун, – бросил Бродерик и, растянувшись на койке, устался в зарешеченное оконце.

Какое-то время мы оба хранили молчание. Потом он внезапно спросил:

– Скажите, вы видели скелет Роберта Эска, который висит на башне Клифффорд?

– Так это Эск? Да, видел.

– Мои цепи настолько длинны, что я могу подойти к окну, – сообщил узник. – И когда я смотрю на то, что осталось от Эска, ко мне приходят воспоминания. Хотя Роберта обвинили в государственной измене, король обещал, что его не будут ни четвертовать, ни потрошить заживо. К великой радости Роберта, ему сообщили, что его всего лишь повесят. Но бедняга напрасно рассчитывал на легкую смерть. Он не знал, что его закуют в цепи и живым подвешат на башне, оставив медленно умирать от голода и жажды.

Бродерик вновь зашелся кашлем.

– Бедный Роберт. Как он мог поверить Жестокому Генри?

– Воздержитесь от подобных выражений, сэр Эдвард.

– Роберт Эск был моим другом, – произнес узник, глядя мне прямо в глаза.

В замке раздался скрежет ключа, и в камеру вошел Редвинтер с кувшином пива в руках. Он протянул кувшин Бродерику, который немедленно осушил его едва ли не наполовину. Я сделал Редвинтеру знак отойти в дальний угол.

– Он рассказал вам что-нибудь? – шепотом осведомился тюремщик.

– Лишь сообщил, что был знаком с Робертом Эском. Я заметил на его теле ожоги, вид которых внушил мне беспокойство. Один из них сильно воспален и гноится. Необходимо пригласить к заключенному лекаря.

– Вы правы, – кивнул Редвинтер. – Ожог может вызвать лихорадку, которая унесет его в могилу. А архиепископу нет никакой пользы от мертвеца.

– Сделайте милость, пригласите лекаря безотлагательно. Завтра я зайду и посмотрю, как чувствует себя заключенный. И прикажите сменить здесь циновки. От этих невыносимо смердит.

– Прикажете постлать в камере циновки из благоуханных трав?

Редвинтер по-прежнему улыбался. Однако в голосе его прорвалась откровенная злоба.

– Значит, вы были знакомы с Эском, Бродерик, – обратился он к узнику. – Хочу вам кое-что рассказать о его посмертной участи. Вскоре после того, как его вздернули на башню, вороны сожрали всю его плоть и мелкие кости начали падать на землю. Во дворе пришлось поставить стражу, ибо люди приходили сюда, желая завладеть костями злоумышленника. Несмотря на охрану, паписты Йорка растащили по домам весь этот хлам. Говорят, они держат кости Эска в навозных кучах, дабы священные реликвии не были найдены при обыске. Бесспорно, это наиболее подходящее место для...

Издав нечто среднее между стоном и рычанием, Бродерик вскочил на ноги. Грохоча цепями, он метнулся к Редвинтеру. Тюремщик ожидал нападения. Он проворно отступил назад, и цепи натянулись, вынудив узника вновь рухнуть на кровать. Он упал навзничь, бесильно застонав.

– Видели, мастер Шардлейк? – со смехом спросил тюремщик. – Он вовсе не так слаб, как кажется. Вы можете беситься от злобы сколь вам угодно, Бродерик. Мысль об удовольствиях, которые ожидают вас в Лондоне, поможет мне перенести все ваши выходки. Несомненно, путешествие в столицу пойдет вам на пользу. Ведь говорят, страдания очищают душу.

С этими словами Редвинтер направился к двери и распахнул ее. Я последовал за ним, бросив на арестанта прощальный взгляд. Устремленные на меня глаза Бродерика полыхали гневом и презрением.

– Вы ведь законник? – спросил он.

– Да.

– Роберт Эск тоже был законником, – с горькой усмешкой проронил Бродерик. – Когда вы снова увидите то, что от него осталось, вспомните об этом. Подобный удел нередко выпадает на долю ваших собратьев по сословию.

– Все это не более чем слова, сэр Эдвард, – пробурчал Редвинтер и, выпустив меня из камеры, запер дверь.

Вслед за ним я спустился по винтовой лестнице.

Оказавшись в своей комнате, тюремщик обратил ко мне вопросительный взгляд. С лица его исчезла привычная улыбка, так противоречившая ледяному взгляду.

– Я хотел, чтобы вы убедились, насколько он опасен. На первый взгляд он кажется беспомощным, но это заблуждение.

– Если он опасен, зачем намеренно возбуждать его гнев?

– Вы должны были увидеть его во всей красе. Но так или иначе, я выполняю ваше распоряжение и приглашу к нему лекаря.

– Сделайте милость. Какие бы преступления он ни совершил, мы обязаны поддерживать его в добром здравии. Кстати, вам следует называть его сэр Эдвард – пока еще король не лишил его звания.

– Вы полагаете, этот мятежник заслуживает учтивого обращения? Знали бы вы, на что он способен.

– Думаю, узник, прикованный цепями к стене, способен лишь оскорблять своих тюремщиков.

Редвинтер поджал губы так, что рот его превратился в узкую полосу. Сделав шаг вперед, он вплотную приблизился ко мне и уставился так пристально, словно хотел пробуравить меня глазами.

– Насколько я понимаю, Бродерик возбудил в вас сочувствие, – процедил тюремщик. – Боюсь, вы слишком мягкосердечны. Когда речь идет о столь опасном преступнике, снисходительность неуместна.

Я хранил молчание, ибо возражать означало покривить душой. Редвинтер был прав: всякий раз при виде человека, закованного в цепи, меня охватывало сочувствие, которое не могла победить даже мысль о совершенных узником злодеяниях.

– Вижу, мои догадки справедливы, сэр, – с улыбкой изрек Редвинтер. – Возьму на себя смелость поделиться с вами еще одним предположением. Я понимаю, в чем причина подобного мягкосердечия. Понимаю, почему вы с таким снисхождением относитесь к изгоям, отвергнутым обществом. Возможно, дело тут в вашем телесном изъяне.

Столь откровенное оскорбление заставило меня сурово поджать губы, однако в глубине души я не мог не признать правоты Редвинтера.

– Я несу ответственность за арестанта, – продолжал тюремщик. – Я знаю, в этом городе достаточно людей, готовых на самые отчаянные поступки ради его освобождения. Поэтому к каждому, кто имеет доступ к Бродерику, я обязан относиться с подозрением. Даже к вам, сэр.

– Пригласите к заключенному лекаря, – бросил я, взглянув в холодные глаза тюремщика. – Завтра я зайду посмотреть, как он себя чувствует.

Секунду-другую Редвинтер молча сверлил меня взглядом, потом слегка склонил голову.

– В какое время вы посетите нас, сэр?

– Когда мне будет угодно, – отрезал я, резко повернулся и, не прощаясь, вышел прочь.

* * *

Во дворе Барак, сидя на скамье, развлекался тем, что наблюдал за входящими и выходящими из здания суда стряпчими. Холодный осенний ветер срывал с деревьев сухие листья и носил их по двору.

– Что это вы такой взъерошенный? – не слишком учтиво осведомился Барак, бросив на меня любопытный взгляд.

Как видно, лицо мое слишком красноречиво свидетельствовало об обуревавших меня чувствах.

– Я только что свел знакомство с двумя людьми и не знаю, кого из них следует опасаться больше, – ответил я. – Как видно, все-таки тюремщика. По крайней мере, он производит более отталкивающее впечатление.

Звон цепей, долетевший сверху, заставил меня поднять глаза на останки Роберта Эска. Ветер раскачивал побелевший от времени скелет, и казалось, тот отчаянно пытается освободиться из оков.

Глава четвертая

Стражник у ворот замка сообщил нам, что в аббатство Святой Марии мы быстрее всего доберемся по улице, называемой Конигейт. Подобно большинству улиц Йорка, она оказалась узкой и сплошь заставленной прилавками, так что нам вновь пришлось передвигаться удручающе медленным шагом. В разные стороны от улицы, по которой мы ехали, тянулись бесчисленные переулки, еще более тесные и извилистые. Город, в котором нам предстояло провести несколько дней, не нравился мне все сильнее.

Проезжая мимо большой харчевни, я заметил у дверей группу молодых людей в разноцветных нарядных камзолах. Прихлебывая вино из кожаных фляг, они заносчиво поглядывали на прохожих. Чуть поодаль толпились их слуги. Один из молодых щеголей, высокий красавчик с темной холеной бородкой, громогласно отпускал насмешливые замечания, указывая на бедно одетых горожан. Злобные взгляды, которые те бросали на обидчика, лишь вызывали у него новые приступы хохота.

«Похоже, часть королевской свиты уже прибыла в Йорк, – отметил я про себя. – Этим молодчикам следовало бы немного умирить свою веселость».

Редвинтер и Бродерик не выходили у меня из головы. Тюремщик и арестант, лед и пламя. Несомненно, Редвинтер делал все возможное, чтобы унижить заключенного и досадить ему, рассчитывая таким образом сломить его дух. Я сознавал, что все эти мелкие издевательства доставляли тюремщику изрядное удовольствие. К тому же, вопреки заверениям Редвинтера, заключенный содержался в скверных условиях, что могло привести к самым неприятным последствиям. Сэр Эдвард молод и силен, но он джентльмен, а значит, не привык к нужде и лишениям, которые способны быстро сломить его здоровье. Ожог на груди узника тоже внушал тревогу; оставалось лишь надеяться, что в городе Йорке отыщутся сведущие лекари.

«Окажись здесь мой старый друг Гай, он непременно помог бы Бродерику», – с сожалением подумал я.

Но Гай был далеко, в Лондоне, где держал аптеку.

Обвинение, брошенное сэром Эдвардом, глубоко задело меня, ибо я сознавал всю его справедливость. Мысль о том, что в результате моих попечений узник живым и здоровым попадет в руки лондонских палачей, не давала мне покоя. И все же сейчас я мог принести сэру Эдварду несомненную пользу. Несмотря на всю свою гордость, заключенный дошел до того, что умолял тюремщика принести воды. И, не оказавшись я рядом, просьба эта, скорее всего, не была бы выполнена.

Оскорбительное замечание Редвинтера тоже постоянно приходило мне на ум. Тюремщик был совершенно прав, заявив, что причина моего мягкосердечия кроется в телесном изъязне. Этому человеку не откажешь в проницательности. Наверное, он развил в себе это качество, допрашивая еретиков, содержащихся в застенках башни Лоллард. Я не мог не признаться самому себе, что с первого взгляда проникся к узнику состраданием, которое заставило меня забыть о свершенных им злодеяниях. Тем более для меня до сих пор оставалось тайной, в чем состояли эти злодеяния. Я вспомнил, каким гневом сверкнул взор заключенного, когда он попытался наброситься на тюремщика. Как видно, сэр Эдвард действительно опасен, и возможность того, что он убежит, существует не только в воображении Редвинтера. В противном случае крайние меры предосторожности, с которыми содержался узник, были бы излишни.

Проезжая мимо свечной лавки, я увидел дородного румяного человека в красной мантии и широкополой красной шляпе. Золотая цепь, блестящая на его шее, свидетельствовала о том, что он занимает государственную должность. Человек этот с сосредоточенным видом осматривал ящик со свечами. Я понял, что передо мной не кто иной, как мэр Йорка. Владелец лавки в запятнанном жиром фартуке с беспокойством наблюдал, как мэр извлек из ящика тол-

стую желтую свечу и принялся внимательно ее разглядывать. Три чиновника, одетые в черные мантии, стояли чуть поодаль. Один из них держал в руках позолоченный жезл.

– Эти вряд ли подойдут, – заявил мэр, обращаясь к своим подчиненным. – В аббатство Святой Марии мы должны направить свечи из наилучшего воска.

Он кивнул, и вся процессия направилась к следующей лавке.

– Мэр совершает свой обход, – заметил я, обернувшись к Бараку. – Уж конечно, сейчас городские власти сбились с ног. Никому не хочется ударить в грязь лицом перед королем и его свитой, и потому...

Я осекся, ибо по ушам полоснул пронзительный визг.

Молодая женщина, стоя у поворота в один из узких переулков, отчаянно вцепилась в корзинку, которую пытался у нее выхватить оборванный юнец с огромной бородавкой на носу. Приглядевшись, я узнал в женщине ту самую красотку, что недавно строила глазки Бараку. Еще один оборванец, белобрысый малый со сломанным носом, держал ее за талию. Барак вручил мне поводья и соскочил с лошади, на ходу выхватывая из ножен меч. Прохожие, предчувствуя заваруху, бросились врассыпную.

– Ну-ка, шельмецы, оставьте ее в покое! – заорал Барак.

Юнцы быстро смекнули, что с таким грозным противником лучше не связываться, и в мгновение ока скрылись в переулке. Барак хотел броситься за ними вслед, но девушка схватила его за руку.

– Нет, сэр, не надо! Я боюсь оставаться одна. То, что я несу в этой корзине, предназначено для королевы Кэтрин.

Барак, обворожительно улыбнувшись, вложил меч в ножны.

– Счастлив услужить вам, мистрис.

Я осторожно спешил и подошел к ним, ведя обеих лошадей под уздцы. Предок обеспокоенно перебирал ногами.

– Что здесь произошло? – обратился я к девушке. – И почему содержимое этой корзинки предназначено для королевы?

Красавица обратила на меня взор своих синих, словно васильки, глаз.

– Я служу на кухне ее величества, сэр. И меня послали сделать кое-какие покупки. Все это необходимо королеве.

Заглянув в корзинку, я увидел там несколько коричных палочек, имбирных корней и большой кулек миндаля.

– Меня зовут Тамазин, сэр, – слегка присев, сообщила девушка. – Тамазин Ридбурн.

Судя по произношению, она была уроженкой Лондона. Про себя я отметил, что ее флаanelовое платье явно слишком дорого для кухонной служанки.

– Надеюсь, эти негодяи не причинили вам вреда, мистрис? – любезно осведомился Барак. – Как они только посмели хватать своими грубыми ручищами эти прелестные нежные ручки!

Девушка улыбнулась, обнажив белоснежные ровные зубки; щеки ее при этом украсились очаровательными ямочками.

– Я бы ни за что не выпустила корзину, сэр, – заявила она. – К прибытию королевы в ее покоях должны стоять вазочки с ее любимым печеньем. А для того, чтобы его испечь, без этого не обойтись, – указала она на свою корзинку. – Осмелюсь спросить, господа, вы тоже прибыли в Йорк, дабы подготовиться к встрече короля?

– Вы правы, – подтвердил я с легким поклоном. – Мэтью Шардлейк, стряпчий, к вашим услугам. А это мой помощник Джек Барак.

Барак приподнял шляпу, и девушка вновь наградила его улыбкой, на этот раз скорее благодарной, чем кокетливой.

– Вы очень храбры, сэр. Кстати, сегодня утром мы с вами уже встречались.

– Именно так. Я запомнил вашу восхитительную улыбку.

– Утром с вами был слуга в королевской ливрее, – заметил я.

– Да, сэр. Но мастер Таннер захотел купить отрез ткани и зашел вон в ту лавку. А я осталась его ждать. Разумеется, с моей стороны это было до крайности опрометчиво. – Девушка склонила голову. – Я забыла, что мы очутились в варварском краю.

– Это ваш провожатый? – спросил я, указывая на уязвленного молодого человека, который только что вышел из лавки, расположенной на другой стороне улицы. Сжимая рукоять меча, он поспешно приблизился к нам.

– Что случилось, мистрис Ридбурн? – обеспокоенно осведомился он.

– Вы не слишком расторопны, Таннер! Пока выбирали ткань себе на новый камзол, два оборванца едва не похитили у меня корзину. К счастью, этот джентльмен пришел мне на выручку.

Она вновь улыбнулась Бараку.

Таннер виновато потупился. Предок, которому надоело ждать, натянул поводья.

– Нам пора, – сказал я. – Нас ждут в аббатстве Святой Марии. Садитесь на лошадь, Барак. Наверняка в аббатстве уже тревожатся: ведь они рассчитывали, что мы прибудем еще вчера.

На прощание я поклонился мистрис Ридбурн, а она учтиво присела.

– Я тоже остановилась в аббатстве Святой Марии, – сообщила девушка. – Возможно, мы еще встретимся.

– Я очень на это надеюсь.

Барак приподнял шляпу и подмигнул девушке, вогнав ее в краску. Мы тронули лошадей.

– Вот такие приключения мне по душе, – жизнерадостно заявил Барак. – Опасности никакой, а знакомство свели самое что ни на есть приятное. Видно, эти олухи решили, что в корзине что-нибудь ценное.

– Вы совершили настоящий подвиг, – не без иронии заметил я. – Благодаря вашей смелости королева не останется без своего любимого печенья.

– Благодаря своей смелости я завоевал расположение прехорошенькой особы, – усмехнулся Барак. – Такой лакомый кусочек лучше всякого печенья.

* * *

Проехав Конигейт до конца, мы свернули на другую улицу, которая тянулась вдоль стены аббатства. По навесной дорожке расхаживали королевские стражники; над стеной вознесся шпиль, почти не уступающий высотой шпилю кафедрального собора. На своем веку я посетил немало монастырей, и все они были окружены стенами; но никогда прежде мне не доводилось видеть стен столь высоких, как в аббатстве Святой Марии. Воистину, размеры этого аббатства поражали воображение.

«Столь мощная ограда служит надежной защитой, – подумал я. – Возможно, именно по этой причине аббатству выпала честь принимать у себя короля».

Мы снова проехали под навесной башней, повернули налево и присоединились к длинной веренице людей, пеших и конных, желающих попасть внутрь. Когда мы очутились перед часовыми, они самым тщательным образом изучили бумаги, подтверждающие мои полномочия, и наконец пропустили нас. Въехав в ворота, мы спешили. Барак снял с лошадиных спин дорожные корзины с нашими пожитками и водрузил их себе на плечи. Я тем временем осматривал строения аббатства.

Прямо перед нами возвышался красивый особняк, вне всякого сомнения в прошлом служивший жилищем аббату. Как известно, настоятели крупных монастырей не отказывали себе в роскоши, но те аббатские дома, которые я видел прежде, не шли ни в какое сравнение с этим трехэтажным зданием, построенным из красного кирпича. Перед особняком виднелись

клумбы белых роз, но лужайка, некогда зеленая и ровная, была изъезжена колесами повозок и вытоптана ногами бесчисленных прохожих. Несколько человек снимали оставшийся дерн, заменяя его каменными плитами. Чуть в стороне, на бывшем монастырском кладбище, другие работники выкапывали могильные плиты и грузили их на повозки. Над парадной дверью особняка уже красовался королевский герб на огромном щите.

Взор мой привлекла грандиозная церковь в норманнском стиле; она тоже поражала своими размерами. Квадратную башню венчал каменный шпиль, уходивший высоко в небо, фасад украшали колонны, покрытые затейливой резьбой.

Меж особняком аббата и церковью раскинулся внутренний двор, длиной примерно в восьмую часть мили. Там всюду кипела работа. Многие здания были снесены, на месте их фундаментов зияли глубокие котлованы. На открытом пространстве пестрели палатки, в которых ночевали работники.

Несколько сотен людей суетились вокруг двух колоссальных павильонов, строительство которых близилось к завершению. Высота каждого павильона составляла не менее сорока футов; оба имели обличье замков, снабженных навесными и сторожевыми башнями. Материалом для строительства служило дерево, выкрашенное таким образом, что за несколько шагов его было не отличить от серого камня. Работники, взгромоздившись на высоченные лестницы, укрепляли на стенах павильонов гипсовые изображения геральдических животных, сколачивали оконные рамы и вставляли в них стекла. Окинув павильоны взглядом, я вспомнил, что прежде уже видел нечто подобное.

Двор был заставлен помостами, на которых трудились плотники. У стен аббатства высились штабеля гладко обструганных дубовых стволов. Повсюду носились золотистые колечки стружки, с которыми играл ветер. Несколько мастеров сосредоточенно покрывали резьбой декоративные карнизы, другие красили уже готовые в яркие радостные цвета.

– Господи боже, что же здесь такое будет? – потрясенно присвистнул Барак.

– Думаю, человеческое воображение бессильно представить зрелище, которое нам предстоит увидеть, – ответил я.

Еще несколько минут мы наблюдали за грандиозными приготовлениями, потом я тронул Барака за рукав:

– Идемте. Нам необходимо найти человека, который определит нас на постой. Его зовут Саймон Крейк. Когда-то давным-давно мы с ним были знакомы.

– Вот как? – фыркнул Барак, отдувавшийся под тяжестью дорожных корзин.

– Да, мы с ним вместе учились в Линкольнс-Инн. Правда, с тех пор ни разу не встретились. Крейк сразу оставил стезю законника и поступил в одно из дворцовых ведомств.

– Как это ему удалось туда пролезть? Заплатил кому надо?

– Не думаю, – покачал я головой. – Просто его дядя служил во дворце и помог племяннику получить выгодную должность.

– И что он собой представляет, этот ваш однокашник?

– Не знаю, ведь за столько лет он мог измениться, – с улыбкой ответил я. – Сейчас увидим.

Мы подвели лошадей к дверям аббатского особняка, в котором, судя по всему, царил особая суматоха. Люди с озабоченными лицами сновали туда-сюда, на ступеньках стояли чиновники, которые о чем-то оживленно переговаривались и отдавали приказы, заглядывая в чертежи и планы. Мы обратились к стражнику, стоявшему у дверей, с просьбой рассказать, где найти мастера Крейка. Он попросил нас подождать и, подозвав проходившего мимо конюха, приказал ему отвести наших лошадей в конюшню. Мы остались на крыльце. Какой-то чиновник высокого ранга в бархатной зеленой мантии бесцеремонно оттолкнул нас. Другой прошел между нами, словно перед ним были две не стоящие внимания дворняги.

– Вот болваны, – буркнул Барак.

– Давайте отойдем прочь, – предложил я. – А то нас совсем затолкают.

Мы спустились с крыльца и, дойдя до угла дома, остановились там. Поблизости две женщины увлеченно спорили с чиновником, который держал в руках какой-то план. Та, что была богаче одета, так решительно насакивала на своего собеседника, что ему оставалось лишь отступать и низко кланяться, едва не касаясь земли листом пергамента. Рассерженной леди было около тридцати лет, и, судя по всему, она занимала высокое положение. По крайней мере, об этом свидетельствовал ее наряд: платье из красного шелка с высоким стоячим воротником и расшитый жемчугом головной убор французского фасона, из-под которого выбивались темные волосы. Впрочем, широкое лицо ее отнюдь не отличалось изяществом черт, к тому же покраснело от гнева.

– Так вы считаете, королеве не следует знать, сможет ли она спастись, если в доме вспыхнет пожар? – донесся до меня ее пронзительный резкий голос. – Скажете вы наконец, где ближайшая к ее покоям дверь и у кого хранятся ключи от нее?

– Пока я не могу сказать точно, миледи, – пробормотал чиновник, растерянно вертя в руках план. – Полагаю, в случае пожара королева сможет воспользоваться дверью в кухню или...

– Меня не интересуют ваши предположения, – отрезала дама. – Я хочу знать наверняка.

Вторая леди, хранившая молчание, заметила мой взгляд и вскинула бровь, давая понять, что считает подобное любопытство неуместным. Она была высока и стройна, и лицо ее казалось бы очень привлекательным, если бы его не портило выражение ледяной надменности. На ней был простой капор. Каштановые волосы, густые и вьющиеся, свободно рассыпались по плечам, свидетельствуя о том, что обладательница их не замужем. Меж тем молчаливой леди тоже было около тридцати лет. Впрочем, я заметил на ее белоснежной руке обручальное кольцо с крупным бриллиантом, вне всякого сомнения чрезвычайно дорогое. Леди вновь сердито нахмурилась, и я потянул Барака за рукав, дабы не мешать разговору, не имевшему к нам ни малейшего отношения.

В следующее мгновение я заметил на крыльце аббатского дома человека в коричневой мантии, который явно кого-то выглядывал. На шее на широкой голубой тесьме у него висела доска для писания с чернильницей, перьями и целой кипой бумаг.

Уловив исходившее от этого человека ощущение беспокойства, я понял, что передо мной Саймон Крейк собственной персоной. Что касается наружности, она мало помогла мне, ибо годы сделали моего бывшего однокашника почти неузнаваемым. Благодаря обильным придворным трапезам щеки Саймона округлились и пополнели, как, впрочем, и его талия; волосы, некогда густые и белокурые, напротив, изрядно поредели. Услышав мой зов, он обернулся, и встревоженное выражение его лица сменилось радостным. Придерживая свою доску, он бросился к нам и сжал мою руку.

– Мастер Шардлейк! Я сразу узнал вас. Годы отнеслись к вам милосердно, сэр. В отличие от меня волос у вас на голове предостаточно. Подумать только, вы даже не поседел!

– Да, это обстоятельство достойно удивления, – со смехом ответил я. – Ведь за минувшие годы мне не раз доводилось попадать в весьма серьезные переделки.

– Пресвятая Дева, мы не виделись более двадцати лет! – воскликнул Саймон. – За это время изменились не только мы, но и мир вокруг нас, – добавил он с печальной улыбкой.

– Вы правы, – кивнул я.

«В эти годы свершались великие дела, – мысленно отметил я, – церковная реформа, упразднение монастырей. Огромную часть страны захлестнуло восстание, которое с трудом удалось подавить. А еще умер мой отец».

– Что ж, рад встрече, – произнес я вслух. – Насколько мне известно, вы размещаете на постой джентльменов, прибывших в Йорк.

– Да, и признаюсь вам, это на редкость хлопотное занятие. Никогда мне не приходилось суесться так, как во время королевского путешествия. Куда бы ни направлялся король, я дол-

жен приехать в город за несколько дней до прибытия всей процессии, дабы удостовериться, что у каждого члена свиты будет достойный кров. К тому же из-за дождей, размывших дороги, король постоянно меняет свои намерения.

– Вы выполняете подобные обязанности с самого начала королевского путешествия? – осведомился я.

– Да, – кивнул он. – Уму непостижимо, сколько трудностей мне уже пришлось преодолеть. Сами понимаете, у такого огромного количества людей уйма потребностей. Где бы мы ни остановились, приходится копать новые выгребные ямы. А как же иначе? Три тысячи человек, пять тысяч лошадей, и все желают исполнять свои телесные нужды.

– По крайней мере, королевская свита щедро обеспечивает местных жителей навозом, который, как известно, является отличным удобрением, – усмехнулся я.

– Навоза мы оставляем более чем достаточно, – согласился Саймон. – А уж какое от него идет благоухание...

– Могу себе представить.

– Несмотря на новые выгребные ямы, мы изрядно загадили дорогу от Лондона до Халла, – продолжал свои сетования Саймон. – Ох, сэр, от всех этих забот у меня просто голова идет кругом. К тому же я очень скучаю по своей бедной жене, которая осталась в Лондоне.

– Так вы женаты?

– Как же иначе. Господь уже ниспослал нам семерых детей, – с гордостью сообщил Саймон. – А вы женаты, сэр?

– Нет, – коротко ответил я. – Позвольте вам представить моего помощника, мастера Барака.

Крейк устремил на Барака любопытный взгляд светло-голубых глаз.

– Вы поступили разумно, захватив с собой помощника, сэр, ведь работы предстоит много. Что до меня, я окружен лоботрясами, от которых помощи не дождешься. Приходится рассчитывать лишь на самого себя. С удовольствием поговорил бы с вами еще, но, увы, у меня каждая минута на счету. Идемте, я покажу вам вашу комнату.

– Красивый дом, – сказал я, указывая на особняк.

– Весьма, – кивнул Саймон. – Раньше он принадлежал аббату. Именно здесь остановится король. В честь этого события дом переименовали в королевский особняк.

– Надеюсь, мы еще найдем возможность встретиться и вдоволь побеседовать о добрых старых временах.

– Я тоже надеюсь на это, сэр. Так приятно будет вспомнить годы юности и...

Саймон осекся, увидев двух дам, появившихся из-за угла. На лице его мелькнуло затравленное выражение.

– Господи боже, – пробормотал он. – Только леди Рочфорд мне и не хватало...

Я невольно вздрогнул, ибо одно упоминание этого имени могло вызвать трепет у всякого. Все мы низко склонили головы в поклоне. Выпрямившись, я украдкой бросил взгляд на даму в пышном красном платье, которая как раз поравнялась с нами. На щеках ее по-прежнему полыхал гневный румянец, брови были сердито сдвинуты; очевидно, она пребывала в состоянии крайнего возбуждения. Стройная ее спутница, державшая в руках план, полученный у чиновника, вновь заметила мое любопытство и наградила меня очередным неодобрительным взглядом.

– Господин Крейк! – процедила леди Рочфорд. – Невежда, который составил этот план, не способен ответить на самый простой вопрос. Я желаю знать, существует ли в доме запасной выход, которым в случае пожара может воспользоваться королева. Она очень боится пожара, ибо во времена ее детства дом, в котором она жила в Хорсхэме, сгорел дотла и...

– Я очень сожалею, миледи, но...

– Оставьте свои сожаления при себе! Дженнет, дайте сюда план! Побыстрее!

Спутница леди Рочфорд протянула план Крейку. Он разложил лист пергамента на своей подвесной доске и несколько мгновений внимательно разглядывал.

– Вот, – указал он наконец на дверь кухни. – Именно здесь королева может выйти, если, не дай бог...

– Эта дверь охраняется? – перебила леди Рочфорд.

– Нет, миледи.

– Значит, мне необходимы ключи. Позаботьтесь о том, чтобы я их получила. Дженнет, идемте! Что вы стоите здесь, словно отбившаяся от стада овца.

С этими словами леди Рочфорд выхватила у Крейка план и удалилась, высоко подняв юбки, дабы уберечь их от пыли.

– Господи боже! – выдохнул Крейк, вытирая пот со лба. – Эта женщина – настоящая мегера.

– Что правда, то правда, – кивнул я. – Мне доводилось слышать о ее выходках. А что это за особа с кислым лицом, которой она так бесцеремонно помыкает?

– Мистрис Дженнет Марлин, одна из фрейлин королевы. У бедняжки есть все основания ходить с кислым лицом. Жених ее обвинен в государственной измене и заключен в Тауэр. Говорят, он участвовал в заговоре.

– Эта леди что, уроженка здешних мест?

– Да, ее взяли в Йорк именно потому, что местные обычаи и нравы хорошо ей известны. Для того чтобы подозревать ее в сочувствии к изменникам, нет ни малейших оснований: ведь она происходит из семьи завзятых реформаторов.

При этих словах губы Крейка исказила едва заметная гримаса неприязни. Мелькнув, она тут же исчезла; однако этого оказалось достаточно, чтобы я сделал определенный вывод относительно его религиозных убеждений.

– Идемте, я провожу вас в отведенные вам комнаты. Боюсь, они не слишком вам понравятся. Но ничего лучше я не могу предложить, ведь вскоре сюда придут тысячи людей. Страшно подумать, какая начнется толчея, – вздохнул Саймон и сокрушенно покачал головой.

– Король со всей свитой будет здесь через четыре дня, – уточнил я.

– По крайней мере, таковы его намерения. Я уже направил своих помощников во все местные трактиры проверить, все ли готово к приему высоких гостей. Впрочем, проверяя, наверняка потом обнаружится множество упущений. Пресвятая Дева, дожди, которые в июле лили чуть не каждый день, изрядно подпортили путешествие. Из-за скверных дорог множество карет поломалось и завязло в грязи, так что вся затея едва не сорвалась.

– Слава богу, дожди прекратились, и, я уверен, все пойдет хорошо! – с бодрой улыбкой изрек я.

Перед мысленным взором внезапно возникла картина из студенческих лет: Крейк, обложившись книгами, грызет гранит наук в библиотеке Линкольнс-Инн. Пальцы его запачканы чернилами, стол завален исписанными листами бумаги. Час уже поздний, но однокашник мой полон решимости как следует подготовиться к завтрашним занятиям.

– Надеюсь, вы правы и трудностей у нас будет меньше! – со вздохом откликнулся Саймон. – Маршрут путешествия постоянно меняется, и это просто сводит меня с ума! Совсем недавно король собирался провести две недели в Понтефракте, теперь он желает посетить Халл.

– Но возможно, подобная задержка вам даже на руку, – заметил я. – Она позволит закончить все работы без лишней спешки. Кстати, для чего предназначены эти великолепные павильоны?

– Мне очень жаль, но на этот вопрос я не имею права отвечать, – смущенно потупившись, пробормотал Крейк. – Об этом будет объявлено лишь по прибытии короля.

Он двинулся через двор к монастырской церкви. Мы последовали за ним.

– Все это кошмар, настоящий кошмар! – по пути беспрестанно сетовал Крейк. – У меня голова идет кругом.

Барак украдкой бросил на меня многозначительный взгляд и ухмыльнулся. Встреча с хорошенькой девушкой явно повысила ему настроение.

– Забавный малый! – прошептал он. – Он что, и смолodu был таким суетливым?

– Я бы скорее назвал его на редкость добросовестным. Он все делал именно так, как полагается, и никак иначе.

– Ну, такая добросовестность идет во вред здоровью, – изрек Барак. – Того и гляди, беднягу хватит удар.

– Будет вам, – бросил я. – Идем скорее, иначе потеряем Саймона из виду.

Подойдя к церкви, я заметил, что из некоторых витражных окон вынуты стекла, а другие разбиты. Какой-то темноволосый человек средних лет, взгромоздившись на лестницу, осторожно вынимал из рамы осколки. Неподалеку от лестницы стояла огромных размеров вороная лошадь, запряженная в повозку с высокими бортами.

– Отсутствие окон придает церкви чрезвычайно унылый вид, – заметил я, обращаясь к Крейку. – Вы полагаете, так она больше понравится королю?

– Да, стекольник трудится не покладая рук, чтобы к приезду короля вытащить все стекла, – кивнул Крейк. – Его величеству, несомненно, будет приятно убедиться, что церковь стоит без употребления.

Заслышав наши голоса, стекольник прекратил свою работу и посмотрел вниз. Лицо у него было узкое, изможденное, взгляд – настороженный и пронзительный.

– Как идет работа, мастер Олдройд? – окликнул его Крейк.

– Неплохо, сэр, благодарю вас.

– Успеете извлечь все витражи до прибытия короля?

– Успею, сэр. Я всякий день буду работать от рассвета до заката, пока не вытащу последнее стекло.

Вслед за Крейком мы по истоптанным ступенькам поднялись в церковь. Тяжелая дверь была полуоткрыта, крыльцо сплошь покрывали грязные следы. Судя по всему, церковь в последнее время превратилась в проходной двор.

Однако, войдя внутрь и оглядевшись по сторонам, я убедился, что убранство ее сохраняет остатки былого великолепия. Грандиозные лепные арки и колонны возносились на головокружительную высоту; стены покрывала роспись в зеленовато-охристых тонах.

«Освещенная множеством свечей, эта церковь, несомненно, производила весьма сильное впечатление», – подумал я.

Ныне в церковь проникал лишь тусклый свет из разбитых окон, позволявший рассмотреть разрушенные боковые часовни и обломки статуй, валявшиеся на полу. В южном конце нефа я заметил еще одну дверь; через всю церковь к ней тянулась полоса грязи и разбитой напольной плитки. Шаги наши гулко отдавались в тишине, которая являла странный контраст с суетой и шумом, царившими за стенами. Я невольно вздрогнул, и это не ускользнуло от внимания Крейка.

– Да, здесь всегда холодно, – заметил он. – Река совсем близко, поэтому воздух пронизан сыростью.

Вдоль стен тянулись лошадиные стойла, по большей части пустые. В алтаре кучей была свалена солома.

– Глядите, вон Сьюки и Предок, – махнул рукой Барак.

– Вы используете храм в качестве конюшни? – глазам своим не веря, спросил я.

– Да, здесь будут содержаться лошади придворных и старших слуг, – пояснил Крейк. – Возможно, это кажется кощунственным, но мы не можем даром терять столько места. К тому же эта церковь более не является Господним храмом.

Выйдя через дверь в дальнем конце нефа, мы оказались в другом внутреннем дворе, таком же просторном и многолюдном, как первый. Вдоль стен тянулись бесчисленные здания, над воротами возвышалась сторожевая башня. Была здесь и еще одна церковь, правда гораздо меньшего размера.

В этом дворе теснилось множество повозок, нагруженных всякого рода припасами: фруктами в корзинах, мукой в мешках, сеном, грудями угля, вязанками хвороста, пачками свечей всевозможных размеров. Слуги торопливо разгружали повозки, заноса припасы в дома и в возведенные наспех дощатые сараи.

Здесь же были сооружены загоны для скота, в которых помимо коров и овец я заметил даже оленей. В одном из загонов содержалась домашняя птица: куры, утки, индюки и пара огромных дроф с обрезанными крыльями. Все они оглушительно галдели, квохтали и кричали, копаясь в голой земле.

Несколько работников укладывали трубы в глубокий ров, тянувшийся вдоль южной стены монастыря. Сквозь открытые ворота я различил стальной блеск реки, окруженной бескрайними болотами.

– Судя по всему, голодной королевская свита не останется, – заметил я.

– Надеюсь, мы всего запасем достаточно, – вздохнул Крейк. – Страшно подумать: в пятницу сюда прибудет три тысячи человек. И всех надо кормить.

Крейк обошел загоны и подвел нас к большому двухэтажному дому.

– Это монастырский лазарет, – произнес он извиняющимся тоном. – Сейчас мы устроили в нем комнаты для приезжих. К сожалению, ничего лучше мы вам предоставить не можем. Почти все стряпчие, прибывшие в Йорк, поместились здесь. Что до слуг, им приходится довольствоваться палатками.

В дверях бывшего лазарета я заметил нескольких чиновников. Все они держали в руках красные жезлы, свидетельствующие о том, что на их обладателей возложена почетная обязанность охранять покой и благополучие королевской резиденции. Рослый дородный человек в мантии законника, возвышавшийся над остальными на целую голову, давал им какие-то наставления.

– Это сэр Уильям Малеверер, – понизив голос, сообщил Крейк. – Он стряпчий, член Совета северных графств. В его ведении находятся все вопросы, связанные с безопасностью и с соблюдением закона.

Приблизившись к грузному законнику, Крейк несколько раз осторожно кашлянул, пытаясь привлечь его внимание. Тот повернулся с весьма недовольным видом. Ему было за сорок, тяжеловесные черты лица говорили о суровом нраве, широкая черная борода подстрижена «лопатой», в полном соответствии с последней столичной модой.

– Вижу, господин Крейк, на этот раз вы притащили сюда не только свою доску для писания, – пророкотал гигант, бесцеремонно уставившись на нас с Бараксом.

Голос у Малеверера был звучный и раскатистый, в речи его чувствовался заметный северный акцент. Я вспомнил, что Совет северных графств состоит из местных уроженцев, сохранивших верность престолу.

– Сэр Уильям, позвольте представить вам брата Мэтью Шардлейка, который только что прибыл из Лондона. А это – его помощник.

– Вам поручено разбирать прошения, поданные его величеству? – важно спросил Малеверер. Взгляд его, устремленный на меня, был исполнен пренебрежения, словно собственный высокий рост и прямую спину он почитал бог весть какими достоинствами. – Вы опоздали.

– Сожалею, но в пути мы пробыли больше времени, чем рассчитывали.

– К пятнице все должно быть готово. Вам с братом Ренном предстоит большая работа.

– Я уже виделся с братом Ренном. Завтра с утра мы займемся прошениями.

– Боюсь, от этого старикана будет не много проку, – пробурчал Малеверер. – Но так или иначе, самому мне заниматься этими прошениями недосуг. У меня есть дела поважнее. Надеюсь, что в четверг утром вы представите в контору лорда-камергера краткую сводку, в которой изложите суть этих жалоб.

– Вы можете в этом не сомневаться, сэр.

Малеверер вновь устремил на меня взгляд, в котором недоверие соединялось с пренебрежением.

– В пятницу вам будет дозволено предстать перед королем, – процедил он. – Полагаю, у вас есть более приличная одежда, чем этот грязный плащ.

– У меня есть все необходимое, сэр, – сказал я, указав на корзины с поклажей, которые умаявшийся Барак по-прежнему держал на плече.

Малеверер едва заметно кивнул и, сочтя, что уделил нам достаточно внимания, отвернулся к своим собеседникам. Барак незаметно толкнул меня локтем и состроил насмешливую гримасу.

Мы вошли в дом. Свет, проникающий сквозь узкие оконца, позволял разглядеть весьма убогую обстановку. Посреди комнаты на каменном полу был устроен очаг. Стены некогда покрывала роспись религиозного содержания, но ее соскоблили, и жалкие остатки былой красоты придавали помещению неопрятный и унылый вид. Просторный холл был разделен деревянными перегородками на крошечные клетушки. Судя по тишине, сейчас там не было ни одной живой души – все обитатели бывшего лазарета занимались своими делами.

– Сэр Уильям не отличается излишней любезностью, – вполголоса заметил я.

– Да, он, как и все члены Совета северных графств, порой бывает слишком суров, – откликнулся Крейк. – Слава богу, мне не часто приходится иметь с ним дело. Вот ваши комнаты, джентльмены, – провозгласил он, сопроводив свои слова виноватым взглядом. – Надеюсь, вы не будете возражать против двух смежных каморок. В противном случае господину Бараку придется ночевать в палатках вместе со слугами. При таком нашествии представителей всех сословий трудно найти каждому место, отвечающее его чину и званию.

– Мы с помощником неприхотливы и вполне входим в ваше положение, – с улыбкой заверил я.

Крейк испустил вздох облегчения. Порывшись в бумагах, укрепленных на доске для писания, он отыскал какой-то листок и повел нас вдоль длинного ряда дверей, на каждой из которых был выведен номер.

– Восемнадцатая, девятнадцатая – да, вот эти комнаты ваши, – сообщил Крейк и сделал пометку в своем списке. – Был очень рад повидать вас после стольких лет разлуки, сэр, – с улыбкой добавил он. – Но к сожалению, я должен идти.

– Не смею вас задерживать, сэр. Но надеюсь, мы с вами еще встретимся за кружкой эля и вдоволь поговорим о минувшем.

– Если позволит время, я буду счастлив. Но от всех этих хлопот, – он махнул рукой в сторону двора, – у меня голова идет кругом.

Отвесив нам прощальный поклон, Крейк удалился едва ли не бегом.

– Ну что ж, посмотрим, что за хоромы нам отвели, – буркнул я и повернул ключ, торчавший в дверях.

Всю обстановку крошечной каморки составляли узкая кровать и сундук. Я не мешкая скинул сапоги для верховой езды и с наслаждением растянулся на кровати. Несколько минут спустя раздался стук в дверь, и в комнату вошел Барак с моей дорожной корзиной. Он тоже успел разуться и теперь разгуливал босиком.

– Господи боже, ну и воняют же ваши ноги, – проворчал я. – Но наверное, мои ведут себя ничуть не лучше.

– В этом можете не сомневаться.

В голосе Барака слышалась откровенная усталость.

– Давайте воспользуемся возможностью и как следует отдохнем, – предложил я. – Сегодня ничто не мешает нам проспать до обеда.

– Да, как следует выспаться – это все, о чем я мечтаю, – кивнул Барак. – Ну и суматоху здесь устроили, – добавил он. – Никогда в жизни не видел такой прорвы съестных припасов и скота, предназначенного на убой. Представляю, с какой помпой сюда въедет король. А местные власти еще и пустились на всякие выдумки, чтобы его удивить.

– Эти павильоны мне что-то напоминают, – заметил я, сцепив пальцы. – А именно поле золотой парчи.

– Да я и не знаю толком, что это такое. Ведь это было так давно. Король тогда ездил в Кале встречать короля Франции.

– Верно. С тех пор прошло двадцать лет. В Гилдхолле есть картина, на которой тогдашнее торжество изображено во всех подробностях. Для встречи монархов были построены павильоны в точности такие же, как здесь. А вокруг натянуты огромные шатры из золотой парчи. Благодаря этим шатрам событие и получило свое название. Как видно, Лукас Хоренбаут решил воспользоваться старыми задумками.

– И все же я так и не понял, для чего нужны эти громадные павильоны.

– Наверное, в них будут проходить какие-нибудь торжественные церемонии. Так или иначе, ждать осталось недолго. Вскоре наше любопытство будет удовлетворено.

– А пока лучше воздержаться от лишних вопросов, – ухмыльнулся Барак.

– Рад, что вы это понимаете.

– Черт сюда принес леди Рочфорд. От этой ведьмы следует держаться подальше.

– Да, леди Рочфорд на редкость неприятная особа, – произнес я, внимательно глядя на Барака. – Кстати, вам должно быть известно, что она помогла вашему бывшему патрону осуществить один из самых темных его замыслов.

Барак в ответ лишь сердито фыркнул. Пять лет назад, когда король вознамерился избавиться от Анны Болейн, Томас Кромвель использовал Джейн Рочфорд, дабы опорочить королеву и возвести на нее обвинение в прелюбодеянии. Из всех показаний против королевы свидетельство леди Рочфорд было наиболее ошеломляющим. Она заявила, что Джордж Болейн, ее супруг и брат королевы, находился со своей сестрой в кровосмесительной связи. У меня были веские основания полагать, что все эти обвинения отнюдь не соответствовали действительности и имели под собой политическую подоплеку. Многие очевидцы страшного процесса разделяли мою уверенность.

– Леди Рочфорд запятнала себя вероломным предательством, – продолжал я. – Правда, за это она получила щедрую награду. Ее сделали старшей фрейлиной королевы Джейн Сеймур. И этот высокий пост она сохранила при всех новых королевах – Анне Клевской и Кэтрин Говард.

– Только, похоже, близость к королевским особам не принесла ей счастья. Судя по ее злобному виду, она недовольна жизнью.

– Думаю, в глубине души эта женщина очень несчастна. Иначе она не стала бы бросаться на всех и каждого. Наверняка она сознает, что возбуждает в людях ненависть, а это, сами понимаете, не прибавляет бодрости духа. Нам остается лишь надеяться, что больше мы с ней не столкнемся.

– А вот короля вы точно увидите. Все об этом говорят.

– Возможно, так оно и будет. Хотя мне, говоря откровенно, трудно в это поверить.

– А еще вам предстоит возиться с этим заключенным в замке. Раз уж вы за это взялись.

– Да, это поручение, судя по всему, будет довольно хлопотным. Но я собираюсь следовать золотому правилу, о котором вы недавно упомянули, и не задавать лишних вопросов.

Заметив, что Барака терзает любопытство, я рассказал ему обо всем, что произошло в замке, о жестоких выходах Редвинтера и ярости Бродерика. Правда, я счел за благо умолчать о

сочувствии, которое возбудил во мне узник, и о причинах этого сочувствия, столь прозорливо подмеченных тюремщиком. Когда я смолк, Барак устремил на меня задумчивый взгляд.

– Опытные тюремщики, умеющие обращаться с опасными преступниками, – большая редкость, – изрек он. – Граф Кромвель ценил подобных людей на вес золота. Я полагаю, вам стоит быть настороже и не сближаться ни с узником, ни с надзирателем. Иначе наживете бед на свою голову.

С этими словами Барак направился к дверям, перед уходом пообещав разбудить меня, когда настанет время обеда. Вскоре сквозь тонкую стену до меня донеслись его вздохи и скрип кровати. Я закрыл глаза и вскоре забылся сном. Мне снилось, будто отец зовет меня из соседней комнаты. Я слышал его голос отчетливо и ясно, но стоило мне броситься на зов, тонкая дверь моей каморки превратилась в тяжелую кованую дверь камеры Бродерика. Она была заперта, и я ничего не мог с этим сделать.

* * *

Барак обладал завидной способностью просыпаться в заранее намеченное время. Как бы сильно он ни устал, способность эта никогда его не подводила, и потому через несколько часов в мою дверь раздался стук, вырвав меня из плена тяжких сновидений. В комнате стоял сумрак, и, выглянув в окно, я убедился, что солнце уже клонится к закату. Выйдя в холл, я увидел там нескольких клерков и законников в черных мантиях. Все они были намного моложе меня. Один из них, тщедушного вида человек, гревший руки у огня, поймал мой взгляд и ответил поклоном.

– Вы приехали сегодня, сэр? – осведомился он, с любопытством поглядывая на меня большими круглыми глазами.

– Да. Брат Шардлейк из Линкольнс-Инн к вашим услугам. А это мой помощник Барак. Мы прибыли сюда, дабы участвовать в разборе прошений, поданных на имя короля.

– Вот как.

Слова мои, судя по всему, произвели на него сильное впечатление.

– А я Пол Кимбер, сэр, – сообщил он с заискивающей улыбкой и вновь отвесил поклон. – Тоже из Линкольнс-Инн.

– Могу я узнать, какого рода поручения вы выполняете?

– Я служу в конторе по снабжению. Слежу за тем, чтобы контракты с поставщиками заключались должным образом. Эту работу я выполняю с самого начала путешествия и скажу вам честно, она изрядно меня утомила. За здешними варварами нужен глаз да глаз. Они понятия не имеют о том, что такое торговое соглашение и как его следует заключать, – заявил он с презрительным смехом.

– Не знаете ли, где мы можем пообедать? – осведомился я.

– В бывшей монастырской трапезной. Нам здесь приходится обедать в обществе простых клерков и плотников. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Кстати, вам необходимо получить специальный ярлык, дабы все видели, что вы выполняете особое поручение.

– И где его можно получить, этот ярлык?

– В конторе управляющего двором. Вот только я понятия не имею, где она находится. С прибытием королевской свиты у чиновников прибавится дел, поэтому контору заблаговременно перевели в более просторное помещение.

– Надеюсь, мы найдем ее без особых затруднений.

Мы с Бараксом вышли во двор. Я слегка вздрогнул, ибо в воздухе, пронизанном запахом дыма, отчетливо ощущалась сырость, свидетельствующая о близости реки. Несколько дочерна загорелых слуг задавали корм животным, теснящимся в загонах.

– Давайте снова пройдем через церковь, – предложил я Барак. – Думаю, контора находится где-нибудь поблизости от дома аббата.

Мы снова вошли под гулкие церковные своды; сейчас, в сумерках, в церкви было темно и холодно и тишину нарушали лишь звуки, издаваемые стоящими в стойлах лошадьми. Выйдя через главную дверь, мы оказались в первом дворе. Рабочие по-прежнему трудились в поте лица, расписывая и украшая павильоны, которые хорошели буквально на глазах. Никогда прежде я не видел, чтобы строительство продвигалось так быстро. Несколько слуг осторожно сгружали с повозки лампы, в которых были укреплены толстые белые свечи. Некоторые палатки уже были залиты ярким светом.

– Они что, собираются работать всю ночь? – удивился Барак.

– Похоже на то. Остается надеяться, что дождь не нарушит их планы.

Громкое звяканье заставило меня оглянуться. Стекольщик Олдройд, которого мы утром видели в церкви, вел под уздцы свою огромную лошадь. Подобных гигантов выводят только в центральных графствах, и по силе и выносливости они не знают себе равных. Лошадь тащила повозку с высокими бортами, полную битого стекла.

– Вижу, сегодня вы поработали на славу, – обратился я к стеклянщику.

– Да, сэр, весь день я не давал себе отдыха, – откликнулся Олдройд, коснувшись шапки.

Руку его сплошь покрывали мелкие шрамы; без сомнения, при таком ремесле без порезов не обойтись.

– В награду за труд мне позволили забрать стекла, вынутые из церковных окон, – сообщил он.

– И что вы намерены с ними делать?

– Все эти витражные стекла пойдут на украшение богатых домов. Каждому приятно, если в окне у него будет красоваться какой-нибудь диковинный зверь или там пахарь за работой. Новые витражи мало кому по карману, а эти обойдутся куда дешевле. Жаль только, мне приказали расплавить все те куски, на которых изображены монахи и святые, – помолчав, вздохнул стеклянщик. – Страх до чего не хочется уничтожить такую красоту.

Олдройд осекся и бросил на меня встревоженный взгляд, как видно, сообразив, что сболтнул лишнее. Слова его вполне можно было истолковать как поношение церковной политики короля. Я успокоительно улыбнулся, давая понять, что не вижу в его замечании никакой крамолы. Стекольщик, казалось, хотел сказать что-то еще, но потом передумал и, низко склонив голову, двинул лошадь к воротам.

Я окинул взглядом двор, высматривая Лукаса Хоренбаута. Барак меж тем остановил нескольких прохожих, спрашивая, где находится контора управляющего двором. В ответ они лишь пожимали плечами и торопливо продолжали путь; даже на склоне дня все обитатели аббатства пребывали в величайшей спешке. Барак испустил тяжкий вздох и указал на караульную будку у ворот. Солдат, стоявший там, проверял документы у всех входивших в аббатство.

– Надо спросить у караульного. Уж он-то должен знать, где эта чертова контора.

Мы приблизились к воротам. Сержант в алом мундире королевской стражи проверял бумаги какого-то очередного возницы. Караульный был молод и высок, светлые, почти льняные волосы обрамляли открытое красивое лицо. Заглянув в его будку, я заметил на полке у окна Евангелие, специальное издание для малограмотных людей, снабженное подробными комментариями.

– Все в порядке, – сказал солдат, протянув вознице бумаги.

– Скажите, вам известно, где находится контора управляющего двором? – обратился к караульному Барак. – Мы недавно прибыли и умираем с голоду.

– Мне очень жаль, джентльмены, но я ничем не могу вам помочь. Эта контора сегодня переехала.

– Это мы уже слышали. Увы, никто не может сообщить нам куда.

– Если вы проголодались, купите у него по пирогу, – посоветовал солдат, указав на пирожника, предлагавшего свой товар плотникам.

Пироги шли нарасхват.

– Похоже, сегодня нам весь день придется питаться одними пирогами, – вздохнул Барак.

– Пироги – это лучше, чем ничего.

Барак поспешил к пирожнику. Тот приветствовал его поклоном. Здесь, на королевской территории, местные жители держались с приезжими куда почтительнее.

– Спасибо за дельный совет, – сказал я солдату.

– Не стоит благодарности, сэр. Сегодня здесь трудно что-нибудь найти. Везде страшная суматоха.

– Откуда вы родом, сержант? – спросил я, ощутив в его речи северный акцент.

– Из Кента, сэр.

– Так я и думал. Догадался по вашему произношению. Несколько лет назад я был в Кенте по делам.

– Большинство солдат, сопровождающих короля во время путешествия, родом из Кента. В пятницу вместе с королевской свитой сюда прибудет шестьсот кентских лучников, – с гордостью сообщил сержант. – Его величество знает, где живут его самые верные и надежные подданные.

– Я вижу, вы приобщаетесь к Слову Божьему? – осведомился я, кивнув на книгу, лежавшую на полке.

– Наш капеллан сказал, что всем нам нужно научиться как следует читать, – зардевшись, ответил молодой солдат.

– Он совершенно прав. Что ж, сержант, всего вам наилучшего, – попрощался я и присоединился к Бараку.

Стоя в стороне, мы с аппетитом поедали пироги и наблюдали за кипевшей повсюду работой. Зрелище было воистину впечатляющим: сотни ламп заливали двор ярким светом, отовсюду доносились возбужденные голоса, а наверху, на монастырских стенах, расхаживали часовые, вооруженные пиками и ружьями. Величественный силуэт церкви эффектно вырисовывался на фоне вечернего неба.

– Пожалуй, нам стоит вновь завалиться спать, – предложил Барак, покончив с пирогом.

– Полагаю, это самое разумное, что мы можем сделать. Ведь прошлую ночь мы провели без сна.

Мы вернулись в бывший монастырский лазарет. В холле было полно стряпчих и законников, но мы слишком утомились, чтобы заводить новые знакомства. Ответив кивками на приветствия, мы поспешили в свои каморки. Я растянулся на кровати и заснул, едва коснувшись головой подушки.

* * *

Проснувшись рано поутру, я сразу почувствовал, что усталость наконец отступила. Рассвет едва занимался, со всех сторон до меня доносился храп и вздохи спящих. Даже Барак, который редко вставал позже меня, еще не проснулся. Я бесшумно встал, оделся и, проведя рукой по собственным колючим щекам, понял, что мне необходимо побриться.

Во дворе, где еще не успел развеяться предутренний туман, не было ни души. Мысленно я отметил, что впервые с нашего приезда в аббатство здесь царит полная тишина, не нарушаемая ни криками рабочих, ни визгом пил, ни стуком молотков. Даже животные, казалось, дремали в своих загонах, над которыми поднимался пар, производимый их дыханием. Я пересек двор, направляясь к церкви. Ноги мои скользили по мокрой траве; должно быть, ночью прошел дождь. Шпиль и крыша церкви терялись в тумане.

«Всего пару лет назад в этот час монахи служили бы мессу, – пронеслось у меня в голове. – Голоса их, сливаясь в стройный хор, возносились бы к небу».

Я решил пройти через церковь и посмотреть, что делается в главном дворе. Пустое помещение, освещенное тусклым светом, проникавшим сквозь разбитые окна, производило гнетущее впечатление. Я подошел к стойлам, отыскал Сьюки и Предка, погладил их и поговорил с ними. Прежде чем я продолжил свой путь, какой-то скрип и звяканье привлекли мое внимание. Обернувшись, я увидел мастера Олдройда, который спозаранку принялся за свою работу.

Главный двор тоже был погружен в безмолвие, очертания исполинских павильонов, едва угадывавшиеся в туманной дымке, казались призрачными. Ворота были закрыты, караульный, опираясь на свою пику, сонно зевал. Впрочем, в нескольких окнах аббатского дома уже горел огонь и на крыльце, ежась от холода, стояли чиновники.

– Господин Шардлейк! Сэр!

Звук женского голоса заставил меня оглянуться. Ко мне торопливо шла моя вчерашняя знакомая Тамазин в изящном шерстяном плаще с капюшоном.

– Доброе утро, мистрис Ридбурн, – приветствовал я девушку.

– Доброе утро, сэр, – ответила она и сделала реверанс. – Я очень рада, что вас встретила. Вчера я была так испугана, что даже не успела как следует поблагодарить вас. Господин Барак с вами? – спросила она, вглядываясь в туман.

– Он еще спит. А вы, мистрис Ридбурн, как я вижу, ранняя пташка?

Вчерашнее приключение вновь пришло мне на память. Вне сомнения, девушке очень повезло, что грабитель напал на нее у нас на глазах.

– Я должна встретить свою госпожу, мистрис Дженнет Марлин, и вместе с ней отправиться на кухню посмотреть, все ли там готово к прибытию королевы. Леди Рочфорд очень разгневана, ибо полагает, что кухня оставляет желать лучшего. Моей госпоже предстоит трудный день. Поэтому и мне пришлось встать пораньше.

Я внимательно посмотрел на свою собеседницу. Итак, выяснилось, что она служит у Дженнет Марлин, унылой особы, которую я видел вчера в обществе леди Рочфорд.

– Боюсь, мистрис Марлин тоже еще спит, – заметила девушка, поплотнее закутываясь в плащ. – Но так или иначе, мне придется ждать ее здесь.

– Что ж, с вашего позволения, я вас оставляю.

Я кивнул на прощание.

– Надеюсь, у меня еще будет случай увидеться с господином Бараксом, – пробормотала девушка, смущенная столь холодным обращением. – Поблагодарите его от моего имени.

– Не уверен, что пути наши пересекутся вновь, – отрезал я. – К тому же нас с господином Бараксом ожидает множество важных дел.

– Но если вы живете в аббатстве, вполне может быть...

Девушка осеклась, ибо душераздирающий визг, донесшийся со стороны церкви, заставил нас обоих вздрогнуть. Несомненно, звук этот не мог вырваться из человеческой глотки; казалось, его производит диковинное животное. Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Чиновник, спешивший по своим делам, словно прирос к месту.

– Господи боже, что это... – едва слышно выдохнула Тамазин.

Ужасающий звук раздался вновь, на этот раз намного ближе к нам. Внезапно из тумана появилось некое мохнатое коричневое чудовище невероятных размеров. Налетев на чиновника, оно отбросило его прочь, словно кеглю, и устремилось прямо к тому месту, где замерли мы с Тамазин.

Глава пятая

Это была громадная лошадь стекольщика. Схватив девушку за руку, я отскочил в сторону, увлекая ее за собой. В следующее мгновение лошадь промчалась мимо, обдав нас запахом пота. Совершив столь рискованный прыжок, я едва удержался на ногах, однако Тамазин успела меня поддержать, коснувшись при этом моей согбенной спины. Я терпеть не могу, когда люди касаются этой части моего тела, но тут уж было не до излишней чувствительности. Едва переведя дух от изумления, мы уставились вслед лошади. Доскакав до стены, она остановилась как вкопанная. Все ее огромное тело содрогалось, глаза налились кровью, из пасти хлопьями падала пена.

– Она не задела вас копытом? – обратился я к Тамазин.

– Нет, сэр. Вы спасли мне жизнь.

– Ну, вашей жизни вряд ли угрожала опасность, – грубовато ответил я. – Скорее всего, мы оба отделались бы синяками. Смотрите, этот парень уже встает.

Я указал на чиновника, которого лошадь сбила с ног. И правда, он с усилием поднялся на ноги и принялся отряхивать свою красную мантию. Из дома аббата во двор выбежали люди, привлеченные шумом. Среди них я заметил двоих стражников с обнаженными мечами. Когда они приблизились к лошади, она вновь пронзительно заржала и встала на дыбы, угрожая нанести сокрушительный удар копытами каждому, кто рискнет к ней приблизиться. Трудно было поверить, что это то самое животное, которое не далее как вчера казалось столь мирным и спокойным. Я не мог понять, что привело несчастную лошадь в столь бешеное состояние.

– Оставьте животное в покое! – раздался чей-то голос. – Дайте ему успокоиться.

Толпа немного отступила. Лошадь, окруженная людьми, по-прежнему дрожала всем телом. Взгляд ее был исполнен безумного страха.

– Господи боже, что здесь происходит? Вы не пострадали, господин Шардлейк?

Кто-то тронул меня за локоть. Обернувшись, я увидел Саймона Крейка, встревоженного и растерянного.

– Я цел и невредим. Это лошадь стекольщика. Что-то напугало ее до умопомрачения.

– Это лошадь мастера Олдройда? – уточнил Крейк, оглядываясь по сторонам. – А где он сам?

– Я нигде его не вижу.

– Вообще-то, эта лошадь отличается на редкость спокойным нравом, – заметил Крейк, глядя на испуганное животное. – Обычно мастер Олдройд оставляет ее без всякой привязи.

– Сэр, вы не хотите сходить со мной в церковь и посмотреть, что там произошло? – предложил я.

Толпа меж тем становилась все больше, к ней присоединялись слуги и полуодетые рабочие, выбежавшие из своих палаток. Я заметил нескольких солдат и среди них сержанта, с которым беседовал накануне вечером.

– Да, конечно, сэр, нам необходимо все выяснить, – согласился Крейк.

Взгляд его упал на Тамазин, по-прежнему стоявшую рядом со мной.

– Такой молодой особе нечего делать во дворе в столь ранний час, – изрек он. – И уж вовсе ни к чему разгуливать в одиночестве.

– Я ожидаю мистрис Марлин, – пояснила девушка.

– Тем не менее вам лучше войти в дом, – заявил я непререкаемым тоном.

Тамазин мгновение помешкала, затем сделала реверанс и двинулась в сторону дома. Крейк начал сквозь толпу пробираться к сержанту, я следовал за ним. Я заметил, что Тамазин, не дойдя до дверей, остановилась и окинула двор взглядом, словно кого-то выискивая. Мне

припомнилось, как она коснулась рукой моей спины. Должно быть, девушка заметила мой сердитый взгляд, ибо она поспешно повернулась и скрылась в дверях дома.

Крейк меж тем заговорил с сержантом. Подобно многим людям, постоянно пребывающим в беспокойстве, в трудные минуты бывший мой однокашник обретал хладнокровие.

– Эта лошадь принадлежит человеку, который вынимает стекла из церковных окон, – объяснил он сержанту. – Боюсь, с ним стряслась какая-нибудь беда. Вы должны пойти с нами в церковь и узнать, что там случилось.

– Да, сэр.

– Возьмите с собой одного солдата, а остальные пусть останутся здесь. Проследят, чтобы лошади дали успокоиться, и заставят толпу разойтись. Да, и пошлите кого-нибудь сообщить об этом происшествии сэру Уильяму Малевверу. Кстати, как ваше имя?

– Джордж Ликон, сэр.

Сержант повернулся к солдатам и сказал что-то одному из них, такому же рослому и сильному, как и он сам. Крепко сжимая пики, оба двинулись в сторону церкви.

Туман все еще не рассеялся. Мы осторожно прошли по скользкому дощатому настилу, устроенному справа от церкви. Мысленно я сожалел о том, что с нами нет Барака. Вдруг до слуха моего донесся какой-то звук, нечто вроде скрипения.

– Вы слышали? – повернулся я к Крейку.

– Нет.

– Похоже, кто-то закрыл дверь.

– А что это там, впереди?

Крейк указал на силуэт странной формы, смутно вырисовывавшийся в тумане. Подойдя ближе, мы увидели, что это всего лишь повозка стекольщика, к которой была прислонена лестница.

– Хотел бы я знать, где он сам, – растерянно пробормотал Крейк. – Из-за этого проклятого тумана ни черта не увидишь. Мастер Олдройд! – крикнул он во весь голос.

Оба солдата дружно повторили его зов. Но ответа не последовало. Церковь была погружена в молчание.

– Наверное, он оставил лошадь попасться около повозки, – предположил Крейк. – Но что так испугало бедное животное?

Солдаты вновь хором позвали стекольщика. Я тем временем осмотрел повозку. Лестница была прислонена к ней под каким-то странным углом, конец ее едва касался борта повозки. Охваченный внезапным подозрением, я коснулся руки Ликона:

– Не могли бы вы подсадить меня, сержант? Я хочу заглянуть внутрь повозки.

Сержант кивнул и сделал из своих рук ступеньку, на которую я оперся ногой. Схватившись за край, я подтянулся на руках. Мантия моя затрещала, как видно, зацепившись за осколок стекла, торчавший из деревянного борта. Все еще опираясь ногой на руки сержанта, я перегнулся через край, и взору моему открылось воистину ужасающее зрелище.

Повозка была на три четверти полна осколками витражных окон. Мастер Олдройд лежал возле борта, и острые куски стекла в нескольких местах пронзили его тело. Один из таких осколков торчал прямо из живота несчастного стекольщика, словно обагренный кровью меч. Лицо Олдройда было белым как мел, глаза закрыты. Крови из его тела вытекло столько, что он едва ли не плавал в ней.

– Он здесь! – судорожно сглотнув, крикнул я. – И, судя по всему, он мертв.

– Помогите мне, – донесся до меня голос Крейка.

В следующее мгновение его круглое лицо возникло над другим краем повозки. Увидев труп стекольщика, Крейк зажмурил глаза.

– Господи боже! Видно, бедняга свалился с лестницы.

Повернувшись к зевакам, которые начали собираться у повозки, он крикнул:

– Эй, вы! Пусть четыре человека встанут на плечи других и заберутся в повозку. Нужно вытащить оттуда тело.

Внизу засуетились, и вскоре над бортами появились головы четырех дюжих парней. Несомненно, все они были поражены открывшимся зрелищем, однако же, хоть и без большой охоты, спрыгнули на окровавленные осколки стекла. Взяв Олдройда за руки и за ноги, они приподняли его. Когда тело соскользнуло с отвратительного стеклянного копь, из раны потоком хлынула кровь. Внезапно глаза стекольщика открылись.

– Он жив! – возопил я, от неожиданности едва не свалившись на землю.

Рабочие вновь опустили несчастного на окровавленное ложе из битого стекла.

Взгляд Олдройда был устремлен прямо на меня. Губы его слабо шевелились, словно он пытался что-то произнести. Рискую потерять равновесие, я наклонился к умирающему. При мысли, что я могу упасть лицом прямо на стекло, пальцы мои судорожно вцепились в деревянный борт.

– Ко... король, – выдохнул Олдройд прерывистым шепотом.

– Что с королем? Ему угрожает опасность? – спросил я дрожащим голосом, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди.

– Если у Генриха и Кэтрин Говард... – Умирающий закашлялся, и изо рта у него потекли струйки крови. – Если у них родится дитя, ему не бывать истинным наследником престола.

– Но почему?

– Она знает об этом, – прошептал стекольщик, и по телу его пробежала конвульсивная дрожь. – Блейбурн, – произнес он едва слышно.

Его тускнеющие голубые глаза неотрывно смотрели в мои, словно взглядом он хотел зацепиться за жизнь.

– Блейбурн, – повторил он, содрогнулся и откинул голову.

Я понял, что Олдройд мертв; остатки крови вытекли из ужасающей раны, окропив смертоносные осколки стекла.

Я с трудом выпрямился. Работники в ужасе уставились на меня.

– Что он сказал, сэр? – замирающим голосом спросил Крейк.

– Ничего, – поспешно ответил я. – Ровным счетом ничего. У него уже не было сил говорить. Достаньте его отсюда. А мне помогите спуститься на землю! – крикнул я сержанту Ликону.

Он выполнил мою просьбу, и я, оказавшись на земле, обессиленно привалился к борту повозки. Вскоре ко мне подбежал запыхавшийся Барак.

– Где вас только черти носили? – сердито порычал я.

– Я искал вас повсюду, – выпалил Барак, который отнюдь не чувствовал себя виноватым. – Все здесь словно с ума посходили. Скажет мне наконец кто-нибудь, что случилось?

– Стекольщик свалился с лестницы прямо в свою повозку, и осколки стекла продырявили его насквозь. Его лошадь обезумела от испуга и принялась скакать по двору.

Вдали я заметил дородную фигуру сэра Уильяма Малевевера, который широким шагом приближался к повозке. Черная мантия развевалась у него за спиной, толпа торопливо расступалась, давая ему дорогу. Он подошел к нам как раз в тот момент, когда работники извлекли из повозки окровавленное тело Олдройда и опустили его на землю.

– Что здесь происходит? – грозно нахмурившись, спросил Малевевер. – Крейк и вы, брат законник, вы что, языки проглотили? Может, вы все же соизволите дать мне какие-нибудь объяснения?

– Стекольщик упал с лестницы, – не вдаваясь в подробности, сообщил Крейк.

– Безмозглый болван! – процедил Малевевер, бросив на тело исполненный отвращения взгляд. – Будто без него у нас мало хлопот. По его милости мне придется давать объяснения королевскому коронеру. Кто его отыскал? – спросил он, свирепо зыркнув на толпу.

– Я, – произнес я, поднимаясь на ноги.

Малеверер пробурчал что-то нечленораздельное и вновь повернулся к толпе.

– А ну, чертовы бездельники, принимайтесь за работу! – рявкнул он во всю глотку. – Вас это тоже касается, Крейк! А вы, солдат, отнесите эту пададь в дом, – обратился он к Ликону. – И проследите за тем, чтобы бешеную лошадь прикончили.

Противоречить распоряжениям Малеверера никто не посмел, и толпа рассосалась мгновенно. Сквозь пелену тумана до меня доносились взволнованные голоса, которые, удаляясь, становились все глуше. Ликон и другой солдат, подняв тело стекольщика, понесли его к дому. Малеверер шествовал сзади. Барак хотел было последовать за ними, но я схватил его за руку.

– Останьтесь, Джек, – прошептал я. – Мне необходимо кое-что вам рассказать. Откровенно говоря, я сам не знаю, как к этому отнестись.

Мы остановились у злополучной повозки, и я передал Бараку последние слова умирающего стекольщика.

– Господи боже, да ведь это чистой воды измена, – пробормотал Барак. – Может, этот стекольщик был связан с заговорщиками. И решил нанести оскорбление королю, зная, что умирает и может не опасаться наказания?

– Вряд ли, – покачал я головой. – Скорее этот человек из последних сил пытался меня предостеречь.

– Но почему именно вас? Он ведь вас совсем не знает. Накануне вы всего-навсего перемолвились с ним парой слов.

– У него не было другого выбора. Он понимал, что умрет через несколько мгновений.

– А имя Блейбурн вам известно?

– Я слышу его впервые. Возможно, это человек, который убил стекольщика.

– Да ведь бедняга погиб по собственной неосторожности. Всякому ясно: он свалился с лестницы.

– В этом я далеко не уверен, – заявил я, испустив тяжкий вздох. – Вполне может быть, кто-то его толкнул. Олдройд был опытным стекольщиком, а люди этого ремесла умеют обращаться с лестницами. Да, и вот еще что, – добавил я, окинув взглядом церковь. – Когда мы приближались к церкви, я слышал какой-то подозрительный скрип. Словно кто-то открыл или закрыл дверь.

– Вы думаете, это был убийца стекольщика? – спросил Барак, пристально глядя на меня. – Он услышал ваши шаги и поспешил скрыться?

– Возможно, так оно и было. И единственное место, где он мог спрятаться, – это церковь.

– Так пойдемте обыщем ее как следует.

В глазах Барака вспыхнули хорошо знакомые мне огоньки, означавшие, что он предвкушает захватывающее приключение. Я, однако, не разделял его пыла.

– У меня нет ни малейшего желания вмешиваться в это темное дело, Барак. Именно поэтому я никому, кроме вас, не сообщил о последних словах Олдройда. Слышал их только я один. И думаю, мы поступим благоразумно, если будем о них молчать.

– Но ведь дело касается короля и королевы! Молчание может обернуться против вас! – в тревоге воскликнул Барак. – Этой весной несколько человек кончили свои дни на виселице лишь потому, что не донесли о замыслах заговорщиков. Что, если здесь готовится какой-то новый заговор, о котором знал Олдройд? Ведь через два дня в этот город прибудет король. Ради всего святого, сообщите Малевереру обо всем, что вы слышали.

Я не мог не признать правоты его слов и кивнул в знак согласия.

– Но прежде всего нам надо проверить, не скрывается ли злоумышленник в церкви. А уж потом расскажем Малевереру о результатах наших поисков. Идемте, где-то здесь наверняка должна быть дверь, в которую проскользнул убийца, – распорядился Барак и сжал рукоять меча, который, по обыкновению, висел у него на поясе.

Я с любопытством взглянул на своего помощника. В течение целого года он беспрекорно словно признавал мое главенство, ибо понимал, что не может со мной тягаться по части знания законов. Передо мной вновь был решительный и отважный человек, поднаторевший в исполнении секретных поручений лорда Кромвеля. Я неохотно кивнул и коснулся рукояти своего кинжала.

– Что ж, идемте, если вам так хочется.

Барак двинулся вдоль церковной стены. Туман был уже не так густ, лучи бледного утреннего солнца начали пробиваться сквозь завесу облаков. Как и предполагал Барак, неподалеку от повозки мы обнаружили в стене крошечную дверь, снабженную замочной скважиной. Я думал, дверь заперта, но, стоило Бараку надавить на нее плечом, она открылась, издав при этом в точности такой же скрип, какой я слышал ранее. Вытащив меч из ножен, Барак распахнул дверь настежь. Мы вошли в церковь.

– Посмотрите! – выдохнул Барак, указав на свежие следы, темневшие на полу.

Цепочка грязных отпечатков тянулась через всю церковь. Но, сколько я ни напрягал зрение, мне не удавалось ничего разглядеть в полумраке. К тому же массивные колонны могли сыграть преступнику на руку, помогая затаиться.

– Я ничего не вижу, – прошептал я.

– Давайте пойдем по следам, – предложил Барак. – Они совсем свежие. И тому, кто их оставил, пришлось долго бродить по влажной траве.

– Да, здесь, несомненно, кто-то был.

– Это уж точно, – кивнул Барак. – Заслышав ваши шаги, убийца пробрался в церковь. А потом спокойно вышел через главную дверь.

– Нет, поступить так было бы с его стороны до крайности опрометчиво, – возразил я. – На его месте я переждал бы в церкви, пока не уляжется суматоха. Наверняка здесь полно укромных мест.

– Что ж, идемте по следам, – повторил Барак, сжимая меч.

Грязные отпечатки на полу были отчетливо различимы даже при слабом освещении. Цепочка следов тянулась через всю церковь, во многих местах пересекаясь с более старыми следами, оставленными накануне. Порой пол был так затоптан, что мы теряли следы из виду. Однако нам удалось обнаружить их на другой стороне нефа, у массивной внутренней двери, расписанной сценами из жизни Христа. Дверь эта была слегка приоткрыта, и следы вели именно сюда.

– Он здесь, – с довольной ухмылкой прошептал Барак. – Птичка сама залетела в клетку.

Он отступил на несколько шагов и рывком распахнул дверь; гулкое эхо разнесло скрип ржавых петель под сводами пустынной церкви. Мы заглянули внутрь. За дверью оказался небольшой вестибюль с низким сводчатым потолком, который поддерживали колонны, украшенные пышной резьбой. Узкий коридор вел в просторную комнату. Свет проникал сюда сквозь чудом уцелевшие витражные окна. Скорее всего, именно здесь находилась ризница. Мы с Баракom вошли в комнату, не сводя глаз с колонн, за каждой из которых могла притаиться наша добыча.

– Эй, выходи! – во весь голос крикнул Барак. – Все равно ты от нас не уйдешь! Так что лучше сдавайся.

– Барак, становитесь у дверей, чтобы он не убежал. А я пойду и приведу на помощь солдат.

– Нет уж, я сам хочу поймать эту птицу.

– Джек, будьте благоразумны, – попытался я остановить своего охваченного азартом напарника.

Но Барак, держа наготове меч, уже двинулся вперед. Обшаривая взглядом темные углы, я вытащил из ножен кинжал. Вестибюль был так плохо освещен, что разглядеть что-нибудь было трудно. Внезапно мой помощник издал сдавленный вскрик.

– Господи Иисусе!

Я кинулся к нему. Оказавшись на пороге ризницы, я увидел, что она пуста и совершенно лишена мебели. Однако вдоль стен двумя рядами стояли люди в разноцветных длинных одеяниях. Волосы у всех были белоснежные, бороды длинные, щеки сияли ярким румянцем, глаза блестели. На мгновение я замер от изумления, но после разразился смехом.

– Это всего лишь статуи, Барак. Пророки и апостолы.

В тусклом свете статуи так напоминали живых людей, что испуг Барака был вполне извинителен.

– Поглядите, вон там, в синей мантии, Моисей, – пояснил я. – Господи боже, губы у него так искусно покрашены, что выглядят в точности как настоящие.

Оба мы резко повернулись, заслышав звук шагов, но успели увидеть только край плаща, мелькнувший в дверях. В следующее мгновение дверь захлопнулась, и до нас донесся скрежет поворачиваемого в замке ключа. Барак схватился за дверную ручку и принялся что есть силы ее трясти.

– Проклятие! Негодяй нас запер!

Он вновь налег на ручку, но это не принесло ни малейшей пользы.

– Мы думали, что загнали в ловушку убийцу, а оказались в ловушке сами, – поджав губы, изрек я. – Теперь злоумышленник беспрепятственно скроется.

Мы вернулись в ризницу, где было светлее. Щеки Барака покраснели от злобы и смущения.

– Признаю, это моя вина, – пробормотал он. – Я вел себя как последний олух. Ворвался сюда, думая схватить убийцу, а сам завопил от страха при виде раскрашенных статуй, будь они неладны. А этот шельмец тем временем наверняка прятался где-нибудь в темном углу. Если бы не мой дурацкий вопль, мы бы, как пить дать, его увидели.

Судя по выражению лица Барака, он чувствовал себя глубоко несчастным.

– Ну, сделанного не воротишь, – бросил я.

– Я уже не тот, что был прежде, – с горечью заявил Барак.

– Что вы имеете в виду?

– Пару лет назад я ни за что бы не совершил такой нелепой ошибки. Спокойная жизнь в Линкольнс-Инн превратила меня в размазню, – вздохнул он, сопроводив свои слова зубовным скрежетом. – Хотел бы я знать, как мы отсюда выберемся?

– Вот единственный путь, – сказал я, указав на одно из витражных окон. – Вы вскарабкаетесь на статую, разобьете окно рукоятью своего меча и позовете на помощь.

– Да, представляю, какое поднимется веселье, – буркнул Барак. – Все аббатство будет кататься со смеху.

– Боюсь, Малевереру будет не до смеха. Мы должны немедленно сообщить ему о случившемся.

– Надеюсь, этот парень меня выдержит, – сказал Барак, указывая на гипсового Моисея.

Набрав в грудь побольше воздуха, он вскарабкался на статую. Я должен был признать, что, несмотря на свои сетования, помощник мой ни в коей мере не утратил ловкости и проворства. Балансируя на голове Моисея, он схватился за выступ резной колонны и ударил рукоятью меча по ближайшему окну. Звон разбитого стекла эхом разнесся по ризнице. Я невольно сморщился. Барак расколотил еще одно стекло, потом высунулся из окна и завопил:

– На помощь!

Я вновь поморщился, едва не оглохнув от его рева.

Повторив свой призыв несколько раз, Барак удовлетворенно повернулся ко мне.

– Наконец-то меня услышали, – сообщил он. – Сюда идут люди.

* * *

Час спустя мы с Бараком стояли в кабинете Малевевера, который располагался в королевском особняке. По пути мы видели лошадь Олдройда, лежавшую на земле в окружении толпы. Судя по широкому потоку крови, обагрившему булыжники двора, приказ Малевевера был выполнен и несчастному животному пришел конец. В особняке стоял запах свежей стружки. В кабинет Малевевера долетал пронзительный визг пилы, ибо во всех помещениях особняка заканчивали последние приготовления к приезду короля.

Я рассказал Малевеверу обо всем, что произошло нынешним утром. Он выслушал мой рассказ с выражением непроницаемой суровости, которое, казалось, навечно застыло на его лице. В огромной волосатой руке он беспрестанно вертел чернильницу, словно желая раздавить ее пальцами. Около стола Малевевера стоял какой-то высокий человек в шелковой мантии и шапочке барристера высшего ранга. Его представили мне как мастера Арчболда, королевского коронера, в обязанности которого входит расследование всякой насильственной смерти, приключившейся во владениях его величества.

Когда я закончил, Малевевер хранил молчание, накручивая на один из толстых пальцев конец бороды.

– Значит, перед смертью стекольщик пытался опорочить короля и королеву, – изрек он наконец. – В этом нет ничего удивительного, ведь в этих местах бунтовщик сидит на бунтовщике. Прошлой весной мы были слишком снисходительны. Надо было не жалеть виселиц. По донесениям наших осведомителей, дух преступного мятежа до сих пор жив среди местного сброда.

– И все же, сэр, у меня создалось впечатление, что стекольщик располагал какими-то важными сведениями, – произнес я. – Вероятно, именно по этой причине он был убит.

– А с чего вы взяли, что он убит? Возможно, в церковь забрел какой-то проходимец, который, завидев вашего олуха клерка с мечом, перепугался до смерти и пустился наутек.

С этими словами он бросил на Барака взгляд, исполненный откровенного презрения.

Подобное заявление явилось для меня полной неожиданностью.

– Я так не думаю, сэр Уильям, – попытался возразить я. – Следы вели в ризницу прямо от маленькой двери, расположенной поблизости от повозки стекольщика. Полагаю, у злоумышленника были ключи от обеих дверей. Скорее всего, он намеревался скрыться в церкви после совершения убийства и выполнил свой план. Поэтому, чтобы найти этого человека, необходимо ответить на вопрос – у кого есть ключи от церкви?

– Да у кого угодно, – проворчал Малевевер. – Перед тем как отсюда выгнали монахов, они наверняка сделали себе множество копий. Надеюсь, что смогут украдкой проникнуть в церковь и что-нибудь стащить.

Малевевер устремил на меня неприязненный взгляд.

– Скажите-ка, вы не из тех законников, которым повсюду мерещатся тайны и головоломки? Судя по вашему глубокомысленному виду, вы обожаете повсюду напускать туман.

Когда он сердился, йоркширский акцент становился таким сильным, что я едва разбирал его речь. Впрочем, и без слов было ясно, что сэр Уильям весьма мною недоволен.

– Уж не знаю, кто там скрывался в церкви, убийца или нет, – процедил он. – В любом случае вы его проворонили, что было с вашей стороны до крайности глупо. Неужели вы даже не рассмотрели, как он выглядит?

– Мы видели лишь край темного плаща.

– Вам случалось слышать имя, о котором упомянул стекольщик? – пророкотал Малевевер, поворачиваясь к коронеру. – Блейбурн, или как там?

– Нет, сэр, – покачал коронер головой. – Возможно, именно этот Блейбурн столкнул стекольщика в повозку. Если только тот не упал по собственной неосторожности, – добавил он, вперив в меня взгляд водянистых голубых глаз. – Скорее всего, Блейбурн – тоже стекольщик, который что-то не поделил с убитым.

– Полагаю, так оно и есть, – кивнул Малеверер. – Брат Шардлейк, король и его свита будут здесь через три дня, – произнес он, навалившись грудью на стол. – Все мы трудимся не покладая рук, дабы встретить его величество надлежащим образом. Необходимо, чтобы все намеченные церемонии прошли без сучка без задоринки. И мы никак не можем терять драгоценное время на какого-то жалкого стекольщика. В конце концов, совершенно не важно, свалился он со своей лестницы сам или кто-то помог ему в этом. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно?

– Да, сэр.

К разочарованию, охватившему меня, примешивалось чувство облегчения. Сообщив о происшествии Малевереру, я снял с себя всякую ответственность. Теперь он должен был решать, как поступить, и, судя по всему, он решил оставить дело без последствий. Однако следующие его слова заставили мое сердце сжаться.

– Если вы такой любитель тайн и загадок, то можете заняться расследованием смерти стекольщика, – заявил Малеверер. – Избавите коронера от лишних хлопот.

– Превосходная идея, сэр, – с довольной улыбкой подхватил Арчболд. – Откровенно говоря, сейчас у меня нет ни единого свободного человека, которому я мог бы поручить это дело.

– Итак, побывайте у стекольщика дома, поговорите с его друзьями, выясните, были ли у него враги, – распорядился Малеверер. – Ведь мы обязаны провести официальное расследование, – обратился он к коронеру.

– Боюсь, что так, сэр Уильям, – кивнул Арчболд. – Оставить это происшествие без внимания мы не имеем права. Я уверен, что дело яйца выеденного не стоит. Несомненно, причина гибели стекольщика – или несчастный случай, или ссора с другим ремесленником. Но так или иначе, провести расследование необходимо. Иначе пойдут разговоры о том, что власти попустительствуют убийцам.

– Что ж, если расследование необходимо, мы поручим его брату Шардлейку и его помощнику, – решил Малеверер.

Покопавшись в складках своей мантии, он извлек большой железный ключ и положил его на стол. Я неохотно взял ключ в руки.

– Вот и все, что было найдено при мертвеце, – сообщил вельможа. – За исключением кошелька с несколькими серебряными монетами. Скорее всего, это ключ от его дома. Сообщите мне обо всем, что сумеете узнать. И помните, будет очень неплохо, если собранные вами факты подтвердят, что стекольщик погиб по собственной неосторожности. Уяснили?

Он улыбнулся, обнажив крупные желтые зубы.

– Я сообщу герцогу Суффолку, что дело будет улажено без лишнего шума.

– Но, сэр Уильям, я являюсь свидетелем, а закон гласит... – начал было я.

– Плевать я хотел на ваши юридические тонкости, – перебил меня Малеверер. – С этим делом надо покончить как можно быстрее. Я уже сказал: у нас слишком много хлопот, чтобы возиться с каждым мертвым работником.

– Но я прибыл сюда, дабы заниматься прошениями, поданными на имя короля, – осмелился возразить я.

– Мы все здесь крутимся словно белки в колесе, и вам придется взять с нас пример, – не терпящим возражений тоном заявил Малеверер. – Господин коронер, оставьте нас на несколько минут, – провернулся он к Арчболду. – И заберите его с собой, – махнул он в сторону Барака.

Оба поклонились и вышли. Устремленный на меня взгляд Малевевера был исполнен откровенной неприязни. Я недоумевал, чем мог возбудить подобное чувство. Скорее всего, причиной послужило мое увечье. Здоровые крепкие люди зачастую испытывают презрение к тем, кто наделен телесным изъяном.

– Вам ведь предстоит выполнить еще одно поручение? – прищурился Малевевер. – В замке? Что вы таращитесь на меня, точно вытащенная из воды рыба? Да будет вам известно, я член Совета северных графств и нахожусь в курсе всех здешних дел. Надеюсь, у вас хватит ума понять, какая сложная ситуация здесь сложилась. В деле стекольщика вы должны повиноваться мне беспрекословно. Не вздумайте создавать мне лишних проблем. Уяснили?

– Да, сэр.

Отправляя меня в Йорк, Кранмер упоминал о некоторых членах Совета северных графств, которые пользуются его особым доверием. Значит, одним из этих людей был Малевевер.

«Любопытно, известно ли ему, в чем обвиняют Бродерика?» – пронеслось у меня в голове.

– Что до вашего второго поручения, то, возможно, господин Редвинтер и в самом деле нуждается в присмотре. – Малевевер вновь растянул губы в улыбке, более напоминающей хищный оскал. – По слухам, порой он исполняет свои обязанности с излишним рвением. Кстати, вы уже видели Бродерика?

– Вчера. На теле у заключенного воспаленный ожог, который может угрожать его жизни. Я приказал пригласить к нему лекаря.

– Похвальная заботливость. Но я хочу кое в чем вас предостеречь, брат Шардлейк, – произнес он, наставив на меня короткий толстый палец. – Ваша обязанность – оберегать жизнь и здоровье заключенного, и не более того. Не вздумайте совать свой любопытный нос в дела, которые не имеют к вам никакого касательства.

Он вновь вперил в меня пристальный взгляд, словно хотел просверлить насквозь.

– Вижу, нос у вас длинный, а это частенько не доводит до добра. Я имею обыкновение отрезать слишком длинные носы. Иногда вместе с головами.

Глава шестая

Барака я нашел на ступеньках особняка. Он задумчиво озирает двор, в котором уже вовсю кипела работа. Павильоны росли на глазах; сквозь распахнутые двери я видел, что внутренняя отделка близка к завершению. Поблизости устанавливались каркасы для трех огромных шатров, чуть в стороне стояли повозки, груженные рулонами парусины. Туман рассеялся, но день выдался пасмурным и серым.

– Лошадь уже убрали, – сообщил Барак и указал на работника, который, вооружившись щеткой и ведром с водой, смывал с булыжника кровь.

– Убивать несчастное животное не было никакой необходимости, – заметил я и передал Бараку разговор с Малеверером. – Мне остается лишь пожалеть, что я послушался вашего совета и не стал держать рот на замке, – завершил я свой рассказ. – Малеверер требует, чтобы мы отыскивали свидетельства, подтверждающие, что смерть стекольщика была случайной. В противном случае нам не избежать гнева этого вельможи. А он, как вы, без сомнения, заметили, и так не питает к нам особого расположения.

– Ну и с чего мы начнем? – осведомился Барак.

– Полагаю, с визита в городскую ратушу. Поговорим с местным коронером. Если бедняга Олдройд являлся членом гильдии стекольщиков, нам будет полезно побеседовать с его братьями по ремеслу. Кстати, они наверняка знают, где он жил.

Барак кивнул. Вид у него был угрюмый, и на память мне пришла внезапная вспышка досады, овладевшая им в церкви. Про себя я решил, что при случае непременно вызову своего помощника на откровенный разговор.

– Что ж, приступим, – изрек я с тяжелым вздохом.

– На десять часов у нас назначена встреча со стариной Ренном, – напомнил мой помощник.

– Сейчас нам не до него. Я отправлю ему записку, в которой сообщу, что мы запоздаем. Мне ведь необходимо еще побывать в тюрьме, посмотреть, привел ли Редвинтер лекаря к нашему узнику.

– Господин Шардлейк!

Я резко повернулся, услышав знакомый голос, и увидел, что со стороны церкви к нам торопливо приближается Тамазин Ридбурн. Рядом с ней шествовала та самая унылая дама, что вчера сопровождала леди Рочфорд. Я невольно заскрипел зубами, ибо очередная встреча с назойливой девицей вовсе не входила в мои планы. Тамазин подошла к нам, сияя улыбкой.

– У нас нет времени для разговоров, Тамазин, – неодобрительно проронила ее спутница.

– Но это те самые джентльмены, которые вчера спасли мою корзинку от здешних грабителей! – воскликнула Тамазин. – А сегодня утром, не окажись рядом господин Шардлейк, меня непременно растоптала бы взбесившаяся лошадь.

Унылая леди бросила на меня любопытный взгляд.

– Так это вы тот стряпчий, что обнаружил труп работника?

– Да, сударыня, – с поклоном ответил я. – Мэтью Шардлейк к вашим услугам. Я ведь имею честь беседовать с мистрис Марлин?

Злобные огоньки, вспыхнувшие в карих глазах леди, немало удивили меня.

– Позвольте узнать, сэр, откуда вам известно мое имя? – процедила она.

– Его сообщил мне господин Крейк – вчера, после нашей встречи.

– Ах вот как! – По губам леди скользнула невеселая улыбка. – Да, меня действительно зовут Дженнет Марлин. И как вы сами видели вчера, я состою при леди Рочфорд.

Она метнула на меня изучающий взгляд.

– Говорят, кто-то запер вас в церковной ризнице, так что вам пришлось звать на помощь.

– Вы прекрасно осведомлены, – с непроницаемым лицом кивнул я.

– Но как такое могло произойти?

– Об этом я не имею права говорить, – холодно ответил я.

– О, я вижу, вы любите напускать на себя таинственность, – заявила мистрис Марлин и повернулась к своей спутнице. – Идемте, Тамазин. Нам необходимо проверить, все ли в порядке в кухне королевы.

Тамазин на прощание одарила нас улыбкой, задержавшись взглядом на Бараке.

– И у короля, и у королевы будут в аббатском доме свои собственные кухни, – с гордостью сообщила она. – Я уже говорила вам, мы помогаем их устроить.

– Идемте же, Тамазин! – скомандовала мистрис Марлин и удалилась, громко шурша юбками.

В ее осанке и походке чувствовалась странная напряженность, словно вместо спинного хребта у нее была негнущаяся палка.

«Если жених этой леди действительно в Тауэре, у нее есть веские основания для тревоги», – подумал я.

– Сегодня вечером вы будете обедать в трапезной? – осведомилась Тамазин, быстро повернувшись к Бараку.

– Насчет обеда мне ничего не известно, мистрис. Откровенно говоря, сегодня мы до сих пор не выбрали время позавтракать.

– Но для того, чтобы обедать в трапезной, нужны особые значки. Вы уже получили их?

– Пока что нет, – ответил я.

– Я вам их принесу.

– Торопиться нет нужды, – заметил я. – Сегодня у нас много дел, так что обедать придется поздно.

– Но часов в шесть вы, я надеюсь, освободитесь?

– Несомненно, – поспешно заявил Барак. – Давайте встретимся ровно в шесть.

Тамазин сделала нам реверанс и поспешила за своей госпожой. Вскоре они скрылись в дверях дома.

– Скромность явно не относится к числу достоинств этой молодой особы, – изрек я, осуждающе покачав головой.

– А госпожа, как видно, не дает ей спуска. Сразу видно, страшная зануда.

– Похоже, так оно и есть. Поэтому юная Тамазин пользуется любой возможностью, чтобы урвать глоток свободы. И откровенно дает понять, что положила на вас глаз.

– Против этого я ничуть не возражаю, – с самодовольной улыбкой заявил Барак. – Да и никто не стал бы возражать, правда?

– Идемте, – распорядился я. – Попробуем найти в этом столпотворении человека, с которым можно отправить записку Ренну.

Мы обратились за помощью к караульному, и он указал нам на большую палатку, в которую постоянно вбегали и выбегали мальчишки-посыльные. Чиновник, ответственный за рассылку писем и сообщений, не хотел отправлять записку Ренну, как видно, считая его слишком мелкой сошкой. Однако упоминание имени Малевевера оказало должное действие, и посыльный, схватив листок, на котором я нацарапал несколько строк, отправился к старому законнику.

Мы с Бараксом надели плащи и направились к воротам. Люди по-прежнему сновали туда-сюда под навесной башней. Один из часовых преградил путь диковинного вида супружеской парочке, которая прибыла в аббатство на запыленной телеге, крытой мешковиной. На обоих супругах были широкие блузы весьма причудливого фасона, усеянные зелеными квадратами разной величины.

– Мы привезли овес! – заявил мужчина с сильным шотландским акцентом. – Мы сами слышали, здесь готовы скупить все съестные припасы!

– Во время королевского визита шотландцам запрещен въезд в город! – непререкаемым тоном заявил часовой. – Так что поворачивайте прочь, пентюхи деревенские!

– Но мы приехали из самого Джедбурга! И у нас с собой весь урожай этого года.

– Королевские лошади не желают жрать шотландский овес! Сказано тебе, поворачивай и проваливай отсюда прочь, пока цел!

Шотландцы понуро взгромоздились на свою телегу. Часовой, судя по акценту, местный уроженец, весело подмигнул нам.

– За этими варварами нужен глаз да глаз, – изрек он, весьма довольный своей бдительностью.

Я вспомнил, что не далее как вчера брат Кимбер сказал в точности то же самое о жителях северных графств.

Мы вышли в город. Ратуша находилась всего в нескольких улицах от аббатства, на площади неподалеку от еще одного упраздненного монастыря, ныне пребывающего в полном запустении.

«Совсем недавно в этом городе было полно монахов и священников, – мысленно отметил я. – В ратуше царила такая же суета, как и в королевском особняке, людской поток в дверях не иссякал ни на мгновение».

Здание показалось мне весьма внушительным, хотя размерами, бесспорно, значительно уступало лондонской ратуше. Я спросил у часового, стоявшего в дверях, как отыскать городского коронера.

– Его здесь нет, сэр, – ответил солдат, бросив на меня любопытный взгляд. – Но вы можете поговорить с мировым судьей Танкердом.

Он пропустил нас внутрь, в просторный холл с великолепным расписным потолком. Множество чиновников и купцов стояли здесь, обсуждая свои дела, клерки с озабоченными лицами сновали взад-вперед. Остановив одного из них, я спросил, где находится контора мирового судьи.

– Сейчас у него встреча с мэром, – сказал клерк. – Вряд ли он вас примет, сэр.

– Я выполняю распоряжение сэра Уильяма Малевевера.

И снова упоминание этого имени оказало немедленное действие.

– Тогда я сам провожу вас, сэр.

Вслед за клерком мы прошли в богато отделанную комнату, из окон которой открывался превосходный вид на реку. Два чиновника, стоя у стола, сосредоточенно считали золотые монеты, складывая их в стопки. Взглянув на крепкую приземистую фигуру одного из них, я сразу узнал мэра, которого видел на улице накануне.

– На сбор денег было потрачено столько усилий, а результат оказался не таким уж впечатляющим, – сердито заметил он. – Наверняка все в городе думают, что у нас здесь золотые горы.

– Хорошо, что нам удалось собрать хоть столько, – заметил второй, облаченный в мантию стряпчего. – По-моему, эта золотая чаша превосходна.

Он был моложе своего собеседника, худое лицо казалось серьезным и озабоченным.

– Да, но монет не хватит, чтобы ее наполнить, – процедил мэр.

Тут он заметил наше появление, и лицо его исказила злобная гримаса.

– Господи боже, Освальдкirk, что вы себе позволяете?

– Господин мэр, эти джентльмены явились сюда по поручению сэра Уильяма Малевевера, – пробормотал клерк, поклонившись почти до земли.

Мэр испустил тяжкий вздох, сделал клерку знак уйти и устремил на меня взгляд своих выпученных глаз.

– Чем я могу служить сэру Уильяму, сэр?

Он с раздражением указал на заваленный золотыми монетами стол.

– Мы с рекордером заняты чрезвычайно важным делом. Готовим дар, который будет преподнесен королю в пятницу.

Я представился и объяснил, что мне поручено расследование гибели стекольщика, которая произошла при неясных обстоятельствах.

– Мне позволено действовать по собственному усмотрению, однако я считаю нужным сообщить о случившемся коронеру Йорка. Возможно, он окажет мне какую-либо помощь, – добавил я с надеждой.

– Я знал Питера Олдройда, – нахмурившись, произнес мэр. – Два года назад он возглавлял гильдию стекольщиков. Разумеется, городские власти примут участие в расследовании.

– Если смерть произошла во владениях короля, расследование находится в ведении королевского коронера, – подал голос второй чиновник. – Уильям Танкерд, рекордер, – представился он, протянув мне руку.

При этом по губам его скользнула улыбка, но взгляд оставался холодным и настороженным.

– Мэтью Шардлейк, стряпчий из Лондона, – представился я.

– Господи боже, видно, я уже не имею никакой власти в своем городе, – с обидой проворчал мэр.

Он сокрушенно вздохнул и махнул рукой в нашу сторону.

– Уведите отсюда джентльменов, Танкерд. Посторонним не следует находиться рядом с этим золотом. Сообщите им все, что их интересует, и возвращайтесь. Надеюсь, вы не заставите ждать себя слишком долго.

– Вы должны извинить неучтивость мэра Холла, – произнес мировой судья, когда мы оказались за пределами комнаты. – Сейчас у нас столько хлопот, что мэру не до любезностей. С горожанами просто беда. Представьте себе, несмотря на все наши запреты, они по-прежнему выливают помой прямо на улицу и не желают убирать мусорные кучи.

– Мне очень жаль, сэр, что мы отвлекаем вас от дел. Но если вы сообщите, где найти коронера...

– Боюсь, господина Сайкса сегодня нет в городе, – покачал головой мировой судья. – Он уехал в Эйнсти, дабы провести там дознание.

– Но может, вам известно, где жил мастер Олдройд? Необходимо сообщить о несчастье его семье.

– Все городские стекольщики живут на Стоунгейт. Это неподалеку отсюда. Улица начинается за церковью Святой Елены. А Олдройд, если память мне не изменяет, жил сразу за церковным кладбищем.

– Благодарю вас, сэр. Мы безотлагательно отправимся туда.

Рекордер кивнул.

– Будьте осторожны, – предостерег он, метнув в меня внимательный взгляд. – После упразднения монастырей многие стекольщики лишились работы. И они не слишком расположены к жителям южных графств.

* * *

Выйдя из ратуши, я увидел на другой стороне площади старинную церковь, украшенную прекрасными витражными окнами. Прохожий подтвердил, что узкая улочка, которая начиналась сразу за церковью, носит название Стоунгейт. С одной ее стороны тянулась ограда церковного кладбища, с другой – ряд высоких домов, верхние этажи которых выступали далеко вперед, закрывая тусклое серое небо. Многие дома были украшены вывесками с изображениями застекленных окон; из мастерских доносились стук и звон. Наконец кладбище кончилось.

– Наш стекольщик жил где-то здесь, – сказал Барак.

Я остановил прохожего, мужчину средних лет с квадратным лицом и темными волосами, выбивавшимися из-под белой шапки, и спросил, не знает ли он, где дом мастера Олдройда.

– А зачем он вам сдался? – осведомился прохожий, смерив меня весьма неприветливым взглядом.

Я заметил, что руки его, как и руки Олдройда, сплошь покрыты мелкими шрамами.

– Мы из аббатства Святой Марии, – сообщил я. – Сожалею, но с мастером Олдройдом произошло несчастье.

– Несчастье? С Питером?

В голосе прохожего послышались тревожные нотки.

– Вы были с ним знакомы, сэр?

– Еще бы нет! Мы ведь состоим в одной гильдии. К тому же мы с Питером старые приятели. Так что с ним случилось, господин законник?

– Он упал с лестницы, когда доставал стекла из церковных окон. Это произошло рано утром. Увы, он мертв.

– Питер упал с лестницы? – нахмурившись, переспросил стекольщик.

– Обстоятельства его смерти не вполне ясны. Королевский коронер уполномочил нас расследовать это дело. Если вы знали покойного, мастер...

– Ральф Дайк. Я стекольщик, как и Питер. Он был славным парнем.

– Возможно, вы не откажетесь рассказать нам о мастере Олдройде. Кстати, у него была семья?

– Нет, – покачал головой стекольщик. – Его жена и трое ребятишек умерли во время чумы тридцать восьмого года, упокой, Господи, их души. – Он осенил себя крестом. – Так что у Питера был только подмастерье.

«Что ж, по крайней мере, мне не придется сообщать печальное известие несчастной женщине и детям», – с облегчением подумал я.

– Вон он, дом Питера, – сообщил мастер Дайк, махнув рукой. – А я должен идти. Мне нужно сообщить гильдии о смерти Питера.

С этими словами он повернулся и торопливо зашагал по улице.

Дом, на который указал нам мастер Дайк, явно знал лучшие времена. Штукатурка, покрывавшая стены, во многих местах облупилась и потрескалась, входную дверь необходимо было покрасить. Я постучал и, не дождавшись ответа, достал из кармана ключ и вставил его в замок. Тут Барак толкнул меня, указав на окна дома напротив. Там мелькнуло и сразу же исчезло женское лицо. Я распахнул дверь.

Расположением комнат жилище стекольщика напоминало дом стряпчего Ренна, но гостиная с очагом посередине была значительно меньше. В центре почерневшего потолка зияло отверстие для дыма, на решетке очага сохранился пепел. Мебель была добротной, но простой и бедной, на буфете красовалось несколько оловянных тарелок.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – во весь голос крикнул я.

Ответа не последовало.

– Странно, – заметил Барак. – У него должна быть служанка. И куда запропастился подмастерье?

Я вышел в коридор, где увидел несколько дверей и лестницу, ведущую на второй этаж. Открыв первую дверь, я оказался в кухне. Плита была еще теплой: судя по всему, кто-то занимался стряпней совсем недавно. Но в доме царила полная тишина, нарушаемая лишь звуками, которые долетали с улицы.

Следующая дверь вела в закрытый внутренний двор, где под навесом стоял плавильный горн. У стены были сложены разноцветные оконные стекла, по большей части потрескавшиеся. Воспоминание о залитых кровью острых осколках, невольно пришедшее мне на ум, заста-

вило меня вздрогнуть. Осмотрев стекла, я заметил, что Олдройд отобрал несколько расписных фрагментов, как видно, намереваясь их использовать. На куске грубой ткани были разложены осколки с изображениями птиц, животных и мистических чудовищ. Картин на религиозные сюжеты среди них не оказалось.

– Помните, он говорил нам, что пустит в дело витражи, вынутые из церковных окон? – произнес Барак, стоявший у меня за спиной.

Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть расписные стекла. Некоторые из них были очень красивы и, судя по всему, сделаны несколько столетий назад.

«Вряд ли Олдройд разжился ими в аббатстве Святой Марии», – отметил я про себя.

Барак приблизился к горну. Рядом стояла большая рама, наполненная осколками витражного окна, некогда изображавшего монахов на молитве. Вне всякого сомнения, стекла предназначались для переплавки.

– Холодный, – сообщил Барак, дотронувшись до горна.

– Давайте посмотрим, что наверху, – предложил я.

Мы поднялись по лестнице и оказались в тесном коридорчике, в который выходили две двери. Одна из них вела в спальню, всю обстановку которой составляли низкая кровать с соломенным тюфяком и открытый сундук, в котором хранилась одежда.

– Похоже, это комната подмастерья, – предположил я, взглянув на лежавший сверху поношенный голубой плащ.

– Отдельная комната не слишком ли большая роскошь для ученика стекольщика? – усмехнулся Барак.

– Дом был слишком велик для бедняги Олдройда, – пояснил я. – Ведь он лишился семьи во время чумного мора.

Следующая дверь вела в комнату хозяина. Стены здесь были обиты тканью в зеленую и желтую полоску, на кровати лежала хорошая перина. Открыв один из двух добротных резных сундуков, я обнаружил аккуратно сложенную одежду.

– Любопытно, где он хранил документы? – пробормотал я.

Внезапно Барак схватил меня за руку повыше локтя и прижал палец к губам, призывая к молчанию.

– На лестнице кто-то есть, – едва слышно прошептал он. – Я слышал скрип половиц.

Сделав мне знак не двигаться, он беззвучно подкрался к двери, чуть выждал и рывком распахнул ее. Раздался истошный вопль, и в следующее мгновение Барак втащил в комнату упитанного рыжеволосого подростка лет шестнадцати.

– Этот парень подслушивал у замочной скважины, – сообщил Барак, державший свою добычу за шиворот. – А когда я схватил его, наглый хореk попытался меня укусить.

Барак выпустил мальчишку, при этом дав ему такую затрещину, что тот кубарем полетел к противоположной стене. Забившись в угол, мальчуган переводил испуганный взгляд с меня на Барака.

– Ты подмастерье мастера Олдройда? – спросил я.

– Да, сэр, – выдохнул наш пленник.

– Мы – чиновники короля, – изрек я.

Это известие так поразило мальчишку, что глаза его едва не вылезли из орбит.

– Мы прибыли сюда из аббатства Святой Марии. Как тебя зовут?

– П-Пол Грин, сэр, – с запинкой пробормотал подмастерье.

– Ты живешь здесь?

– Да, сэр, вместе с мастером Олдройдом.

– Давно ты поступил в ученики к мастеру Олдройду? – осведомился я более мягким тоном.

– Два года назад. Мне тогда как раз стукнуло четырнадцать. Сэр, я не сделал ничего дурного, – занял Пол Грин, переведя дух. – Я ходил в лавку купить угля. А вернувшись, услышал голоса в комнате мастера Олдройда.

Мальчишка скользнул взглядом по одной из стен и тут же отвел глаза.

– Я и подумал, что в дом забрались грабители.

– У мастера Олдройда есть слуги? – продолжал я свои расспросы.

– Только кухарка, сэр. Она пошла на базар купить хозяину на ужин курицу или утку. Сейчас в городе днем с огнем ничего не достанешь, всю снедь свезли в аббатство, кормить королевскую свиту. Хозяин приказал мне разжечь горн и переплавить стекла, на которых нарисованы монахи. Да только весь уголь у нас вышел, вот мне и пришлось сходить в лавку.

Подмастерье смолк, не сводя с меня умоляющего взгляда.

– Боюсь, Грин, мы принесли тебе скверную новость, – мягко произнес я. – Твой хозяин погиб. Сегодня утром он упал с лестницы и разбился насмерть.

Румянец сполз с круглых щек мальчугана. Он тяжело опустился на кровать.

– Мастер Олдройд был добр к тебе?

– Да, – прошептал Грин. – Очень добр. Бедный хозяин.

Он осенил себя крестом.

– Королевский коронер поручил нам расследовать обстоятельства смерти мастера Олдройда.

– Вы же сказали, он сам упал с лестницы? – подозрительно прищурившись, пробормотал мальчуган.

– Пока мы в этом не уверены. Надеюсь, ты сможешь нам кое-что выяснить, – произнес я, впери в Грина пронзительный взгляд. – У твоего хозяина были враги? Ему случалось с кем-нибудь ссориться?

– Нет, сэр.

Однако я заметил, что голос его прозвучал не слишком уверенно, а взгляд снова скользнул по той же самой стене. Спohватившись, он с нарочитым безразличием уставился в пол.

– Ну а друзья и родственники у твоего хозяина были? Тебе известны их имена?

– Все его друзья были стекольщиками и состояли с ним в одной гильдии. А родных у него не осталось, сэр. Все померли во время чумы. Прежний его подмастерье тоже помер, и он взял меня на его место.

– Значит, никто не желал твоему хозяину смерти?

– Ни одна живая душа, сэр.

И вновь слова эти прозвучали отнюдь не так уверенно, как того хотелось бы мальчугану.

– Ты говоришь правду?

– Бог свидетель, сэр, чистую правду. Лопни мои глаза, если...

Но прежде чем Грин успел завершить свою тираду, кто-то постучал в переднюю дверь. Вернее сказать, то был не стук, а оглушительный грохот. Все мы невольно вздрогнули, а мальчуган испустил сдавленный вскрик. Потом в доме раздалось топание множества ног. Судя по тяжелым шагам, несколько человек осматривали двор и комнаты первого этажа, в то время как другие поднялись по лестнице. Барак отскочил от двери за мгновение до того, как она распахнулась настежь, пропустив двух солдат в мундирах королевских цветов. Оба держали наготове обнаженные мечи. Барак вскинул руки в знак того, что не собирается оказывать сопротивление. Подмастерье тихонько стонал от ужаса. Один из солдат окинул нас взглядом, и по губам его скользнула хищная улыбка.

– Эй, вы! Не двигаться с места, а то хуже будет! – угрожающе процедил он и, повернувшись, крикнул в открытую дверь: – Сэр! Здесь, в спальне, трое злоумышленников.

– Что вы себе позволяете? – обрел я наконец дар речи. – К вашему сведению, мы...

– Заткнись! – перебил меня солдат и вновь растянул губы в зловещей улыбке. – К твоему сведению, ты влип в дерьмо по самые уши.

Миг спустя в комнату вошел сэр Уильям Малевверер.

Глава седьмая

Вельможа поочередно смерил надменным взглядом меня, Барака и оцепеневшего от страха мальчугана.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Согласно вашему распоряжению, сэр Уильям, мы расследовали обстоятельства смерти стекольщика, – произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно тверже. – Мы явились к нему домой и как раз расспрашивали подмастерье, когда...

– Понятно, – перебил меня Малеверер.

К немалому своему удивлению, я обнаружил, что он, казалось, совершенно забыл о собственном приказе.

– А почему вы допрашивали его в спальне?

– Мы поймали его, когда он подслушивал у дверей, – пояснил Барак, указав на трясущегося Грина.

Малеверер схватил юнца за ухо, заставив его встать с кровати. Вельможа попытался испепелить мальчишку взглядом, затем повернулся ко мне.

– Ну и что же вам удалось вытянуть из этого недоумка?

– Он утверждает, что у мастера Олдройда не было врагов.

– Вот как? – процедил Малеверер, снова поворачиваясь к юному Грину. – Так ты, значит, был в курсе всех дел своего хозяина? Видно, частенько подслушивал у дверей. И о чем же Олдройд говорил со своими гостями?

– Только о делах гильдии, сэр, и ни о чем другом.

Малеверер пробормотал что-то нечленораздельное и выпустил покрасневшее ухо юнца.

– Я говорил с герцогом Суффолком, – сообщил он. – И он приказал мне лично заняться расследованием. Похоже, Олдройд был изрядным мошенником. Необходимо вывести его на чистую воду.

– Что вы, сэр, – осмелился возразить подмастерье. – Хозяин никогда...

Оплеуха, которую с размаху влепил ему Малеверер, заставила мальчугана замолчать. Кольцо с камнем, украшавшее толстый палец чиновника, раскололо щеку Грина, и он рухнул на кровать, заливаясь кровью.

– Придется забрать этого визгливого поросенка в аббатство Святой Марии и там допросить его с пристрастием, – обратился ко мне сэр Уильям. – В доме были еще слуги?

– Да, кухарка. По словам мальчика, она ушла за покупками.

– Ее тоже необходимо допросить.

Сэр Уильям повернулся к ближайшему солдату:

– Возьми еще двоих и отведите этого шельмеца в аббатство. А остальные пусть обыщут дом.

Солдат схватил Пола Грина за руку. Тот, заливаясь слезами, выплюнул на руку окровавленный зуб. Солдат потащил мальчугана к дверям.

– А ты что, прирос к полу? – набросился на второго солдата сэр Уильям. – Спускайся вниз и прикажи своим бездельникам приниматься за обыск.

– А что мы должны искать, сэр Уильям?

– Узнаю, когда увижу это собственными глазами, – бросил Малеверер.

Когда солдат вышел из комнаты, сэр Уильям сверкнул глазами в мою сторону.

– Это дело более не имеет к вам никакого касательства, – заявил он. – В ваших интересах немедленно о нем забыть. Уяснили?

– Да, но...

– Это дело не имеет к вам никакого касательства, – повторил Малеверер. – Забудьте о том, что произошло нынешним утром. О том, что Олдройд говорил о короле и каком-то... – Малеверер понизил голос, – Блейбурне. Упаси вас бог упомянуть об этом хоть словом. Надеюсь, до сих пор вы никому об этом не выболтали?

– Нет, сэр Уильям.

– Тем лучше для нас. А теперь убирайтесь отсюда оба. Занимайтесь тем, ради чего вы сюда приехали и...

Шум, долетевший с улицы, заставил Малеверера замолчать и подойти к окну. Два солдата тащили несчастного Грина, которому от ужаса отказали ноги. Повиснув на руках солдат, парнишка умолял отпустить его. Двери всех ближайших домов распахнулись, оттуда показались жители, по большей части женщины. Недовольный ропот нарастал с каждой минутой.

– Что вы творите, каналы! – раздался чей-то возмущенный голос.

– Убирайтесь к себе на юг, грязные псы! – вторил ему другой.

Малеверер поджал губы.

– Богом клянусь, я отправлю весь этот сброд за решетку, – заявил он и вихрем вылетел из комнаты.

Вскоре я услышал, как он напустился на толпу.

– Ну-ка, пошли прочь! Иначе кнут прогуляется по вашим спинам.

– Думаю, нам лучше уносить отсюда ноги, – потянул меня за рукав Барак. – Давайте выйдем через заднюю дверь.

Я замешкался, глядя на кусок стены, столь занимавший Грина, однако счел за благо последовать совету Барака и вышел на лестницу. Двое солдат охраняли заднюю калитку. Я объяснил им, что мы были здесь по служебной надобности. Бдительные стражи не желали выпускать нас до тех пор, пока я не предъявил им свои бумаги. Наконец мы оказались в узком переулке и торопливо зашагали к ратуше. Происшествие в доме стекольщика вывело из равновесия нас обоих.

– После такой встряски было бы неплохо позавтракать, – нарушил молчание Барак. – А то у меня кишки скрутило от голода.

– Да, я тоже не прочь перекусить, – кивнул я, внезапно осознав, что тоже голоден.

Удивляться этому не приходилось: с утра у нас маковой росинки во рту не было. Войдя в первую же харчевню, которая попалась по пути, мы заказали хлеб и похлебку и усадились за свободный стол.

– Как вы думаете, почему вокруг смерти стекольщика вдруг поднялась такая суматоха? – шепотом, чтобы не слышали соседи, осведомился Барак.

– Не имею понятия.

– И с чего это герцог Суффолк заинтересовался простым ремесленником? Он ведь отвечает за организацию королевского путешествия.

– Верно. Герцог – один из первых людей в государстве, приближенный короля.

– И на что ему сдался бедняга Олдройд? Если бы стекольщика посмертно уличили в краже стекла, никому бы и в голову не пришло посылать к нему домой роту солдат. Все эти разговоры о его мошенничестве – сушная чепуха.

– Да уж, – кивнул я. – Увидев нас, Малеверер просто не дал себе труда придумать какое-нибудь убедительное объяснение. Полагаю, здесь не обошлось без политики, – добавил я, понизив голос.

– Вы считаете, стекольщик принимал участие в заговоре? – прошептал Барак. – Все может быть. Похоже, он был папистом. По крайней мере, стекло с изображениями святых ему явно было жаль.

Это предположение я оставил без ответа и заметил, нахмурившись:

– Одному богу известно, какая участь ожидает несчастного мальчика.

– Да, малец здорово влип, – кивнул Барак. – Думаю, они многое сумеют из него вытянуть. Подмастерья вечно подслушивают и подглядывают, а развязать им язык не составляет труда.

– Лорду Кромвелю, несомненно, были известны надежные способы развязывать языки.

– А как же иначе, – пожал плечами Барак. – Если этот парень не полный болван, он быстренько выложит им все, что ему известно.

– А ему кое-что известно, в этом можно не сомневаться, – задумчиво произнес я. – Он постоянно поглядывал на одно и то же место на стене. Наверняка там под драпировкой что-то спрятано.

– А я и не заметил, что малец куда-то там смотрел, – признался Барак.

– Я собирался рассказать об этом Малевереру, но он так орал, что у меня все вылетело из головы.

– Может, нам следует вернуться и рассказать ему?

– Вы же видели, как он хотел от нас избавиться, – покачал я головой. – Сейчас нам явно ни к чему докучать ему своим присутствием. Я поговорю с ним позднее.

– Так или иначе, мы избавились от этого дела. И признаюсь, я ничуть об этом не сожалею.

– Я тоже. Но... Откровенно говоря, мне было бы любопытно узнать, что за тайна здесь скрывается, – сказал я, немного замешкавшись. – Взгляд умирающего Олдройда я не забуду до конца своих дней. В нем было столько отчаяния. И эти слова о короле, королеве и некоем Блейбурне. Уверен, все это очень важно.

– Похоже на то.

– Я полагаю, Малеверер передал предсмертные слова стекольщика герцогу Суффолку. А тому они отнюдь не показались пустым бредом. Герцогу известны государственные секреты, в которые не посвящен Малеверер.

– А старина Малеверер сразу вас раскусил. Помните, он заявил, что вы обожаете тайны и загадки? – усмехнулся Барак. – Того и гляди, вы наплюете на все его запреты и проведете собственное расследование.

– В этом вы ошибаетесь. У меня достаточно своих дел, и я не намерен взваливать на себя чужие, – отрезал я, отодвигая пустую миску. – Нам пора, Барак. Сегодня мне предстоит встреча с еще одним любезным и обходительным джентльменом – господином Редвинтером. Надо быстрее с этим покончить и отправляться к Ренну.

* * *

Передвигаться по узким многолюдным улицам пешком оказалось куда проще и удобнее, чем на лошадях. В каких-нибудь полчаса мы пересекли город. Размерами Йорк значительно уступал Лондону, и понемногу мы начали ориентироваться в этом городе. Когда мы оказались около замка, вновь пошел дождь, точнее, в воздухе повисла густая мелкая морось, насквозь пропитавшая нашу одежду. Ноги скользили по грязи и опавшим листьям, покрывавшим внутренний двор. Взгляд мой невольно устремился вверх, на скелет Роберта Эска.

– Вы бы поостереглись так долго глазеть на этого бедолагу, – с ухмылкой заметил Барак. – Подобное зрелище вредит пищеварению.

– А Бродерик, напротив, советовал мне глядеть на него как можно чаще. По его мнению, это зрелище может послужить мне хорошим уроком, ибо Эск тоже был законником.

Я перевел взгляд на башню, пытаясь отыскать крошечное оконце камеры Бродерика.

– Что ж, я пойду, а вы подождите во дворе.

– Может, на этот раз все же возьмете меня с собой?

– В этом нет надобности, – улыбнулся я. – Понимаю, вас томит любопытство. На вашем месте я тоже не желал бы торчать во дворе. Впрочем, вы можете погреться в комнате карауль-

ных. А мне необходимо поговорить с Редвинтером с глазу на глаз. Если я приведу с собой помощника, он воспримет это как проявление слабости.

Барак понимающе кивнул. Вместе мы отправились в помещение караульных. Тот же самый солдат, что встретил нас вчера, разрешил Бараку посидеть у огня, а меня проводил в башню и отпер дверь.

– Вы подниметесь сами, сэр? – осведомился он.

– Да, разумеется.

Я вошел, дверь за мной закрылась, и солдат повернул ключ в замке. Я начал подниматься по каменным ступенькам. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь мерным капаньем воды. Как видно, Редвинтер и Бродерик являются единственными обитателями башни, догадался я. Все опасения, связанные с побегом заключенного, явно не имели под собой ни малейших оснований. От свободы Бродерика отделяло множество запертых дверей, неприступных стен и рвов. К тому же солдаты, служившие в замке, хорошо знали свое дело.

Оказавшись перед дверью в кабинет Редвинтера, я немного помедлил, дабы отдышаться. Мне вовсе не хотелось, чтобы он счел меня немоощным. Но, по всей видимости, слух у тюремщика был острым, как у кошки, ибо через несколько секунд железная дверь с лязгом распахнулась. На пороге стоял Редвинтер с мечом в руках, и суровое выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Увидев меня, он расхохотался.

– Так это вы, господин Шардлейк!

Я вспыхнул, ожидая, что он отпустит в мой адрес какое-нибудь язвительное замечание. Однако он счел за благо воздержаться от колкостей и сделал знак войти.

– Признаюсь, вы меня напугали, – сообщил Редвинтер. – Я услышал шаги на лестнице и решил, что это злоумышленник.

Он сунул меч в ножны.

– Вижу, сэр, вы изрядно промокли. Обсушитесь у огня.

Я с готовностью принял это предложение и подошел к очагу, горевшему посередине комнаты.

– В этом году на бедную Англию обрушился настоящий потоп, правда? – самым что ни на есть дружелюбным тоном заметил Редвинтер и пригладил волосы, которые ничуть в этом не нуждались. – Нам остается лишь надеяться, что к пятнице погода наладится. Впрочем, климат в Йорке на редкость переменчивый, так что ничего нельзя предсказать с уверенностью.

– Да, будем надеяться, что дождь не испортит торжества, – проронил я, про себя пытаясь понять, что послужило причиной столь резкой перемены в обращении.

– Вы не откажетесь от стакана вина? – спросил Редвинтер.

После недолгого колебания я ответил согласием. Он передал мне бокал.

– Сегодня у сэра Эдварда был лекарь, который смазал мазью все его ожоги. Для того, что гноится, он оставил примочки. Завтра он зайдет опять.

– Превосходно.

– Боюсь, вчера я вел себя не лучшим образом. Приношу свои извинения. Вы сами понимаете, целыми днями я сижу в этой башне один как перст. Заключенный и невежды-охранники составляют все мое общество. От постоянного одиночества поневоле впадешь в черную меланхолию.

На губах тюремщика играла любезная до приторности улыбка, однако в глазах по-прежнему сквозил холодок.

– Забудем о том, что было вчера, – мягко сказал я.

Мысленно я поздравил себя с победой: Редвинтер снизошел до того, что попросил у меня извинения, и, как я надеялся, более не собирался оспаривать мои полномочия. Тюремщик кивнул, приблизился к окну и сделал мне знак подойти. Сквозь усеянное брызгами дождя стекло

я увидел широкую реку, вдоль которой тянулись дома, городскую стену, а за ней – широкую плоскую равнину, кое-где поросшую лесом.

– Это Валмгейт, – пояснил Редвинтер, указывая на дорогу, ведущую в город. – Король прибудет именно этим путем.

– Трудно представить, как столь многолюдная процессия пересечет весь город. Ведь аббатство Святой Марии расположено на противоположном конце Йорка.

– Ничего, я полагаю, все устроится наилучшим образом, – пожал плечами Редвинтер. – Короли путешествуют с незапамятных времен, и ни один из них не обходился без пышной свиты. Хотя, конечно, история не припомнит столь длительного королевского вояжа. Погляньте, вон Фулфорд-Кросс, – добавил он, указывая на горизонт. – Он отмечает границы Йорка. Именно там отцы города намерены встретить его величество.

– Я буду среди встречающих.

– В самом деле? – спросил Редвинтер, резко поворачиваясь ко мне.

– Мне поручено разбирать прошения, поданные на имя короля. Именно поэтому я буду участвовать в торжественной церемонии встречи.

– Вы говорите так, словно речь идет о некоей тягостной обязанности.

– Признаюсь, я не могу думать о предстоящей церемонии без трепета, – после недолгого молчания заметил я.

– Знаете, а мне ведь уже доводилось видеть короля, – с гордостью сообщил Редвинтер.

– И когда же это произошло?

– Помните суд над Джоном Ламбертом, что состоялся года три назад?

Я слишком хорошо помнил этот суд. Король, верховный глава Церкви, обвинил в ереси Ламберта, одного из самых ярых реформаторов. То был первый признак грядущего замедления процесса реформ.

– Да, – коротко ответил я. – Ламберт был сожжен на костре.

– И вне сомнения, еретик получил по заслугам. Ламберт содержался в башне Лоллард и находился на моем попечении. Именно я сопровождал его в суд. Король в тот день был великолепен, – произнес он, и приятное воспоминание заставило его расплыться в улыбке. – Просто великолепен. С ног до головы одет в белое, ведь белый – цвет чистоты. Когда Ламберт дерзнул оскорбить слух его величества своими кощунственными толкованиями Священного Писания, король так прикрикнул на него, что тот в мгновение ока превратился в скулящую собаку. Потом я имел удовольствие присутствовать на казни Ламберта. Орал он на редкость громко, – с ухмылкой произнес Редвинтер и устремил на меня пронзительный взгляд.

Вне всякого сомнения, он догадался, что разговор этот чрезвычайно мне неприятен, и теперь испытывал мое терпение. Увы, мои надежды на то, что тюремщик прекратит свои проiski, не оправдались. Мне оставалось лишь хранить молчание.

– Уверен, здесь, в Йорке, король предстанет во всем блеске своего величия, – продолжал Редвинтер. – Он поступил чрезвычайно мудро, заставив местных дворян вновь принести ему клятву верности. Тем самым он дает им понять, что прощает их прежние прегрешения. Однако же, если клятва вновь будет нарушена, виновным не стоит уповать на королевское снисхождение. Иными словами, король ведет политику кнута и пряника, самую подходящую для здешнего сброда. Насколько я понял, вас привели в Йорк не только заботы о благополучии Бродерика, – неожиданно завершил он свою тираду.

– Да, прежде всего архиепископ предложил мне заняться разбором прошений, – кивнул я. – И лишь после того, как я ответил согласием, он дал мне второе поручение.

– Наш архиепископ хитер как лиса, – со смехом заметил Редвинтер. – Впрочем, он имеет обыкновение щедро платить за услуги.

– Я вполне доволен предложенным вознаграждением, – в некотором замешательстве ответил я.

– Полагаю, у вас достаточно средств, чтобы купить новую мантию. Тем более вам выпала честь предстать пред взором короля. Не знаю, известно ли вам, что ваша мантия разорвана.

– У меня есть другая, – успокоил я Редвинтера. – А эту я разорвал не далее как сегодня утром. В повозке стекольщика.

– Вот как? Странное происшествие.

– Более чем странное, – кивнул я и рассказал ему о том, как обнаружил труп стекольщика. Разумеется, при этом я умолчал о секретных подробностях этой темной истории. Губы тюремщика вновь тронула улыбка.

– Ну, тут, похоже, законникам делать нечего, – изрек он. – В смерти этого малого виноват только он сам. Полагаю, вы хотите увидеть сэра Эдварда? – спросил он после недолгого молчания.

– Да, будьте любезны, проводите меня к нему.

Мы вышли на лестницу, и Редвинтер, как и в прошлый раз, без всяких усилий взлетел по ступенькам. Я следовал за ним; в голове звучал недавний его рассказ о суде над Ламбертом и о сожжении осужденного. На память пришло, что архиепископ говорил о Редвинтере как о человеке глубокой и искренней веры. По всей видимости, это означало, что он неколебимо уверен в праве короля, верховного главы Церкви, оставлять за собой последнее слово в решении всех религиозных вопросов. Несомненно, человеку подобных убеждений сожжение еретика представляется отрядным фактом. Тем не менее насмешливый тон, которым он сообщил о последних минутах казненного, немало меня покорило.

«Что, если его религиозный пыл служит лишь прикрытием жестокости?» – спрашивал я себя.

Меж тем Редвинтер достал из кармана ключ и повернул его в дверях камеры.

Сэр Эдвард лежал на своем грязном тюфяке. Согласно моему приказу, гнилые циновки заменили на новые, и воздух в камере стал несколько свежее. Ворот рубашки узника был широко распахнут, и я заметил, что ожоги смазаны какой-то мазью. Сэр Эдвард так исхудал, что сквозь мертвенно-белую кожу проглядывали ребра. Взгляд, которым он меня встретил, отнюдь не отличался дружелюбием.

– Как вы себя чувствуете, сэр Эдвард? – осведомился я.

– Лекарь смазал мои ожоги какой-то гадостью, от которой они болят еще сильнее.

– Жжение – признак того, что снадобье оказывает должное действие, – произнес я и повернулся к тюремщику. – Мастер Редвинтер, заключенный сильно истощен. Надеюсь, он получает достаточно пищи?

– Ему приносят похлебку из кухни замка. Ту, что едят стражники. Хотя, конечно, нельзя сказать, что его кормят до отвала. Ослабевший узник доставляет меньше хлопот. Вы сами видели, вчера он набросился на меня, как тигр.

– Я вижу также, что он закован тяжелыми цепями. К тому же он нездоров. А когда человек болен, недостаток пищи для него особенно губителен.

– Может, прикажете кормить его запеченными дроздами? – спросил Редвинтер, и в глазах у него мелькнули злобные огоньки. – Или лучше подать ему блюдо пирожных?

– Это совершенно ни к чему, – отрезал я. – Будет вполне достаточно, если его будут кормить в точности так же, как стражников. Сделайте милость, проследите за этим.

Редвинтер в ответ лишь поджал губы.

– Вижу, сэр, вы на редкость сметливы, – с хриплым смехом заявил Бродерик. – Сразу сообразили, я слишком слаб, чтобы везти меня в Лондон. Быстро отдам Богу душу и тем самым лишу искусных палачей возможности показать свое мастерство.

– Будьте покойны, господин Бродерик, лондонские мастера не позволят вам умереть слишком быстро, – вкрадчиво заметил Редвинтер. – Прежде чем приступить к работе, они осмотрят вас самым тщательным образом. Они так поднатерели в своем ремесле, что без труда

определяют, как заставить человека говорить, не лишая его при этом жизни и сознания. А если их клиент слаб, язык у него развязывается быстрее.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

– Сами видите, господин Шардлейк, вы оказываете нашему подопечному скверную услугу, приказывая улучшить его стол. За каждый лишний кусок ему придется расплачиваться лишними страданиями.

– Тем не менее прикажите кормить его так, как кормят ваших солдат, – повторил я непрекаемым тоном.

– Я так голоден, что не откажусь от лишнего куска, – заявил Бродерик. – Несмотря на то, что мне придется платить за него лишними страданиями.

Узник метнул на меня взгляд, исполненный боли и презрения.

– Вас, наверное, удивляет, с каким отчаянием человек цепляется за жизнь, господин законник. Даже если конец неизбежен, мы боремся за каждый лишний день.

Он повернул голову, устремив глаза к зарешеченному окну.

– Пока Роберт был жив, я подходил к окну каждый день, хотя смотреть на него было для меня сущим мучением. Но я хотел, чтобы он видел перед собой истинного друга, исполненного сострадания. Всякий раз я надеялся, что несчастный умер, но он был жив, качался на своих цепях и слабо стонал. Он цеплялся за жизнь, хотя в этом не было ни малейшего смысла.

– Легкая смерть – удел тех, кто чист душой и невинен, – назидательно изрек Редвинтер. – Я выполню ваше распоряжение, господин Шардлейк, и прикажу, чтобы заключенного кормили лучше. У вас есть еще какие-нибудь пожелания?

Я взглянул на Бродерика, который, повернувшись на спину, сосредоточенно уставился в потолок. В камере повисло молчание, нарушаемое лишь мерным шелестом дождевых струй за окном.

– На сегодня – все, – покачал я головой. – Я зайду опять, возможно, даже завтра.

Редвинтер выпустил меня из камеры и вновь запер дверь. Я понимал, что своим распоряжением вызвал его недовольство, однако испепеляющий взгляд, которым он полоснул по моему лицу, явился для меня неожиданностью. Лицо тюремщика побагровело от ярости, губы судорожно кривились. Ненависть, полыхавшая в его глазах, без остатка растопила льдинки. Как ни странно, это обстоятельство почти обрадовало меня.

– Вы подрываете мою власть на глазах этого негодяя, сэр, – процедил он дрожащим от бешенства голосом. – Если вы решили его откормить, вы могли сказать мне об этом с глаза на глаз. Но вы сочли нужным опровергать мои приказы в его присутствии.

– Я прибыл сюда, дабы заботиться о здоровье заключенного, – произнес я, глядя прямо в глаза Редвинтеру. – И хочу, чтобы он это понял.

– Я уже говорил: вы не представляете, с каким опасным преступником имеете дело. Вскоре вам придется пожалеть о своей снисходительности.

– Архиепископ приказал мне заботиться о здоровье узника, и я намерен следовать его наставлениям, – раздельно произнес я. – Что до вас, сэр, то, боюсь, ваши суждения весьма предвзяты. И дело тут вовсе не в излишнем усердии, о котором говорил архиепископ. Я уже успел понять, что жестокость доставляет вам удовольствие.

Редвинтер вновь попытался испепелить меня взглядом, однако гнев придал мне решимости.

– Не думайте, что вам удастся безнаказанно потакать своим порочным пристрастиям, – заявил я. – По прибытии в Лондон я непременно сообщу архиепископу о том, какова подоплека вашего служебного рвения.

Совершенно неожиданно Редвинтер ответил на мое заявление издевательским смехом, который гулко разнесся под сводами башни.

– А вы что, думаете, архиепископ пребывает в заблуждении на мой счет? – спросил он, отсмеявшись. – Уверяю вас, сэр, нрав мой прекрасно ему известен. Но он понимает: именно такие люди, как я, необходимы Англии. Только они способны защитить ее от еретиков. Мы служим справедливому, но суровому Богу, – отчеканил он, приблизившись ко мне вплотную. – Помните об этом.

Глава восьмая

Выйдя из замка, мы с Бараком направились в соборный квартал. Мастер Ренн, без сомнения, давно уже ждал нас, так что мы старались шагать как можно быстрее.

– Может, мне сходить в аббатство и встретиться с Малеверером? – предложил Барак. – Сообщить ему о том, что в стене дома стекольщика, скорее всего, есть какой-то тайник, на который украдкой поглядывал мальчишка?

– Не стоит, – поколебавшись, решил я. – Ваша помощь понадобится мне при разборе прошений. Ведь к завтрашнему утру мы должны подготовить документ, излагающий их содержание. Как только освободимся, немедленно отправимся в аббатство и поговорим с Малеверером. Впрочем, думаю, что к этому времени они сумеют вытянуть из злополучного подмастерья все, что ему известно.

Оказавшись у ворот, я вновь предъявил свои бумаги караульному, и нас пропустили внутрь.

Когда мы вошли в соборный квартал, первый за весь день солнечный луч пробился сквозь густую завесу туч, заиграв в разноцветных окнах огромного собора.

– Любопытно, почему в соборе сохранились витражные окна? – спросил Барак. – Ведь во всех монастырях такие окна уничтожены. А изображения святых и апостолов сочтены идолопоклонничеством.

– Среди реформаторов было немало таких, кто настаивал на повсеместной замене витражных стекол на простые, – пояснил я. – Но король ограничился монастырями. До поры до времени.

– Не вижу смысла в подобном ограничении.

– Это всего лишь определенный компромисс со сторонниками традиций. К тому же вам пора уяснить, что политика и здравый смысл зачастую несовместимы друг с другом.

– С этим я вполне согласен, – усмехнулся Барак.

Дряхлая экономка мастера Ренна, открывшая нам двери дома, выглядела столь же неприветливо, как и во время первого нашего визита. Старый законник сидел в гостиной, погруженный в чтение. В очаге весело горел огонь. Оглядев комнату, я заметил явные следы попыток привести ее в порядок. Книги были аккуратно сложены, желтые и зеленые плитки, покрывавшие пол, сверкали чистотой. Сокол по-прежнему восседал на жердочке; колокольчик, привязанный к его лапе, тихонько звякнул, когда он повернулся и уставился на нас своим глазом-бусинкой. На столе, поверх великолепной скатерти, вытканной белыми розами, высились три огромные кипы бумаг. Завидев нас, мастер Ренн поднялся и отложил книгу.

– Приветствую вас, брат Шардлейк. Хорошо, что вы привели с собой молодого Барака.

– Простите, что мы так поздно, – виновато улыбнулся я. – Вы получили мою записку?

– Да. Насколько я понял, вас задержало какое-то неотложное дело?

Мне вновь пришлось рассказать историю о стекольщике, упавшем с лестницы, умолчав о событиях, которые последовали за ней. Ренн, выслушав меня, задумчиво сдвинул брови.

– Так Питер Олдройд погиб, – произнес он. – Я хорошо его знал. В течение года он возглавлял гильдию стекольщиков и не раз обращался ко мне за содействием в разрешении вопросов, связанных с законом. То был человек, достойный всяческого уважения. Он обладал спокойным и уравновешенным нравом, хотя и испытал немало несчастий. Во время чумного поветрия тридцать восьмого года он потерял всю свою семью.

Ренн помолчал несколько мгновений и заметил, указав глазами на лежавшую на столе книгу:

– Когда вы вошли, я как раз читал историю Ричарда Третьего, написанную сэром Томасом Мором. Этот автор обладал на редкость беспощадным умом.

– Да, он отнюдь не отличался благодушием, которое ему стали приписывать после его кончины. Теперь некоторые люди, вспоминая о нем, окружают его ореолом святости.

– Но по части выразительности слога он не знал себе равных. Вот что он пишет по поводу Войны Алой и Белой розы: «Войны, как и сценические представления, относились к числу излюбленных забав королей. Впрочем, всем подмосткам на свете они предпочитают эшафоты».

– С этим трудно не согласиться. Хотя драмы, которые короли разыгрывают на кровавых полях битвы, отличаются большей грандиозностью.

– Вам тоже не занимать красноречия, – улыбнулся Ренн. – Но садитесь, прошу вас. Прежде чем мы приступим к работе, вы с молодым Бараком должны выпить по стаканчику вина. Вид у вас обоих утомленный.

– Да, нынешнее утро принесло нам немало хлопот.

Усевшись за стол, я скользнул взглядом по груде книг, возвышавшейся поблизости.

– Вы, я вижу, обладаете богатым книжным собранием, сэр. Вне всякого сомнения, здесь множество редких экземпляров.

– Да, я храню у себя много старых книг из монастырских библиотек. Трудов по теологии среди них нет – если бы я попытался ими завладеть, это навлекло бы на меня ненужные подозрения со стороны Совета северных графств. Но некоторые редкие сочинения по истории и философии мне удалось спасти от уничтожения. Книги эти ценны не только своим содержанием, но и своей красотой. А я, знаете ли, равнодушен к красивым старинным вещам. Собираю их всю свою жизнь.

– Достойное увлечение, сэр. Разумеется, монастыри следовало уничтожить, и все же нельзя не пожалеть, что в огне погибло столько редких книг и произведений искусства. Я своими глазами видел, как конюхи обтирали лошадей бесценными страницами, с великим тщанием созданными монахами-переписчиками столетия назад.

– Рад убедиться, брат, что мы придерживаемся сходных воззрений, – кивнул Ренн. – В последние три года в Йорке было уничтожено несколько монастырских библиотек. Монастырь Святого Клемента, Святой Троицы и самый большой – Святой Марии – все они были распущены. Сокровища знания, которые там хранились, постигла печальная участь. Мне удалось спасти лишь малую их часть. Однако наверху у меня есть неплохая библиотека, – добавил он с улыбкой. – Этой весной в Йорк приезжал антиквар Джон Лиланд. Мое собрание произвело на него сильное впечатление. Полагаю, оно даже возбудило в нем некоторую зависть.

– Надеюсь, со временем я тоже буду иметь удовольствие ознакомиться с вашей библиотекой.

– Разумеется, – улыбнулся Ренн и склонил свою львиную голову. – Но, к сожалению, сегодня нас ожидают куда менее интересные сочинения. Вот они, прошения, поданные на имя короля, – кивнул он на заваленный бумагами стол. – Кстати, брат Шардлейк, к какой корпорации вы принадлежите?

– К Линкольнс-Инн. Дом мой расположен прямо на Канцлер-лейн, что весьма удобно.

– А я изучал закон в Грейс-Инн. Но это было давно, очень давно. Можете себе представить, я приехал в Лондон в тысяча четыреста восемьдесят шестом году. Отец нынешнего короля еще не вззошел тогда на престол.

«Пятьдесят пять лет назад ему было около семнадцати лет, значит, сейчас семьдесят два», – быстро подсчитал я в уме.

– Но, окончив обучение, вы вернулись в Йорк, дабы заняться практикой?

– Да, на юге я так и не смог прижиться, – кивнул Ренн. – В Грейс-Инн практикует мой племянник, сын сестры моей покойной жены, – сообщил он после недолгого молчания. – Он, в отличие от меня, решил остаться в Лондоне. Возможно, вы о нем слышали. Зовут его Мартин Дейкин. Он примерно ваших лет, может, немного старше. Слегка за сорок.

– Нет, я никогда о нем не слышал. Но в этом нет ничего удивительного. В Лондоне пропасть стряпчих.

– В семье нашей вспыхнула ссора, после которой я, увы, потерял с племянником всякую связь, – в некотором замешательстве произнес Ренн. – А мне бы хотелось увидеться с ним перед смертью, – изрек он с тяжелым вздохом. – Кроме него, у меня на всем белом свете не осталось ни единого родственника. Что касается родителей племянника, они умерли от чумы три года назад.

– Это чумное поветрие оказалось чрезвычайно опустошительным.

– Последние пять лет несчастья сыплются на Йорк одно за другим, – сокрушенно покачивая головой, заявил Ренн. – В тысяча пятьсот тридцать шестом году в городе вспыхнуло восстание, в тысяча пятьсот тридцать восьмом на нас свалилась чума. В тысяча пятьсот тридцать девятом и в прошлом году поветрие возвращалось вновь. Слава богу, в этом году чума обошла нас стороной. Иначе король не удостоил бы Йорк своим посещением, – добавил он с косой улыбкой. – Все лето королевские посланники следили за городскими больницами, дабы удостовериться, что ни один горожанин не заболел чумой. Правда, и в этом году не обошлось без новой беды. В Йорке вновь обнаружили заговор. Скверные настали времена.

– Что ж, не будем терять надежды на лучшее будущее, – заявил я бодрым тоном. – Если вы хотите отправить письмо племяннику, сэр, я непременно разыщу его в Лондоне.

– Благодарю вас, – кивнул Ренн. – Я подумаю насчет письма. У меня ведь был сын, – печально произнес он. – Я надеялся, что он пойдет по моим стопам. Но бедный мальчик умер всего пяти лет от роду.

Ренн устремил затуманенный взгляд в огонь, затем вновь повернулся к нам и виновато улыбнулся.

– Простите мне подобные разговоры. Нам, старикам, свойственно нагонять на молодых тоску. Видите ли, я – последний в роду, и порой это обстоятельство повергает меня в печаль.

Сердце мое болезненно сжалось, ибо слова старика задели меня за живое. Я тоже был последним в роду.

– Мы заметили, сэр, что в городе соблюдаются чрезвычайно строгие меры безопасности, – произнес Барак, явно желавший сменить тему разговора. – На наших глазах в город не пропустили двух шотландцев, которые привезли овес на продажу.

– Да, меры принимаются самые суровые. Из города выгнали всех бродяг. Завтра в соборном квартале не останется ни одного нищего. Откровенно говоря, мне их даже жаль. Но вероятно, все это необходимо. Не знаю, известно ли вам, джентльмены, что король не пользуется здесь большой любовью, – произнес Ренн после некоторого колебания. – И не только среди дворянства, которому ныне пришлось напустить на себя смиренный вид. Простые люди тоже не испытывают к королю верноподданнических чувств.

На память пришли едкие слова Кранмера о северных папистах.

– Полагаю, причиной подобной неприязни служат перемены в церковной жизни, повлекшие за собой восстание? – осведомился я.

– Вы совершенно правы, – кивнул Ренн, крутивший в руках пустой бокал. – Я прекрасно помню, как вспыхнуло восстание. Посланцы короля закрывали мелкие монастыри и оценивали церковную собственность. Внезапно простолюдины во всем Йоркшире воспротивились этому. Мятеж распространялся со скоростью лесного пожара.

Старый законник махнул крупной рукой, на которой сверкал великолепный изумруд.

– Своим предводителем повстанцы избрали Роберта Эска, и через неделю он явился в Йорк во главе войска, в котором насчитывалось более пяти тысяч человек. Городские власти пришли в ужас. Толпа неотесанных крестьян, охваченных возмущением, в считанные дни превратилась в настоящую армию. Властям ничего более не оставалось, как повиноваться Эску. В соборе в честь его победы отслужили торжественную мессу. Я видел, как повстанцы шли

в собор, – сказал Ренн, указав в сторону окна. – Тысячи повстанцев, вооруженных мечами и копьями.

– Да, они были уверены: у них достаточно сил, дабы заставить короля повернуть реформы вспять, – заметил я.

– Для законника Роберт Эск был слишком наивен и доверчив. Но если бы король не прибегнул к обману, заставив Эска распустить свою армию, уверен, повстанцы завоевали бы всю страну.

Ренн устремил на меня внимательный серьезный взгляд.

– Противоречия между севером и югом Англии возникли уже давно. Корни их уходят в минувшее столетие, во времена Войны Алой и Белой розы. Тогда северяне остались верны королю Ричарду Третьему. Тюдоры никогда не пользовались их расположением. И причины, вызвавшие восстание, связаны отнюдь не только с религией. Еще до начала реформ жители долин направили королю петицию, исполненную жалоб на высокую арендную плату и налоги. И когда монастыри и церкви подверглись гонениям, это стало всего лишь последней каплей, переполнившей чашу, – завершил Ренн, широко разведя руками.

– Но почему северяне поддерживали короля Ричарда? – запальчиво спросил Барак. – Ведь всем известно: он не имел никаких прав на трон и захватил его, убив законных наследников.

– Однако многие считают, что трон захватил не Ричард, а отец нынешнего короля, – спокойно возразил Ренн. – И именно на нем лежит вина за убийство.

На минуту он погрузился в молчание, а потом заговорил вновь:

– Я был еще ребенком, когда король Ричард после коронации проезжал по улицам Йорка во главе пышной процессии. Видели бы вы, как ликовали горожане! Они вывешивали из окон свои лучшие ковры, осыпали цветами короля и его свиту. Нынче все не так. Городской совет приказал жителям Йорка посыпать улицы напротив своих домов песком и золой, дабы королевским лошадям было легче ступать. Однако люди не спешат выполнять это распоряжение.

– Но противоречия, некогда породившие Войну Алой и Белой розы, ныне остались в прошлом, – заметил я. – Тюдоры сохраняют за собой престол уже почти шестьдесят лет.

– Значит, по-вашему, им не стоит опасаться соперников? – склонив голову, спросил Ренн. – Почему же тогда в Тауэре были казнены старая графиня Солсбери и ее сын? Мы узнали об этом весной, после того как был раскрыт новый заговор.

На память мне пришли леденящие кровь рассказы о смерти старой графини. Этим летом по Лондону ходило множество слухов, связанных с этим событием. Графиня была заключена в тюрьму без всякого обвинения; когда дело дошло до казни, ее доверили неопытному юнцу, которому пришлось нанести несколько ударов, дабы отделить голову старой женщины от туловища. Что касается королевского палача, то он тогда находился в Йорке, где отсекал головы и конечности заговорщикам.

– Графиня Солсбери была последней представительницей враждебной королю династии, – тихо произнес Ренн. – Король не стал бы ее убивать, если бы имя Плантагенетов по-прежнему не навело на него ужас.

– Но так или иначе, последний заговор был связан с церковными реформами, – сказал я, откидываясь на спинку стула.

– И все же не только религиозные, но и политические пристрастия северян сыграли здесь свою роль, – возразил старый законник. – Король знал об этом и потому казнил графиню и ее сына.

Ренн помолчал, задумчиво сдвинув брови.

– Скажите, правда, что он заключил в Тауэр малолетних детей герцога? – неожиданно спросил он.

– Об этом никто не знает.

– Что ж, подземельям Тауэра уже доводилось принимать детей королевской крови, – вздохнул Ренн.

Я счел за благо оставить это замечание без ответа. В памяти всплыли слова Кранмера: «На этот раз мятежники объявили короля тираном и вознамерились сбросить его с престола».

– Теперь я понимаю, что самые строгие меры предосторожности действительно необходимы, – произнес я вслух. – И все же, согласитесь, именно Тюдоры принесли в Англию мир и спокойствие. Это невозможно отрицать.

– Да я и не собираюсь это отрицать, – заявил Ренн со вздохом. – И я отдаю должное мудрости короля, решившего напомнить жителям северных графств, кто является их властелином. Я хотел лишь, чтобы вы уяснили, что скрывается за внешней покорностью северян.

Я внимательно посмотрел на старого законника, пытаюсь понять, каковы его собственные политические пристрастия.

«Должно быть, таковых просто нет», – пришло мне в голову.

Подобно многим старым людям, пережившим множество жизненных бурь, Ренн вступил в период, когда человек уже ничего не принимает близко к сердцу. Я решил, что настало время переменить тему разговора.

– Судя по всему, в пятницу нам с вами предстоит присутствовать на торжественной церемонии встречи короля, – сообщил я. – Вчера сэр Уильям Малевьерер подтвердил это. Мы собственноручно подадим королю прошения.

– Да, я это знаю. Завтра нам предстоит доставить прошения в контору лорд-камергера. В девять часов утра он укажет, какие места нам следует занять во время церемонии. Впрочем, он хочет увидаться с нами на полчаса раньше, дабы своими глазами прочесть краткое изложение, которое мы подготовим. Так что я с утра пораньше отправлюсь в аббатство Святой Марии, где мы с вами и встретимся.

– Надеюсь, нам объяснят, как следует вести себя во время церемонии.

– Не сомневаюсь, объяснений будет вполне достаточно. У совета сейчас одно желание: чтобы встреча короля прошла без сучка без задоринки.

Ренн улыбнулся и покачал головой:

– Господи боже, на склоне лет увидеть короля! Вот уж не думал, что доживу до этого.

– Что до меня, я вовсе не могу сказать, что горю желанием предстать перед монархом.

– Да король едва ли нас заметит, – усмехнулся Ренн. – Мы подадим ему прошения и тут же отойдем. Но все же увидим его вблизи. А также весь великолепный кортеж, который, говорят, растянется на целую милю. Для того чтобы накормить королевских лошадей, потребуется столько сена, что его привозят в Йорк из самых дальних окрестностей.

– Люди, ответственные за организацию королевского путешествия, продумали все вплоть до мелочей, – сказал я. – Слуги уже прибыли в Йорк, дабы позаботиться об удобствах высоких особ. Мы имели случай познакомиться с юной девицей, которая покупала имбирь и корицу, необходимые для любимого печенья королевы.

И я рассказал Ренну о нашей встрече с Тамазин Ридбурн. Старик с усмешкой взглянул на Барака.

– Насколько я понял, эта девица хороша собой?

– Очень хороша.

И тут меня словно что-то кольнуло. Я вспомнил, что, по словам девушки, она отпустила слугу в лавку, дабы тот купил себе материю на новый камзол. Однако слуга появился с пустыми руками. Впрочем, я сразу же отбросил эту мысль как не стоящую внимания.

– Что ж, пора приступать к работе, – изрек Ренн. – Краткость и внятность – вот основное, что требуется от нас при изложении. Сегодня нам надо покончить с этим делом во что бы то ни стало.

– Разумеется, – кивнул я. – Нам вовсе ни к чему возбуждать недовольство в конторе лорд-камергера. Да и сэра Уильяма Малевевера лучше не сердить.

– Хотя Малевевер и происходит из старинного йоркширского рода, он в полной мере заслуживает звание невежи, – нахмурившись, заметил Ренн. – Все, кто был назначен в Совет северных графств после «Благодатного паломничества», не отличаются высокими моральными устоями. По большей части это местные дворяне, которые не принимали участия в мятеже и ныне гордятся своей верностью королю и церковным реформам. Но на самом деле у них нет никаких религиозных убеждений. Власть и высокое положение – вот единственная религия, которой они служат. Поэтому все они так грубы и надменны. Но скажите мне, сэр, как вам понравились новые здания, возведенные в аббатстве?

– Это нечто потрясающее. Несколько сотен работников сейчас заканчивают возведение грандиозных павильонов, а художники украшают их всеми возможными способами. Кстати, когда был упразднен монастырь?

– Два года назад. Аббат Торнтон написал Кромвелю письмо с просьбой сохранить монастырь, а если это невозможно, предоставить ему земли и пенсию. Он получил и то и другое, – сообщил Ренн с косой ухмылкой.

– Да, настоятели больших монастырей, как правило, имели порочную склонность к стяжательству.

– Ныне аббатство Святой Марии является собственностью короля, и даже бывший дом аббата носит название королевского особняка. – Ренн задумчиво потер лоб. – Возможно, во время королевского визита будет объявлено, что королева ожидает дитя.

– Вне сомнения, король будет очень рад второму наследнику. Пока у него только один сын.

– Да, королям необходимо много наследников, – с улыбкой изрек Ренн. – Родословная помазанников Божьих уходит в глубину веков. Именно они определяют дух королевства, они стоят на верхней ступени лестницы сословий, которая объединяет жителей государства, предоставляя каждому определенное место.

– А мы,стряпчие, застряли где-то посередине этой лестницы, постоянно мечтаем подняться вверх и боимся сорваться вниз, – усмехнулся я.

– Вы правы, – рассмеялся Ренн и сделал рукой широкий жест. – Каждому охота подняться выше, но зачастую все усилия оказываются тщетными. В этом нет большой беды, главное, чтобы ступени государственной лестницы оставались прочными и следовали друг за другом в раз и навсегда заведенном порядке. Иначе нас ждет великий хаос. Но хотя я и противник смещения сословий, я частенько обедаю за одним столом со старушкой Меджи и позволяю ей погреть старые кости в гостинной у очага, – добавил он с видом заговорщика.

* * *

Остаток дня мы посвятили чтению прошений, оторвавшись от этого занятия лишь однажды, чтобы подкрепить свои силы безвкусной похлебкой, которую подавала Меджи. Некоторые прошения были написаны красивым и четким почерком и запечатаны восковыми печатями, другие – нацарапаны неумелыми каракулями на жалких обрывках бумаги. Мы с Ренном поочередно диктовали Бараку краткое содержание каждой прочитанной петиции. Выяснилось, что старый законник на редкость сметлив и решителен; быстрота, с которой он отделял зерна от плевел, вызвала у меня восхищение. В большинстве своем прошения содержали жалобы на произвол всякого рода мелких чиновников. Работа, что называется, кипела, свечи ярко горели на столе, разгоняя сумрак. Тишину нарушало лишь позвякивание колокольчика, привязанного к лапе сокола, да изредка доносившийся в комнату бой часов на башне собора.

После нескольких часов сосредоточенного труда Ренн протянул мне листок, исписанный старательными каракулями.

– Прочтите, это любопытно.

Прошение было от фермера, проживающего в приходе Таунтон, в окрестностях города. Земли его прежде служили пастбищами, но ныне он использует их для того, чтобы выращивать овощи, которые отвозит в город на продажу. Распахивая бывшие пастбища, работники его нашли множество человеческих костей. Когда он сообщил о находке церковным властям, они приказали ему похоронить кости на ближайшем церковном кладбище. Однако путь от его фермы до этого кладбища неблизкий. Фермер просил оплатить ему расходы на дорогу в оба конца, а также возместить убытки, которые он понесет, отрывая время от работы.

– Таунтон, – задумчиво произнес я. – Там когда-то состоялось большое сражение.

– Да, в тысяча четыреста шестьдесят первом году. То была величайшая битва за всю Войну Алой и Белой розы. Тридцать тысяч убитых остались лежать на залитом кровью поле. А этот фермер хочет получить деньги за то, что предаст земле их кости. Как, по-вашему, нам следует отнестись к его просьбе?

– Вне всякого сомнения, этот вопрос находится вне нашего ведения. Дело это церковное, и разрешить его может только настоятель собора.

– Трудно ожидать, что церковь примет решение, противоречащее ее собственным интересам, и выплатит деньги этому парню, – вмешался Барак. – По крайней мере, нам следует внести в наш документ содержание этого прошения.

Ренн покачал головой и отложил бумагу в сторону.

– Не думаю, что нам стоит это делать. Брат Шардлейк совершенно прав. Прощения, поданные на имя короля, не должны затрагивать вопросы канонического права. Церковные власти весьма болезненно воспринимают любое посягательство на подведомственные им области. И королю совершенно ни к чему лишний раз возбуждать их недовольство. Да еще по столь незначительному поводу. Пусть настоятель собора решает, заслуживает ли просьба фермера удовлетворения.

– Согласен, – кивнул я.

– Нам следует быть чрезвычайно осмотрительными и держать в уме политические соображения, – с невеселой улыбкой заметил Ренн. – А также помнить, что закон имеет свои пределы. Он не может дать ответы на все вопросы, господин Барак.

* * *

К пяти часам с разбором прошений было покончено. За окном уже начали сгущаться сумерки, и, судя по долетавшему в комнату мерному стуку, на улице вновь пошел дождь. Ренн быстро пробежал глазами составленный нами документ.

– Что ж, по-моему, все изложено четко и ясно, – заявил он.

– Превосходно. Теперь, когда дело сделано, нам пора идти. В аббатстве нас ожидают другие дела.

– Позвольте, я одолжу вам плащ, – предложил Ренн, выглянув в окно. – Дождь льет как из ведра, и вы промокнете до нитки. Подождите минуту.

Он поспешно вышел, оставив нас в холле.

– Нравится мне этот старикан, – изрек Барак. – Сразу видно – добрая душа.

– Да, – кивнул я, протягивая руки к огню. – Насколько я понял, он очень одинок. На всем белом свете у него не осталось близких. Кроме старой служанки да этой птицы.

Я кивнул на сокола, заснувшего на своей жердочке.

Тут вернулся Ренн с плащом в руках. Плащ, весьма добротный и почти новый, оказался мне слишком велик, край его едва не волочился по полу. Я пообещал возвратить его хозяину

на следующее утро, и мы вышли на улицу. Шагая в аббатство под проливным дождем, мы думали о том, удалось ли людям Малеверера развязать язык юному Грину и выведать у него про тайник в стене.

Глава девятая

Мы прошли по темным узким улицам, которые в этот час оказались совершенно пустынными. Воздух был наполнен осенними запахами дыма и опавших листьев.

– Так, значит, вы увидите короля? – спросил Барак, удивленно покачивая головой.

– А что, когда вы служили у Кромвеля, вам ни разу не довелось увидеть короля?

– Ни разу, – со смехом заявил Барак. – Я, видите ли, предпочитал держаться подальше от парадных покоев.

– А вам бы хотелось посмотреть на короля?

– Да, – задумчиво протянул он. – Было бы о чем рассказать детям.

Я с удивлением взглянул на своего помощника. Никогда прежде он не упоминал о том, что намерен обзавестись семейством. Мне всегда казалось, что Барак более всего ценит свою независимость и предпочитает жить одним днем.

– Надеюсь, нам удастся отыскать племянника господина Ренна, – заметил я. – Когда мы вернемся в Лондон, вам придется навести о нем справки во всех юридических корпорациях.

– Может, нам вовсе не стоит искать этого племянника. А то еще выяснится, что он знать не желает своего престарелого дядюшку.

В голосе Барака послышалась горечь, и я вспомнил о том, что он порвал с собственной матерью после того, как она, овдовев, вторично вышла замуж.

– Не исключено, что вы правы. И все же мы попробуем. Встреча с племянником будет для старика большим утешением. Вы же слышали: его единственный сын умер в раннем детстве.

– Да, – кивнул Барак. – Старина Ренн не прочь поболтать, – заметил он после недолгого молчания. – В особенности о прежних королях и войнах.

– Знаете, когда я его слушал, на память пришел недавний разговор с Гаем. Я ведь встретился с ним перед самым отъездом.

– И как поживает старый мавр?

– Неплохо. Так вот, мы говорили о королевском путешествии, и он рассказал мне историю о последнем короле Гранады. Вам ведь известно, сам он родом из этой страны. Во времена его детства Гранада была мавританским королевством, независимым от Испании. И ее последний правитель, король Боадбил Низкорослый...

– Ничего не скажешь, подходящее имечко для короля!

– Прошу вас, не перебивайте! Так вот, Гай видел, как короля, который был тогда совсем маленьким мальчиком, пронесли по улицам на носилках. Толпа восторженно приветствовала его и осыпала цветами – в точности так, как, по рассказам брата Ренна, жители Йорка приветствовали Ричарда Третьего. А потом Боадбил потерял свое королевство. Гранаду захватила Испания, а король был вынужден бежать на земли мавров.

– И что же с ним стало?

– Никто не знает этого в точности. По слухам, в Африке он пал на поле сражения. Мораль этой истории такова – удел человека, пусть даже земного властителя, покрыт мраком. В этом мире ничто не вечно – ни власть, ни слава.

Когда мы свернули на улицу, носящую название Питергейт, до нас донеслись пронзительные вопли. Овернувшись, мы увидели четырех оборванных нищих, которые со всех ног бежали по мостовой. По пятам за ними мчались три человека в чиновничьих мантиях, с толстыми березовыми прутами в руках. Воздев руки над головой, нищие пытались защититься от града ударов, которыми осыпали их преследователи. Странная процессия пронеслась мимо нас и свернула к реке, разделявшей город на две части.

– Как видно, эти люди выгоняют нищих прочь из города, – заметил я.

Барак проводил глазами нищих, которых преследователи загнали на большой каменный мост.

– Как же эти бедолаги будут жить за пределами города? – не без сочувствия спросил он. – Посреди лесов и полей не у кого просить милостыню.

В молчании мы дошли до навесной башни над воротами Бутхэм. Отрубленные головы, выставленные на шестах, исчезли, а вместе с ними исчез и тошнотворный запах гниющей плоти.

– Ни нищих, ни падали, – изрек Барак. – Город и в самом деле прихорашивается к приезду короля.

«Любопытно, не снимут ли с башни скелет Эска?» – пронеслось у меня в голове.

Впрочем, король вряд ли удостоит своим посещением столь унылое и неприглядное место, как тюремный замок.

* * *

Несмотря на дождь и сгущавшуюся темноту, в аббатстве по-прежнему кипела работа. Со всех сторон доносился визг пил и стук молотков, работники заканчивали сооружение гигантских шатров, вбивая последние колышки и натягивая веревки. Мне припомнились столь же великолепные шатры, которые я видел на картинах, изображавших поле золотой парчи.

Внутренний двор, истоптанный множеством ног и копыт, представлял собой настоящее месиво. Я впервые наблюдал, как люди работают посреди такого моря грязи. В этих условиях дренаж явно представлял весьма серьезную проблему. Я заметил, как несколько рабочих, покрытых грязью с ног до головы, роют вокруг одного из павильонов канаву, которая, расширяясь, соединялась с длинным рвом. Как видно, дело не слишком ладилось, потому что рабочие беспрестанно чертыхались; голоса их сливались с голосами чиновников, которые, стоя на крыльце особняка, обсуждали какой-то план, нарисованный на листе пергамента. Протолкавшись к дверям, мы сказали часовому, что нам необходимо увидеть сэра Уильяма Малевевера.

– Его здесь нет, сэр, – ответил часовой. – Он выехал навстречу королевскому кортежу. Скорее всего, в Леконфилд.

– Это далеко отсюда?

– Тридцать миль. Сэр Уильям получил срочный вызов. Но завтра утром он вернется в Йорк.

– А королевский коронер здесь? – осведомился я после минутного колебания. – Господин Арчболд.

– Нет, он уехал вместе с сэром Уильямом.

– Сегодня утром люди сэра Уильяма привели в аббатство мальчика, служившего подмастерьем у стекольщика, – не унимался я. – Сэр Уильям намеревался подвергнуть его допросу. Возможно, вместе с мальчиком в аббатство доставили женщину-служанку. Вы не знаете, что с ними случилось?

– А вам они на что сдались? – подозрительно уставился на меня часовой.

– Мы присутствовали при аресте подмастерья. Я кое-что заметил и хочу сообщить об этом сэру Уильяму.

– Мальчишка сидит под замком. Сэр Уильям строго-настрого приказал не выпускать его до своего возвращения. А служанку отпустили домой. Сэр Уильям успел ее допросить и уже хотел приняться за мальчика, когда ему пришла срочная депеша.

– Могу я отправить сэру Уильяму письмо?

– В такую скверную погоду самому проворному гонцу понадобится несколько часов, чтобы добраться до Леконфилда и отыскать там сэра Уильяма. Думаю, лучше вам будет подождать до утра. Наверняка сэр Уильям не станет задерживаться.

– Что ж, полагаю, вы правы, – не стал спорить я. – Мы подождем до завтра. Прошу вас, как только увидите сэра Уильяма, передайте ему, что мастер Шардлейк хочет срочно его увидеть и сообщить нечто важное, связанное с подмастерьем стекольщика. Завтра утром я буду здесь.

После разговора с часовым нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в свои каморки. Мы двинулись вдоль церковной стены: несмотря на дождь, у меня не было ни малейшего желания воспользоваться более коротким путем и пройти через церковь. Я обратил внимание, что повозка стекольщика исчезла.

– Зря вы меня не послушались, – заявил Барак. – Я же хотел без проволочек вернуться в аббатство и передать Малеверу записку.

– Спасибо, что любезно напомнили мне о моей оплошности, – сухо проронил я. – Возможно, я навлек на свою голову серьезные неприятности. Хотел бы я знать, зачем Малеверу понадобилось бросать все и ехать навстречу королевской свите? Господи боже, неужели дело оказалось настолько серьезным, что он решил срочно сообщить о нем Тайному совету?

– А одним из членов Тайного совета является наш старый приятель Ричард Рич.

– Ох, один звук этого имени нагоняет на меня тоску, – вздохнул я. – Господи, и зачем только я ввязался в это дело!

В припадке бессильной ярости я пнул обрезок доски, попавшийся мне под ноги. В следующее мгновение щеки мои залил румянец смущения, ибо из темноты возникла дородная фигура господина Крейка, закутанного в плащ с капюшоном. Он осторожно переступал по скользким доскам. Приблизившись к нам, он просиял улыбкой, сделав вид, что не заметил моей нелепой выходки.

– Скверная погода, джентльмены, – произнес он.

– Да, хуже некуда, – откликнулся я. – Вижу, повозку стекольщика успели убрать.

– Сэр Уильям приказал ее обыскать, – кивнул Крейк. – Одному богу известно, что взбрело ему в голову. Я слышал, сегодня утром кто-то запер вас в ризнице, – сказал он, и в глазах его вспыхнули любопытные огоньки. – Надеюсь, вы просидели там не слишком долго?

– Глупейший случай, – пожал я плечами. – Мы уже успели об этом забыть.

– Рад слышать, – улыбнулся Крейк. – Гибель стекольщика наделала в аббатстве немало переполоха. Сэр Уильям уже вызывал меня к себе. Приказал рассказать все, что мне известно об этом событии. Боюсь, дело здесь нечисто, джентльмены, – многозначительно изрек он.

– Вполне может быть, – кивнул я. – Скажите, господин Крейк, а вы хорошо знали покойного Олдройда?

– Можно сказать, я совсем его не знал, – торопливо ответил он, метнув на меня внимательный взгляд. – На прошлой неделе, прежде чем приступить к работе, стекольщик спросил у меня, где ему оставлять на ночь лошадь и повозку. Я разрешил ему оставлять повозку у церкви, а лошадь приказал забирать домой. Вы же сами видите, какая здесь теснота. После, проходя мимо церкви, я всякий раз обменивался с ним парой слов. Олдройд казался приветливым и добродушным малым, и мне было любопытно поговорить с жителем Йорка. Ведь сам я в городе почти не бываю, – добавил он, как мне показалось, с излишней поспешностью.

– Я тоже перемолвился со стекольщиком парой слов, – сообщил я, пристально глядя на Крейка. – И мне показалось, он сожалеет о старых временах.

– Возможно, – пожал плечами Крейк. – Мы с ним никогда не обсуждали перемен, произошедших в последнее время. Мы же сами видите, дел у меня по горло, поэтому мне не до пространных бесед. Да и сейчас я не могу задерживаться, – добавил он, стряхивая капли воды с капюшона. – Сэр Харбиндер только что прибыл в аббатство, дабы удостовериться, все ли готово к приезду короля. Он желает срочно меня увидеть.

– Не смею вас задерживать, – сказал я. – Вне всякого сомнения, у нас еще будет случай поговорить. И пропустить по кружке эля.

– Да-да, разумеется, – торопливо закивал Крейк.

Для того чтобы обойти нас, он сошел с помоста на сырую траву и быстро зашагал прочь.
– Этот малый не слишком хотел с нами беседовать, – заметил Барак.

Я проводил глазами приземистую фигуру Крейка, едва различимую за завесой из дождевых струй.

– Да, он явно предпочитает не касаться некоторых вопросов. Полагаю, изменения в церковной жизни ему не по нраву. Вероятно, именно на этой почве они и сошлись с Олдройдом. По крайней мере, мне хочется надеяться, что причина его подозрительной спешки именно в этом.

– Вряд ли Крейк имеет отношение к смерти Олдройда, – заявил Барак, когда мы продолжили путь. – Ведь сегодня утром, когда мы слышали скрип церковной двери, он был рядом с нами.

– Вы правы. Но так или иначе, сегодня он поднялся очень рано. Мы с ним столкнулись вскоре после того, как во двор прискакала взбесившаяся лошадь. Вполне вероятно, к смерти стекольщика причастны несколько человек. Не забывайте, Барак, аббатство хорошо охраняется и постороннему почти невозможно сюда проникнуть. Так что убийцу стекольщика следует искать среди обитателей аббатства.

– Да здесь сейчас живет несколько сотен человек, – усмехнулся Барак.

– И это изрядно затрудняет поиски.

Выйдя во второй двор, мы направились к бывшему монастырскому лазарету; коровы и овцы понуро сгрудились в своих загонах, птицы жались к стенам, пытаясь найти защиту от дождя.

В холле мы увидели нескольких клерков, которые оживленно разговаривали, собравшись у весело поблескивавшего огня. Большой кожаный курдюк с вином переходил из рук в руки. Молодой законник, с которым мы познакомились нынешним утром, мастер Кимбер, стоял чуть в стороне, грея у очага руки.

– Добрый вечер, джентльмены, – приветствовал он нас. – Вижу, вы попали под дождь?

– Да, дождь настиг нас, когда мы были в городе. А как у вас дела? Удалось закончить работу?

– Удалось, к нашей общей радости. Весь день я и другие клерки трудились не поднимая головы, проверяли счета за купленные припасы. Мастер Барроу у нас отличился, – усмехнулся он, указывая на какого-то юнца. – Представьте себе, он внес в счет пятьдесят свиней, тогда как следовало поставить пятьсот. Казначей так рассердился, что грозит отправить его назад в Лондон. Вам, случайно, не нужен клерк, поднаторевший в подсчетах?

Мастер Барроу бросил на товарища сердитый взгляд.

– Нет, благодарю вас, – улыбнулся я.

– Кстати, совсем недавно кое-то о вас спрашивал, – сообщил Кимбер. – Эй, Том Коуфолд, где ты там? – кликнул он, обернувшись.

Какой-то круглолицый человек, молодой, но уже начинающий лысеть, высунулся из ближайшей комнатухи.

– Мастер Шардлейк пришел, – со значением сообщил Кимбер.

– Добрый вечер, мастер Шардлейк, – произнес клерк, приближаясь к нам. – Я хотел поговорить с вами о завтрашней репетиции. Ведь вы принимаете участие в торжественной церемонии и...

– Пройдем в мою комнату, – предложил я, заметив, что разговор наш вызывает явный интерес у собравшихся в холле.

Я провел клерка в свою каморку, Барак следовал за нами.

– Так вот, сэр, – произнес мастер Коуфолд, устремив на меня взгляд, исполненный сознания собственной значительности. – Завтра в девять часов утра вы должны быть в конторе моего патрона сэра Джеймса Филти. Там и состоится репетиция. Мастер Ренн тоже будет там, он

принесет прошения. Мой патрон укажет вам, как именно вести себя во время торжественной церемонии.

– А кто из нас будет подавать королю прошения?

– Мастер Ренн.

Услышав это, я с трудом удержал вздох облегчения.

– Да, и прошу вас, сэр, завтра оденьтесь так, как вы будете одеты на церемонии, – сказал клерк, бросив взгляд на мой слишком длинный плащ, промокший и заляпанный грязью.

– Да, конечно, я оденусь наилучшим образом.

– Тогда до завтра, джентльмены, – произнес клерк и с поклоном удалился.

– Первым делом нам надо переодеться и поужинать, – заявил я, повернувшись к Бараку. – Мистрис Ридбурн назначила вам встречу в шесть, это совсем скоро.

– Пойду-ка я спрошу у этих парней, где здесь можно поесть, – сказал Барак и вышел в холл.

Минуту спустя до меня донесся жизнерадостный голос Коуфолда, представляющего компании нового товарища:

– Джентльмены, это клерк горбуна.

Несмотря на то что я давно уже привык к подобным выпадам, сердце мое сжалось от досады. Невежа мог хотя бы понизить голос.

– Заткнись, болван, – немедленно обрезал его Барак.

В холле повисло молчание, но затем разговор возобновился вновь, хотя голоса зазвучали глуше. Я надел сухие штаны и камзол и, вновь накинув плащ Ренна, вышел из комнаты. Несомненно, длинный не по росту плащ придавал мне нелепый вид, но иного выбора у меня не было. Клерки куда-то исчезли, Барак стоял у очага в одиночестве. Он бросил на меня смущенный взгляд, вне всякого сомнения догадываясь о том, что оскорбление достигло моих ушей и отнюдь не улучшило мне настроение.

– Узнали, где здесь кормят? – кратко осведомился я.

– Клерки сказали, в бывшей монастырской трапезной. Едят все вместе, за исключением, конечно, высоких чинов из королевского особняка.

– Так идемте скорее.

* * *

Выйдя на улицу, мы увидели, как обитатели аббатства во множестве стекаются к невысокому зданию, расположенному рядом с церковью. Двери его были широко распахнуты. Мы вошли внутрь вслед за компанией плотников, к одежде которых прилипли мокрые стружки.

Едва оказавшись в холле, мы увидели Тамазин, в том самом нарядном желтом платье, что было на ней накануне, и в голубом французском капоре, чрезвычайно ей шедшем. К небольшому моему удивлению, рядом с девушкой стояла Дженнет Марлин; на лице ее застыло унылое выражение, с которым она, по всей видимости, никогда не расставалась. Тамазин сделала нам реверанс, а мистрис Марлин ограничилась холодным кивком. На двух листах бумаги, что протянула нам Тамазин, значились наши имена и стояли печати управляющего двором.

«Стряпчий, прибывший для разбора прошений», – прочел я на своем.

– Благодарю вас, мистрис Ридбурн, – с обворожительной улыбкой произнес Барак. – Вы спасли нас от голодной смерти.

– Да, мы очень вам признательны, – добавил я.

Вольности в обращении, которые позволяла себе эта молодая особа, были мне отнюдь не по нраву, но она и в самом деле оказала нам важную услугу. Поэтому я заставил себя держаться как можно любезнее.

– Мы очень голодны, – произнес я, – и, полагаю, вы тоже. Вне всякого сомнения, у слуг королевы есть своя собственная столовая.

– Нет, сэр, – покачала головой Тамазин. – Мы едим в общем зале.

– Вместе с простолюдинами, – бросила своим резким голосом мистрис Марлин. – Слава богу, завтра, когда столовая королевы будет наконец устроена, мы сможем принимать пищу спокойно. А сегодня я вынуждена сопровождать Тамазин, – добавила она, вперив в Барака колючий взгляд. – Юная девушка не может находиться одна в подобном месте.

У меня не было ни малейшего желания продолжать беседу, поэтому я счел за благо молча поклониться и пропустить дам вперед. Мы поднялись по широкой лестнице, карнизы которой были покрыты богатой резьбой, изображающей ангелов. По лестнице во множестве носились слуги, которые несли блюда и кувшины с вином.

Наконец мы оказались в бывшей монастырской трапезной. В просторной комнате рядами стояли простые грубые столы; проходы меж ними были столь узкими, что слуги, сновавшие туда-сюда, едва не застревали.

«Тут можно разместить около двух сотен человек», – прикинул я в уме.

Большинство столов было занято усталыми плотниками и другими работниками. Я заметил, что клерки сидят все вместе в некотором отдалении от простолюдинов. За соседним столиком восседало несколько дам. Одна из них, пристально взглянув на мистрис Марлин, что-то прошептала своим соседкам. Те захихикали, а бледные щеки Дженнет Марлин вспыхнули румянцем. Я невольно посочувствовал ей.

К нам приблизился человек в черной мантии распорядителя. Мы показали ему наши ярлыки, и он провел нас к свободному столу. Я был рад, что нам не пришлось ужинать вместе с клерками. Скатерть и салфетки были отнюдь не первой свежести, и мистрис Марлин брезгливо сморщила нос. Подоспевший слуга поставил на стол кувшин с элем и умчался прочь. Я разлил эль по кружкам.

– По крайней мере, посуда на этом столе оловянная, – изрекла мистрис Марлин.

Оглядевшись по сторонам, я заметил, что работники пьют из деревянных кружек.

– Что ж, приятно сознавать свои преимущества, – произнес я.

Еще один слуга поставил на стол большую миску с похлебкой, причем сделал это так неловко, что изрядно забрызгал скатерть. Мистрис Марлин испустила горестный вздох, но Тамазин расхохоталась и передала миску своей хозяйке.

– Нам надо набраться терпения, мистрис, – сказала она, и я с удивлением заметил, что унылое лицо Дженнет Марлин на мгновение осветила признательная нежная улыбка.

– Как вам удалось поступить на службу к королеве? – обратился Барак к Тамазин, когда с похлебкой было покончено.

– Моя мать проработала на королевской кухне много лет, – сообщила девушка. – Вот уже два года, как я сменила ее. Я помогаю кондитеру королевы и так хорошо разбираюсь в любимых сладостях ее величества, что меня даже взяли в путешествие, – заявила она, сияя от гордости. – Меня послали в Йорк, чтобы я помогла леди Рочфорд и мистрис Марлин приготовить покои для королевы и позаботилась о любимых лакомствах ее величества. О, знали бы вы, как королева обожает сладкое печенье: марципановое, миндальное и имбирное!

– А вы, сударыня, давно уже служите леди Рочфорд? – обратился я к мистрис Марлин.

– Нет, сэр, – проронила она, смерив меня высокомерным взглядом. – Прежде, когда королевой была Анна Клевская, я служила леди Эджкомб. К леди Рочфорд я перешла нынешним летом.

– Вы родом из северных графств?

– Да, семья моя жила в Рипоне. Но меня отослали ко двору, едва мне исполнилось шестнадцать.

– И вы проделали вместе с королевским кортежем весь путь из Лондона?

– Да, – изрекла она с тяжким вздохом. – Надо сказать, в дороге нам пришлось претерпеть немало тягот. Июль выдался таким холодным и дождливым, что дороги превратились в жидкую грязь. Некоторые дворцовые чиновники предлагали вернуться в Лондон. Но король и слышать об этом не желал.

– Бесспорно, это путешествие имеет большое политическое значение, – кивнул я.

– Разумеется. А после того как погода наладилась, король, бог знает по каким причинам, сильно задержался в Хатфилде и Понтефракте. Нас отослали в Йорк, а король свернул в Халл. Мы провели в этом городе почти целую неделю.

– А как долго король намерен оставаться в Йорке?

– Говорят, три дня. Но, как правило, пребывание короля в том или ином городе оказывается более длительным, чем предполагалось.

– Что ж, король волен в своих планах, – заметил я и спросил после недолгого молчания: – Вам известно что-нибудь о торжественной церемонии, к которой ведется столь грандиозная подготовка?

– Ровным счетом ничего, – пожала плечами мистрис Марлин. – Слухов ходит множество, но трудно понять, насколько они соответствуют истине. Вы барристер, сэр? – резко сменила она тему разговора.

– Да, сударыня. Я практикую в корпорации Линкольнс-Инн.

– Мой жених тоже барристер. В Грейс-Инн.

«Как и племянник Ренна», – мысленно отметил я.

– Вне сомнения, вам известно, что жених мой сейчас находится в Тауэре, – медленно проговорила Дженнет Марлин. – Его подозревают в причастности к заговору. Наверняка кто-то уже взял на себя труд сообщить вам об этом.

– Да, до меня дошли кое-какие слухи, – смущенно пробормотал я.

– Его имя Бернард Лок. Возможно, вы с ним встречались в Лондоне.

Когда мистрис Марлин произносила имя жениха, губы ее, обычно плотно сжатые, немного смягчились, и я с удивлением отметил, что они отличаются приятной полнотой и свежестью.

– Увы, я не имел чести встречаться с вашим женихом, сударыня, – ответил я.

Сегодня меня уже во второй раз спрашивали, не знаком ли я с неким барристером из Грейс-Инн.

– Бернард тоже родом из Рипона, так что мы знали друг друга с детства. – Во взгляде Дженнет Марлин, доселе столь бесстрастным, неожиданно вспыхнули огоньки. – Его арест – это какое-то страшное недоразумение. Я уверена, вскоре он выйдет на свободу. В последнее время невинные нередко оказываются за решеткой. Сеть раскинута так широко, что в нее попадают не только заговорщики, но и преданные слуги короля. Но справедливость непременно восторжествует.

– Будем на это надеяться, сударыня, – кивнул я, про себя удивляясь свободе и откровенности, с которой она говорит о столь рискованных вопросах.

Разделить ее уверенность в благополучном возвращении жениха я никак не мог. Возможно, этот человек и в самом деле не имел никакого отношения к заговору, но нередко легчайшей тени подозрения было достаточно, чтобы невинный томился в Тауэре годами.

– Надежда никогда не умрет в моей душе, – с пылом заявила мистрис Марлин.

– Ваше доверие к жениху делает вам честь, сударыня.

– Я слишком многим ему обязана, – сказала она, бросив на меня взгляд, вновь ставший холодным и надменным.

Тут к нашему столу подошел слуга с блюдом, на котором лежал громадный пирог с бараниной. Барак разрезал пирог. Когда Дженнет Марлин потянулась за своей порцией, я заметил, что рука ее слегка дрожит. Несмотря на высокомерие этой леди, я не мог не питать к ней сочув-

ствия. Вне всякого сомнения, сердце ее обливалось кровью, и к тревоге за любимого человека примешивалась боль от постоянных насмешек, которыми осыпали ее прочие знатные дамы. Женщины, как известно, порой изрядно превосходят мужчин в жестокости.

– Я слышал, что в начале путешествия королева захворала, – перевел я разговор на другую тему. – Надеюсь, сейчас она чувствует себя лучше.

– У королевы была всего лишь небольшая простуда, – растянув губы в тонкой унылой улыбке, произнесла мистрис Марлин. – Но она, подобно всем молодым женщинам, использовала свое нездоровье в качестве повода для капризов.

– Рад слышать, что болезнь не опасна.

– Тем не менее леди Рочфорд пришлось нянчиться с королевой, как с малым ребенком, называть ее бедной деточкой и закармливать лакомствами.

В голосе мистрис Марлин звучало нескрываемое отвращение. Я вспомнил, как пренебрежительно обращалась с моей собеседницей леди Рочфорд. Несомненно, мистрис Марлин относится к числу озлобленных женщин, решил я про себя; но, надо признать, у нее были веские причины для этого. Она кого-то сильно мне напоминала, но я никак не мог вспомнить, кого именно.

– Ходят слухи о том, что королева беременна, – произнес я.

– Мне об этом ничего не известно, – бросила она, сопроводив свои слова презрительным взглядом. – Вы излишне доверяете сплетням, сэр.

– Простите, если мой вопрос показался вам бестактным, – пробормотал я.

Мистрис Марлин нагнулась над тарелкой, всем своим видом давая понять, что более не имеет желания продолжать разговор.

Голоса вокруг нас, напротив, становились все более громкими и оживленными: выпитое вино развязывало языки. Барак, опуская некоторые подробности, рассказывал Тамазин историю о том, как судьба уготовила ему место моего помощника.

– До прошлого года я работал на лорда Кромвеля, – с гордостью сообщил он. – Мастер Шардлейк также пользовался его расположением и выполнял всякого рода важные поручения. А после падения лорда Кромвеля мастер Шардлейк предложил мне поступить к нему клерком.

– Так вы работали на лорда Кромвеля? – протянула девушка, удивленно округлив глаза. – Неужели вы его знали?

– А как же иначе, – пожал плечами Барак, и на лицо его набежала мгновенная тень.

– Расскажите, как это вас угораздило оказаться в запертой ризнице, – с улыбкой попросила Тамазин. – Уверена, виной тому была отнюдь не ваша оплошность.

– Да уж, – усмехнулся Барак. – Скажу без ложной скромности: мне не приходится сетовать на недостаток сообразительности.

– О, я не сомневаюсь в том, что вы человек выдающихся способностей, – со смехом заявила девица.

– А к числу ваших дарований, несомненно, относится проницательность, – не остался в долгу Барак.

Они уже хохотали оба. Мистрис Марлин метнула на Тамазин недовольный взгляд. Я никак не мог вспомнить, кого именно напоминает мне эта особа. Этот вопрос так занимал меня, что я почти не прислушивался к болтовне отчаянно флиртовавших Тамазин и Барака. Наконец мистрис Марлин поднялась из-за стола.

– Тамазин, нам пора. Леди Рочфорд уже поужинала и, возможно, пожелает дать мне какое-нибудь поручение. А вам не следует возвращаться одной.

– Надеюсь, вы позволите проводить вас до королевского особняка, сударыня, – галантно предложил я.

– Благодарю вас, но в этом нет необходимости, – поспешно ответила мистрис Марлин. – Идемте же, Тамазин.

Мы с Бараком поднялись и поклонились дамам на прощание. По пути к дверям Тамазин успела бросить на моего помощника пару многообещающих взглядов. Мы вновь уселись за стол.

– Похоже, вы отлично поладили с этой девицей, – усмехнулся я.

– Да, мне без труда удастся ладить с красивыми девушками, – самодовольно изрек Барак. – А малютка Тамазин может очень скрасить мой досуг. Она рассказала мне, что послезавтра в городе будут репетировать музыкальное представление, которое готовят к приезду короля. Я предложил ей пойти туда вместе, и она согласилась. Надо же хоть как-то развлекаться в этой дыре, – добавил он.

– Да, но если у нас возникнут новые дела, вам будет не до развлечений, – заметил я, пристально глядя на Барака. – Не забывайте, мы прибыли сюда вовсе не для того, чтобы флиртовать с развязными девицами!

Я намеревался пошутить, но неожиданно для меня самого слова мои прозвучали резко. Барак обиженно пожал плечами.

– Возможно, она не отличается излишней скромностью, – буркнул он, – но уж если все мы оказались в столь необычных обстоятельствах, почему не извлечь из этого капельку удовольствия? Не знаю, с чего это вы взъелись на бедняжку Тамазин.

– Просто я уверен, что эта девица отнюдь не так простодушна, как хочет казаться, – процедил я.

Я уже собирался рассказать Бараку, что вчерашний случай с ограблением Тамазин представляется мне подозрительным, однако счел за благо придержать язык.

– Мистрис Марлин – довольно странная особа, – заметил Барак. – Как вы думаете, сколько ей лет?

– Около тридцати, как и вам.

– Она была бы недурна, если бы умела улыбаться. А то вид у нее такой, словно она только что глотнула уксусу.

– У нее нет повода веселиться. Вы же слышали: ее жених заключен в Тауэр. Она рассказала мне, что они знакомы с детства.

– Если сейчас ей тридцать, помолвка изрядно затянулась.

– Вы правы.

– Если хотите, завтра я могу спросить мистрис Тамазин, почему ее хозяйка так долго не сочетается браком со своим нареченным, – с улыбкой предложил Барак.

– Признаюсь, эта женщина возбуждает мое любопытство. Я чувствую, она невзлюбила меня с первого взгляда, и никак не могу взять в толк почему.

– Думаю, вы далеко не единственный, к кому эта прокисшая леди питает неприязнь. Сразу видно: она ненавидит весь мир.

– Возможно, так оно и есть. Но давайте оставим представительниц прекрасного пола в покое, Барак. Мне весь день хотелось кое о чем с вами поговорить. Сегодня утром, когда мы оказались в ловушке, вы заявили, что прежде ни за что не совершили бы столь глупой ошибки. Я замечаю, что последние месяцы вы томитесь от скуки. Скажите, я прав?

– Сам не знаю, что со мной происходит, – в некотором замешательстве пробормотал Барак. – Но я чувствую, что тупею на глазах. Раньше я был отважным и ловким парнем, а сейчас я... ни рыба ни мясо.

Я понимающе кивнул.

– Когда я начал служить у вас, все было для меня в новинку, – покраснев, продолжал Барак. – На первых порах мне было интересно. А потом я понял, что...

Он смолк, окончательно смешавшись.

– Говорите, прошу вас.

– Наверное, мне не место среди законников, – пробормотал Барак. – Нрав у меня слишком грубый и откровенный. Все эти любезности мне поперек горла. Знали бы вы, сколько раз я любезно раскланивался с вашими собратями-крючкотворами, а в душе мне отчаянно хотелось послать их всех к черту.

– Все это мальчишество, Барак. Вам пора взрослеть.

– Я давно уже повзрослел, – упрямо покачал головой Барак. – Но вы знаете, какую жизнь я вел прежде. Простую грубую жизнь среди простых грубых людей. Именно у них я добывал сведения, необходимые лорду Кромвелю. И мой патрон всегда был мною доволен. Но его не стало, а мне пришлось сделаться клерком. Никакому ремеслу я не обучен и, если расстанусь с вами, превращусь в уличного бродягу. То есть кончу тем, с чего начинал, – вздохнул Барак и сокрушенно потер лоб.

– Да, я понимаю, такому человеку, как вы, стезя законника подчас представляется унылой и однообразной. Но, Джек, вы должны думать о будущем. Должность в Линкольнс-Инн всегда даст вам средства к существованию. А если вы снова пуститесь во все тяжкие, вам, скорее всего, придется умереть под забором.

– Откровенно вам скажу, я буквально разрываюсь надвое, – произнес Барак, глядя мне прямо в глаза. – С одной стороны, я понимаю, что поступлю разумно, если останусь с вами и попытаюсь остепениться. С другой стороны, мне отчаянно хочется приключений. Вроде того, что мы пережили сегодня утром.

– Понимаю, – со вздохом изрек я. – Если вы оставите меня, Джек, я буду очень об этом сожалеть. До последнего времени вы были весьма толковым помощником, и, признаюсь, я изрядно к вам привязался. Но речь идет о вашей жизни, и только вы можете принять решение.

– В последние недели я был не слишком усердным клерком, правда? – с грустной улыбкой спросил Барак.

– Не слишком.

– Я ничего не мог с собой поделать, – прикусил губу Барак. – Когда мы вернемся в Лондон, я непременно решу, как жить дальше.

– Если у вас возникнет желание поговорить со мной, я всегда к вашим услугам.

– Спасибо.

– Да, и вот еще что, – произнес я, набрав в грудь побольше воздуха. – Я подумал, что завтра нам стоит встать пораньше и до репетиции заглянуть в дом стекольщика. Боюсь, Малевверер будет в ярости, если узнает, что мы не изыскали возможности сообщить ему о тайнике. Давайте проверим, удалось ли его людям что-нибудь найти в комнате. Если они сами обнаружили тайник, нам не о чем волноваться.

– А если нет?

– Тогда мы попытаемся найти тайник сами, – без особого пыла сказал я.

Глаза Барака, напротив, радостно вспыхнули.

Глава десятая

К тому времени как мы вышли из трапезной, дождь прекратился. Уже совсем стемнело, однако работа во дворе монастыря кипела по-прежнему. Рядом с павильонами выросли три огромных шатра, и работники вносили туда мебель, изящные стулья, покрытые богатой резьбой шкафы и огромные корзины, в которых, судя по всему, хранилась золотая посуда. Корзины сопровождали солдаты, доставившие всю эту роскошь из Лондона.

Вернувшись в свое временное пристанище, мы увидели, что клерки, поставив у очага стол, развлекаются игрой в карты. Среди них я заметил Кимбера и пару молодых людей в мантиях стряпчих.

«Непривычные условия, в которых оказались многие люди благодаря королевскому путешествию, творят чудеса», – пронеслось у меня в голове.

Некоторым пришлось забыть о сословной спеси и держаться на равных с теми, кого при других обстоятельствах они не удостоили бы своим обществом. Завидев нас, Кимбер предложил присоединиться к игре. Я отказался, сославшись на усталость. Горечь обиды, которую я испытал, услышав слово «горбун», до сих пор не улеглась. Бараку я сказал, что он волен поступать по собственному усмотрению. Он выразил желание принять участие в игре, и я вновь ощутил легкий укол обиды.

Вернувшись в свою каморку, я принялся чинить разорванную мантию. Покончив с этим делом, весьма затруднительным для человека, обладающего столь малым портняжным навыком, я растянулся на кровати.

Час был слишком ранний для того, чтобы спать, и я коротал время, прислушиваясь к радостным крикам счастливых игроков и горестным возгласам тех, от кого удача отвернулась.

Но постепенно мысли мои вернулись к тревожным событиям сегодняшнего дня. Я размышлял о том, какие причины вынудили Малеверера столь поспешно выехать навстречу королевскому кортежу. Досадно все-таки, что мы так и не сумели сообщить ему о тайнике, который, возможно, имеется в доме стекольщика. Поразмыслив над собственным внезапным решением отправиться в дом погибшего с утра пораньше, я счел его весьма разумным.

Если мы выясним, что люди Малеверера обнаружили тайник, нам более не о чем беспокоиться. Если обыск прошел впустую и тайник обнаружим мы с Баракком, это заставит надменного вельможу относиться к моей скромной персоне с большим уважением.

Я не мог не признаться самому себе, что Малеверер внушает мне трепет. Вне всякого сомнения, он был так же резок и беспощаден, как покойный Кромвель, но, насколько я мог судить, не отличался ни глубиной, ни проницательностью последнего. К тому же у меня сложилось впечатление, что этот человек начисто лишен каких-либо моральных принципов. Поступками его двигали лишь непомерные амбиции и желание утвердить собственную власть. А я прекрасно понимал, что жестокий и амбициозный чиновник представляет немалую опасность для всех, кто имеет несчастье находиться рядом с ним.

Мысли о Бродерике тоже бередили душу. С каким холодным презрением он заявил, что все мои заботы направлены на то, чтобы живым и здоровым доставить его в руки лондонских палачей. Слова эти не давали мне покоя, ибо я признавал их справедливость. Но при этом никак не следовало забывать, что Бродерик был одним из участников заговора, который, увенчавшись он только успехом, вверг бы всю страну в кровавую пучину. Любопытно, какую тайну скрывает этот изможденный юноша? Тайна эта представляет опасность даже для могущественного Кранмера. Впрочем, неведение служит залогом моей собственной безопасности.

Наконец самые заядлые игроки разошлись по своим комнатам. Я слышал, как Барак вернулся к себе. Судя по звяканью монет, которые он пересчитывал, у него выдался удачный вечер. Вспомнив о том, что уже поздно, я разделся и улегся в постель, однако тревожные мысли не

оставляли меня. На память пришла Дженнет Марлин, унылая женщина, рассерженная на весь мир.

«Кого же все-таки она мне напоминает?» – вновь и вновь спрашивал я себя.

Догадка, вспыхнувшая в сознании, была так неожиданна, что у меня перехватило дыхание.

Телесный мой изъян отравлял мне жизнь с самых ранних лет. Мальчишки с окрестных ферм никогда не принимали меня в игры; казалось, они опасались, что я заражу их своим недугом. К тому же, согласно предрассудку, весьма живучему среди простолюдинов, горбуны приносят несчастье.

Лишь одно-единственное юное существо не чуралось моего общества, соглашаясь разделять со мной свои забавы. То была девочка по имени Сюзанна, моя ровесница, дочь фермера, чьи земли располагались по соседству с нашими. Отец ее, грубый жизнерадостный здоровяк, рано овдовел. Помимо девочки, жена оставила ему выводок из пятерых крепких горластых мальчишек. Отец Сюзанны плохо представлял, что делать со своей единственной дочерью, и девочка бродила как неприкаянная. Однажды утром она появилась во дворе, где я пускал кораблики в большой луже. Девочка внимательно наблюдала за мной; я украдкой бросал на нее взгляды, не решаясь заговорить.

– Что ты делаешь? – наконец спросила Сюзанна.

– Играю в кораблики.

Пересилив застенчивость, я отважился поднять глаза на свою маленькую собеседницу. Девочка явно выросла из своего платья, грязного и поношенного; волосы, которых давно не касался гребень, торчали в разные стороны, как солома. Она более походила на маленькую бродяжку, чем на дочь преуспевающего фермера.

– Можно мне поиграть с тобой? – спросила девочка и слегка нахмурилась, словно заранее готовясь к отказу.

Но я истомился от одиночества и решил, что, на худой конец, в качестве товарища сойдет и девчонка.

– Можно, – буркнул я не слишком приветливо.

– Тебя как зовут?

– Мэтью.

– А меня Сюзанна. Сколько тебе лет?

– Восемь.

– И мне столько же.

Сюзанна опустила на колени рядом со мной и сказала, указав на одно из утлых бумажных суденышек:

– Кораблик-то кособокий. Ты неправильно его сложил.

В течение нескольких последующих лет Сюзанна оставалась моей единственной подругой. Впрочем, иногда я не видел ее месяцами; как видно, отец запрещал ей водиться с горбуном. Но рано или поздно девочка непременно появлялась вновь и, никак не объясняя длительного своего отсутствия, присоединялась к моим одиноким играм. Как правило, она заставляла меня предаваться девчоночьим забавам: строить в старом сарае домики для ее потрепанных грязных кукол, купать их и готовить для них угощение. Сюзанна любила командовать, но все же с ней мне было куда веселее, чем в одиночестве, и, когда она исчезала, я очень скучал. К тому же я вскоре осознал, что маленькая моя подруга еще более одинока и несчастна, чем я сам, ибо лишена даже отцовской любви, и проникся к ней сочувствием.

Дружба наша, если только наши отношения можно было назвать дружбой, внезапно оборвалась, когда нам исполнилось по тринадцать. Сюзанна уже несколько месяцев не заглядывала ко мне; я видел ее лишь в церкви, да и то издалека, так как семья ее занимала скамью на противоположном конце.

Воскресным летним днем, возвращаясь домой после службы, я заметил впереди, в переулке, нескольких мальчиков и девочек. На девочках были длинные, почти взрослые платья и чепцы с лентами, на мальчиках – выходные камзолы и шапки. Я заметил, что девочки потихоньку отталкивают друг друга, стараясь занять место рядом с Гилбертом Болдуином, красивым и ладным парнем лет четырнадцати, который был заводилой во всех мальчишеских играх. Вслед за этой нарядной веселой толпой в одиночестве плелась Сюзанна; в руках у нее был длинный ореховый прут, которым она колотила по траве. Я нагнал ее.

– Привет, Сюзанна, – сказал я.

Она повернула ко мне лицо, которое было бы очень миловидным, если бы нежные девические черты не искажало выражение злобы и обиды. Платье Сюзанны, по обыкновению, было мятым и грязным, волосы висели длинными спутанными прядями.

– Убирайся прочь! – прошипела она.

– Но почему, Сюзанна? – опешив, спросил я. – Чем я провинился?

– Это все из-за тебя! – выпалила Сюзанна, и лицо ее вспыхнуло от гнева.

– О чем ты? – пробормотал я в полной растерянности.

– Они все знаться со мной не хотят! Говорят, мое платье скверно пахнет! Говорят, я замарашка и манеры у меня как у сапожника! Это все из-за того, что я играла с тобой, а не с девочками. И потому не научилась правильно вести себя и одеваться. Гилли Болдуин говорит, чтобы я не таскалась за ними, а лучше шла кокетничать со своим приятелем-горбуном.

Голос Сюзанны оборвался; слезы, которые она так долго сдерживала, потекли по пунцовым от гнева щекам.

Окинув взглядом улицу, я заметил, что обидчики Сюзанны остановились и внимательно наблюдают за происходящей меж нами сценой. Мальчики выглядели смущенными, а девочки, напротив, хихикали от удовольствия.

– Посмотрите, как ловко Сьюзи строит глазки своему кавалеру! – крикнула одна из них.

– Нет! – завопила Сюзанна, поворачиваясь к насмешникам. – Он мне никто! Я не хочу с ним дружить! Я больше никогда не буду с ним разговаривать!

Взрыв дружного смеха послужил ей ответом. Сюзанна разрыдалась, повернулась и бросилась через поле, рассекая своим прутом колосья молодой пшеницы.

Я проводил ее взглядом и побрел домой. Теперь, когда подростки, дразнившие Сюзанну, скрылись, я мог беспрепятственно продолжить свой путь. На собственном горьком опыте я давно уже понял, что единственный способ избежать насмешек – хранить молчание и как можно реже попадаться сверстникам на глаза. Понимал я также, что причина, сделавшая Сюзанну мишенью издевательств, кроется вовсе не во мне, а в том пренебрежении, которым она была окружена в собственной семье. И все же, хотя сама она только что обошлась со мной так грубо, мне было ее невыносимо жаль.

Впоследствии, случайно сталкиваясь с одинокой, неприкаянной Сюзанной, которая неизменно бросала на меня злобный взгляд, я всегда ощущал приступ острой жалости. Несмотря на все доводы рассудка, я чувствовал себя виноватым перед ней. Через несколько лет я уехал в Лондон и никогда более не встречал Сюзанну. Согласно дошедшим до меня слухам, она так и не вышла замуж, со временем стала рьяной сторонницей церковной реформы и обвиняла соседей в преданности папизму.

Дженнет Марлин принадлежала к совершенно другому общественному классу; и все же, подобно злополучной подруге моего детства, она ненавидела весь мир, который был с ней слишком жесток. Находясь рядом с этой женщиной, я тоже ощущал жалость и желание взять ее под свою защиту. Мысленно подивившись этому странному обстоятельству, я вздохнул и опустил голову на подушку.

* * *

С вечера мы с Баракком договорились подняться в шесть, и в назначенное время он постучал в мою дверь. Беспокойный сон не освежил меня, но все же я встал и оделся, содрогаясь от утренней сырости. Вместо собственного плаща я надел плащ Ренна, дабы вернуть его владельцу во время репетиции. Стараясь ступать как можно бесшумнее, чтобы не разбудить никого из наших соседей, спавших за тонкими перегородками, мы выскользнули из дома.

Рассвет лишь занимался, все вокруг было погружено в сумрак. Пройдя по тропе вдоль церкви, мимо того самого места, где накануне нам довелось обнаружить беднягу Олдройда, мы подошли к воротам. В карауле стоял молодой сержант Ликон, с которым мы вчера свели знакомство.

– Опять поднялись спозаранку, сэр? – обратился он ко мне.

– Да, нам необходимо побывать в городе. А вы всю ночь стояли в карауле?

– Так точно, сэр. В те два дня, что остались до приезда короля, мне почти не придется отдыхать. А странная все же история вышла вчера с этим стекольщиком, сэр, – добавил он. – Сэр Уильям Малевверер вызвал меня к себе и засыпал вопросами.

«Значит, сержанта он тоже успел допросить», – отметил я про себя.

– Вы правы, история на редкость странная, – произнес я вслух. – Вчера, когда взбесившаяся лошадь ворвалась во двор, я было решил, что к нам явился посланец ада.

– Говорят, стекольщик погиб по собственной неосторожности. Что вы об этом думаете, сэр?

Судя по пронзительному взгляду сержанта, сам он не слишком в это верил. Возможно, ему пришло в голову, что Малевверер вряд ли стал бы уделять столько внимания несчастному случаю с простым работником.

– Все говорят, стекольщик упал сам, – сказал я. – В жизни случаются и более удивительные вещи, – добавил я, решив сменить тему. – Наверняка по пути из Лондона вы навиделись всяких диких.

– Откровенно говоря, ничего особенно любопытного мне увидеть не удалось, – пожал плечами сержант. – До тех пор, пока меня не отправили сюда из Понтефракта, я плелся за королевской свитой и видел лишь клубы пыли, которые лошади поднимали своими копытами. Да и то только в сухую погоду. А в дождь дорога превращалась в жидкое месиво, и тут уж смотреть по сторонам не приходилось. Правда, неподалеку от Хатфилда произошла одна занятная история, – заметил он с улыбкой. – Мартышка, которую везла с собой одна из фрейлин королевы, сбежала и добралась до ближайшей деревни.

– Неужели?

– Вы не представляете, какой там начался переполох! Деревенские жители решили, что к ним явился сам дьявол, бросились в церковь и принялись умолять священника отправить нечистого обратно в ад. Меня и еще нескольких парней послали изловить беглянку. Мартышку мы нашли в кладовой одного из крестьян. Она преспокойно лакомилась фруктами, словно и не знала, какая из-за нее поднялась суматоха.

– Представляю, что это было за зрелище! – со смехом заявил Барак.

– Да уж. Честно вам скажу, мне тоже стало малость не по себе, когда я увидел эту тварь в крошечном камзольчике, который сшила для нее хозяйка. Уж слишком она напоминала чертенка со своим длинным хвостом и глумливой физиономией. Неудивительно, что деревенские так перепугались. Они ведь все паписты и уж конечно вообразили, что вместе с королем путешествуют целые полчища дьяволов.

Сержант смолк и покачал головой.

– Что ж, всего вам наилучшего, сержант. Нам пора идти.

Выйдя из ворот, мы направились к заставе Бутхэм.

– Сержант производит впечатление весьма смышленного малого, – заметил я.

– Да, только он излишне разговорчив. Солдат не должен задавать вопросов.

– Некоторые люди никак не могут побороть свое любопытство.

– Это я и без вас знаю, – пробурчал Барак, искоса взглянув на меня.

Подойдя к городским воротам, мы выяснили, что они заперты. Комендантский час еще не кончился, и стражник отказался пропускать нас внутрь. Я полез в карман, дабы вытащить документы, и вслух выругался, вспомнив, что оставил их в своей камере.

– Я никак не могу пропустить вас, сэр, – повторил упрямый солдат.

Я велел Бараку сбегать к сержанту Ликону и попросить его направить кого-нибудь нам на выручку. Через несколько минут Барак вернулся в сопровождении здорового солдата, несомненно уроженца Кента, который непререкаемым тоном приказал караульному пропустить нас в город. Недовольно ворча, бдительный страж отпер огромные деревянные ворота.

Пока мы шли по Стоунгейту, на небе заблестало солнце и город начал оживать. Нам сопутствовал грохот раскрываемых ставень; люди, распахнув окна, выливали на улицы содержимое ночных горшков, вынуждая нас держаться ближе к домам. Лавочники появлялись в дверях своих лавок, зазывая первых покупателей.

– Что-то вы сегодня не слишком разговорчивы, – обратился я к Бараку.

Вчерашний наш разговор не выходил у меня из головы.

– Вы тоже.

– Я скверно спал, – сообщил я и добавил после минутного размышления: – Мысли о Бродерике не давали мне покоя.

– И что вас тревожит?

– Вы же знаете, согласно полученным мною распоряжениям я должен доставить арестанта в Лондон живым и здоровым.

– И вы опасаетесь, что тюремщик будет чинить вам в этом препону?

– Нет, – покачал я головой. – Конечно, ему доставляет удовольствие изводить заключенного, но я уверен, что сумею положить этому конец. Меня беспокоит сам Бродерик. Он уверен: все мои попечения направлены лишь на то, чтобы в целости и сохранности передать его в руки лондонских палачей.

– Ну, этим ребятам вы окажете, что называется, медвежью услугу, – усмехнулся Барак. – У человека, который сломлен телесно, язык развязывается быстрее. А так им придется изрядно повозиться с этим вашим Бродериком.

– Он заявил, что будет хранить молчание. И никакие пытки не заставят его говорить.

– Лорд Кромвель утверждал, что под пытками заговорит любой, – бесстрастно проронил Барак. – И он был прав.

– Знаю, – кивнул я. – Но, по моему разумению, Бродерик принадлежит к тем, кто опровергает общие правила.

– Ну, в Тауэре он окажется еще не скоро, и за это время многое способно измениться, – заметил Барак. – Возможно, он решит, что упорствовать в молчании не имеет смысла. А может, откроются какие-нибудь новые обстоятельства, которые сделают его признания не столь уж важными. Как знать? Так или иначе, сейчас вы облегчаете его положение, и он должен питать к вам признательность.

– Избежать пыток Бродерику вряд ли удастся, – возразил я. – Кранмер уверен в том, что ему известно нечто чрезвычайно важное. Его подвергнут допросу с пристрастием. И если он в конце концов заговорит, его вынудят к тому нечеловеческие страдания.

– А разве, отправляясь сюда, вы об этом не задумывались? – спросил Барак, и какое-то неуловимое выражение мелькнуло в его взгляде.

– Скажу откровенно, мне было не до размышлений. Все эти хлопоты, связанные с похоронами отца и с приведением в порядок его дел, заставили меня забыть обо всем. К тому же перспектива получить щедрую награду очень меня окрылила, – добавил я с косой ухмылкой.

– Сейчас вы выглядите не окрыленным, а пришибленным.

– Знаю без вас, – буркнул я. – Господи боже, как бы мне хотелось со всем этим покончить и вернуться в Лондон! – добавил я с жаром.

– Мне тоже.

Проходя по Питергейту, мы услышали перебранку: двое солдат, вооруженных дубинками, гнали к городским воротам с полдюжины оборванцев. Поравнявшись с ними, я замедлил шаг, ибо в парне с бородавкой на носу узнал воришку, который пару дней назад пытался похитить корзинку у Тамазин Ридбурн. Сообщник его тоже был здесь. Судя по лицу Барака, он тоже узнал наших давних знакомых. Я торопливо приблизился к одному из солдат.

– Простите, сэр. Вы гоните этих людей прочь из города?

– Да, мастер, – ответил солдат.

Он был уже не молод, и вокруг тонкого рта лежали жесткие складки.

– К приезду короля в Йорке не останется ни единого нищего. И ни единого шотландца.

– Не позволите ли мне поговорить с ним? – спросил я, указывая на парнишку с бородавкой.

– А вы что, знаете этого проходимца? Наверняка он обчистил вам карманы!

Парень, несомненно узнавший и меня, и Барака, бросал на нас испуганные взгляды.

– Нет, он не причинил мне никакого вреда, – заверил я. – Но, полагаю, ему кое-что известно относительно одного дела, которое весьма меня занимает.

С этими словами я извлек из кармана монету в шесть пенсов.

– Если вам так уж хочется перемолвиться с ним парой слов, не стану чинить препятствий, – пробурчал солдат, с жадностью сцапав монету. – Вот только не знаю, согласится ли Ральф. Ему ведь, как и мне, платят сущие гроши.

– Сущие гроши, – поддержал его напарник.

Мне ничего не оставалось, кроме как вытащить еще одну монету. Барак меж тем схватил оборванца за шиворот. Парень был ни жив ни мертв от страха. Барак оттащил его подальше от солдат и других нищих, дабы они не слышали наш разговор.

– Вспомни-ка один случай, что произошел два дня назад, – произнес я, вглядываясь в чумазое лицо мальчишки.

Он был даже моложе, чем мне показалось сначала, – лет тринадцати или около того.

– Я не собираюсь ни в чем тебя обвинять. Просто расскажи все, что тебе известно. И тебе не придется пожалеть о своей откровенности, – заверил я, помахав перед его носом очередной монетой в шесть пенсов.

– Да что вы хотите узнать? – пробормотал сбитый с толку Барак. – Этот пострел пытался ограбить Тамазин и...

– Как тебя зовут? – обратился я к мальчишке, даже не взглянув на Барака.

– Стивен Хауклиф, мастер, – пробормотал оборванец.

Акцент у него был настолько сильным, что я с трудом разбирал, что он говорит.

– Никого мы не грабили, – сообщил он. – Она сама нас попросила утащить ее корзинку.

– Кто она? Девушка?

– Девушка, мастер. Мы с Джоном, моим приятелем, просили милостыню на улицах. Мы же знали, что скоро нас выбросят из города, вот и хотели заработать побольше. Девушка сама подошла к нам и попросила утащить ее корзинку. Рядом с ней был слуга, здоровенный малый. Ему все это не слишком нравилось. Но она велела ему отправиться в лавку и переждать там, пока мы провернем это дельце. Так что, мастер, никого мы не грабили.

Барак снова схватил мальчугана за шиворот и повернул лицом к себе.

– А ты не заливаешь? – грозно спросил он. – Если ты врешь, пеняй на себя. Я разнесу твою глупую башку на мелкие кусочки, можешь не сомневаться. Девушка не сказала, зачем ей понадобилось изображать ограбление?

– Сказала, мастер, – запинаясь от страха, пробормотал мальчишка. – Сказала, что вскоре здесь пройдет один человек и ей надо привлечь его внимание. Лопни мои глаза, мастер, я говорю чистую правду! – возопил он, чуть не плача. – Она велела нам ждать за углом, пока она не позовет. А когда она сделала знак, я притворился, что хочу вырвать у нее корзинку. Уж не сомневайтесь, если бы я и в самом деле хотел ее ограбить, она бы эту корзинку ни в жизнь не удержала. А потом появились вы с мечом. Мы испугались и убежали.

Барак задумчиво сдвинул брови. Вне всякого сомнения, он, как и я, понял, что мальчуган не лжет.

– Откуда ты родом, парень? – спросил я.

– Из Норталлертона, мастер. Никакой работы там не найдешь. Вот мы с моим другом Джоном и надумали перебраться в Йорк. Да только и здесь пришлось побираться на улицах.

– А куда вас гонят солдаты?

– На большую дорогу, куда же еще. Говорят, к пятнице мы должны быть в десяти милях от Йорка. Немошных спрячут от королевских глаз в Тэйлорс-холле, а всех, кто в состоянии передвигаться, гонят прочь. А уж где мы найдем приют, никому не известно.

Голубые глаза, сверкавшие на его чумазом лице, явно хотели меня разжалобить. Мальчишка достиг цели, ибо я со вздохом опустил шестипенсовик в кошелек и вытащил вместо него шиллинг.

– Держи, – сказал я, протягивая монету оборванцу. – Спрячь быстрее, пока солдаты не увидели.

– Спасибо, сэра, – пробормотал мальчишка.

Я подозвал солдата и вручил ему маленького нищего.

– Что за игру затеяла красотка Тамазин? – процедил Барак, как только мы остались одни. Лицо его побагровело от гнева.

– Понятия не имею, – пожал я плечами. – Я давно уже заподозрил, что дело тут нечисто. Но до поры до времени держал язык за зубами. Видимо, придется обратить на юную особу самое пристальное внимание. Надо выяснить, почему ей так хотелось свести со мной знакомство.

– А при чем тут вы? – не без обиды спросил Барак. – Я думаю, она пустилась на эту уловку, чтобы заманить меня.

– Зачем вы ей сдались, Барак? – усмехнулся я. – Ведь важный политический преступник доверен моему попечению, а не вашему. Уверен, именно это обстоятельство возбудило у прекрасной Тамазин интерес к моей скромной персоне. Я должен понять, где собака зарыта, Барак. И как можно скорее.

– Могу я кое о чем попросить вас? Сделайте одолжение, не говорите о нашем открытии этой зануде Марлин. По крайней мере, сейчас. Сначала расспросите Тамазин и...

– Откровенничать с мистрис Марлин отнюдь не входило в мои намерения, – перебил я. – Не забывайте, что она тесно связана с человеком, который обвинен в государственной измене.

– Черт. Но вы же не думаете...

– Пока я не знаю, что и думать. Но надеюсь в самом скором времени разгадать эту загадку. А сейчас поспешим в дом Олдройда. Надо осмотреть его, прежде чем на улицах станет слишком многолюдно.

Я нащупал в кармане ключ от дома стекольщика, радуясь, что Малеверер не приказал мне вернуть его.

* * *

Мы торопливо зашагали по Стоунгейту. Лавочники, стоявшие в дверях своих лавок, провожали нас неприветливыми, настороженными взглядами. Я опасался, что Малеверер приказал установить около дома охрану, однако вокруг не было ни души. Ставни закрыты, дверь тоже; как видно, люди Малеверера обнаружили в жилище стекольщика еще один ключ. Я отпер дверь.

В комнате царил сумрак. Барак подошел к окну и настежь распахнул ставни. В следующее мгновение отчаянный вопль заставил содрогнуться нас обоих.

В свете дня, проникшем в комнату, мы увидели, что там царит полный хаос. Стулья и стол опрокинуты, массивный буфет отодвинут от стены. У очага, на кровати, сидела полная женщина средних лет, в белом ночном чепце и ночной рубашке. Она вновь завизжала, причем так пронзительно, что зазвенели оконные стекла.

– Сударыня, прошу вас, успокойтесь, – произнес я. – Мы не причиним вам никакого вреда. Просто мы не думали, что кого-нибудь здесь застанем.

Но женщина издала очередной вопль. Глаза ее от страха буквально вылезали из орбит. Дабы заставить ее замолчать, Барак подошел к ней и легонько хлопнул по лицу. Средство подействовало – женщина прижала руку к щеке и залилась слезами.

– Господи боже, вы так кричите, что и мертвого разбудите, – пробормотал Барак. – Сказано же вам: нас нечего бояться.

Женщина, жалобно всхлипывая, натянула одеяло до самой шеи. Вид у нее был такой беспомощный и растерянный, что мне стало ее жаль. Я заметил, что рядом с кроватью аккуратно стопкой сложена одежда.

– Вы служанка мастера Олдройда? – спросил я.

– Да, мастер, – ответила она дрожащим голосом. – Меня зовут Кэт Биланд. А вы кто – люди короля?

– Да. Прошу вас, успокойтесь. Барак, давайте выйдем и дадим этой достойной женщине возможность привести себя в порядок.

Мы с Бараксом вышли в холл. Из комнаты доносились сдержанные всхлипывания и тяжелые вздохи.

– Надеюсь, я ударил ее не слишком сильно, – виновато пробормотал Барак. – Но если бы я не заставил ее замолчать, на крик сбежали бы все соседи.

Я молча кивнул. Минуту спустя служанка распахнула дверь. Взгляд ее по-прежнему был полон тревоги и недоверия.

– Простите, что испугали вас, сударыня, – сказал я. – Мы всего лишь хотим осмотреть комнаты наверху.

– Вчера сэр Уильям уже расспрашивал меня, – заявила женщина, опускаясь на кровать. – И вам я могу лишь повторить то, что сказала ему. Мне ничего не известно о делах бедного мастера Олдройда, упокой, Господь, его чистую душу.

Она осенила себя крестом и обвела глазами разгромленную комнату.

– Видите сами, они весь дом перевернули вверх дном. И двор перекопали. Да еще и забрали с собой бедного Пола и до сих пор держат его взаперти. А ведь мальчуган и мухи не обидит. От всех этих бед у меня голова идет кругом.

– Если вы ничего не знаете, у вас нет причины для опасений.

Женщина отчаянно махнула рукой:

– Я должна привести дом в порядок. Но для кого?

Губы ее тронула печальная улыбка.

– Здесь больше никто не живет.

Мы с Бараком поднялись по лестнице. Двери обеих спален были распахнуты. В комнатах, как и внизу, царил ужасающий беспорядок. Войдя в комнату Олдройда, мы увидели, что кровать перевернута, а содержимое всех сундуков выброшено на пол. Обивка на стенах во многих местах была разорвана и висела клочьями, обнажая деревянные панели.

– Никаких признаков тайника, – изрек Барак. – А что он должен представлять, вашему? Углубление в стене?

– Узнаем, когда найдем, – буркнул я и, подойдя к тому месту, в которое вчера несколько раз упирался взгляд подмастерья, принялся выстукивать стену. Судя по глухому звуку, это была толстая прочная стена, отделявшая дом Олдройда от соседнего строения. Барак присоединился ко мне и, нагнувшись, начал выстукивать на стене дробь.

– О, кажется, что-то есть! – воскликнул он.

Я опустился на колени рядом с ним. Он вновь постучал по деревянной панели, расположенной у самого пола. Звук, который издавала доска, говорил о том, что за ней скрывается пустое пространство. Я тщательно ощупал ее, ощутив под пальцами несколько крошечных углублений, достаточных для того, чтобы вставить в них ноготь. Я тихонько надавил на панель, и она, выскользнув из пазов, упала на пол, открыв небольшую нишу. Тайник был сделан мастерски; судя по всему, у Олдройда и в самом деле были золотые руки.

Мы заглянули внутрь. И длина, и ширина квадратной ниши составляли примерно девять дюймов. Почти все ее пространство занимала шкатулка. Я вытащил ее. На крышке ящика из темного дерева была изображена Диана-охотница, преследующая оленя. В таких шкатулках состоятельные женщины обычно держат драгоценности. Осмотрев находку внимательнее, я заметил, что роспись на крышке потускнела; шкатулки такого фасона были в моде лет сто назад, еще до Войны Алой и Белой розы.

Барак восхищенно присвистнул.

– Вы были правы. Мы пришли сюда не зря.

– Шкатулка очень легкая, – заметил я. – Но похоже, внутри что-то есть.

Я попытался поднять крышку, но она не поддавалась. Приглядевшись, я заметил миниатюрный замок. Я потряс шкатулку, но не услышал ни единого звука.

– Давайте сломаем замок, – предложил Барак.

– Нет, – ответил я, поборов мгновенное искушение. – Лучше открыть ее в присутствии Малевевера.

– Интересно, откуда мальчишка знал о шкатулке? – спросил Барак. – Наверняка подглядывал за своим хозяином в замочную скважину.

– Так или иначе, этот парень умеет держать язык за зубами. Иначе шкатулка была бы уже в руках Малевевера. В том, что его люди ее не нашли, нет ничего удивительного. Спрятана она весьма искусно.

– Но почему подмастерье так упорно молчит? Мне показалось, этот малый не слишком похож на храбреца.

– Скорее всего, Малевевер уехал из аббатства, не успев его допросить. Идемте, в наших интересах сообщить о находке как можно скорее.

– Что за шум? – нахмурившись, спросил Барак и подошел к окну.

Я последовал его примеру. Кэт Биланд, успевшая выйти на улицу, рыдала на плече какой-то женщины. Рядом, всячески выражая сочувствие, стояли еще три или четыре женщины, а чуть в стороне – с полдюжины мужчин. Несколько подмастерьев в синих плащах со всех ног неслись по улице, торопясь присоединиться к толпе.

– Черт побери, – пробормотал я. – Служанка созвала-таки соседей.

– Давайте выберемся через заднюю дверь.

Я сунул шкатулку под полу, радуясь тому, что на мне просторный плащ мастера Ренна. Мы с Бараком поспешно спустились по лестнице. Однако скрыться нам не удалось. Служанка

оставила дверь открытой, и, едва мы оказались в холле, люди, собравшиеся на улице, нас заметили.

– Вот они, вот! – раздались злобные голоса.

– Идемте, Барак, – скомандовал я вполголоса. – Если они поймут, что мы напуганы, дело плохо.

Я вышел из дома, с замиранием сердца вспомнив о том, что все мои бумаги остались в монастыре.

– Что здесь за беспорядки? – спросил я, стараясь придать своему голосу как можно больше суровости.

Какой-то человек в кожаном фартуке выступил вперед. Судя по мелким порезам, покрывавшим его руки, он тоже был стекольщиком.

– Кто вы такие? – спросил он, смерив меня враждебным взглядом. – И что вам здесь понадобилось? Мой друг Питер Олдройд умер, и люди короля перевернули вверх дном его дом и забрали с собой его подмастерье. А бедняжку Кэт Биланд перепугали чуть не до смерти.

– Я – законник и нахожусь здесь по долгу службы. Мы хотели удостовериться, что в доме все в порядке.

Слова мои прозвучали до крайности неубедительно, и я сам это почувствовал.

– Мерзкий горбун! – раздался звонкий голос одного из подмастерьев.

Толпа ответила ему одобрительным ропотом. Барак потянулся к рукояти меча, но я покачал головой. Я понимал: если толпа придет в ярость, это грозит нам самыми печальными последствиями. Надеюсь увидеть где-нибудь поблизости солдат или констеблей, я окинул улицу взором. Но ждать помощи было неоткуда.

– Прошу вас, выслушайте меня, – произнес я, вскинув руку. – Мне очень жаль, что сосед ваш погиб и люди короля вели себя в его жилище столь бесцеремонно. Поверьте, я не имею к этому ни малейшего отношения. Я сожалею о том, что мы, сами того не желая, испугали эту достойную женщину. Однако обстоятельства смерти мастера Олдройда требуют расследования и...

– Какого еще расследования? – недовольно проворчал стекольщик в кожаном фартуке. – Питер был хорошим человеком. Он не мог совершить ничего скверного.

– А разве я обвинял его в чем-то? Я лишь сказал, что обстоятельства его смерти требуют расследования. Послушайте, будьте добры, позвольте нам наконец пройти.

– Если вы на службе короля, у вас должны быть бумаги! – заявил стекольщик. – У людей короля они всегда с собой.

– Да может, это воры! – крикнул кто-то в толпе.

Я растерянно озирался по сторонам, надеясь увидеть в толпе мастера Дайка, стекольщика, с которым беседовал вчера. По крайней мере, он мог подтвердить, что я состою на королевской службе и занимаюсь расследованием. Но, как назло, его нигде не было.

– Пропустите нас, – произнес я, набрав в легкие побольше воздуха, и решительно шагнул вперед.

Ни один человек не сдвинулся с места. Это означало, что собравшиеся отнюдь не намерены отпускать нас под добру-поздорову. Мгновение спустя камень, пущенный кем-то из задних рядов, ударил меня в плечо. От боли рука, которой я держал шкатулку, разжалась, и деревянный ящик с грохотом упал на мостовую.

– Воры! – зазвенел у меня в ушах чей-то истошный вопль. – Это точно воры!

Еще один камень угодил Бараку в руку повыше локтя. Толпа грозно сомкнулась, прижимая нас к стене дома. Стекольщик занес дубинку, и я сжался, ожидая удара.

Глава одиннадцатая

– Прекратите! – раздался властный окрик.

Стекольщик послушно опустил дубинку. Сквозь толпу к нам протискивалась какая-то высокая породная фигура. Я с облегчением узнал Джайлса Ренна.

– Сэр! – воскликнул я. – Вот уж воистину радостная встреча.

Старый законник расправил плечи, словно отгораживая нас от толпы. В парадной мантии, отороченной мехом, и черной шляпе с красным пером он выглядел весьма представительно.

– Что здесь происходит? – пророкотал он, грозно сверкнув глазами на стекольщика. – Может, вы объясните мне, мастер Пикеринг?

– Эти люди тайком пробрались в дом Питера Олдройда, мастер! Горбун сказал, что он законник. Да только мы ему не поверили. Посмотрите, чем они поживились.

Он указал на шкатулку, лежавшую у моих ног.

– Горбун прятал это под плащом!

Ренн, озадаченно нахмурившись, посмотрел на шкатулку, потом перевел вопросительный взгляд на меня.

– Мы лишь выполняли данное нам поручение, сэр, – пробормотал я, чувствуя, что щеки мои заливают румянец.

Ренн вскинул голову, продемонстрировав свой впечатляющий рост, и обратился к толпе.

– Все вы хорошо меня знаете! – произнес он. – Я могу поручиться за этих людей. Один из них – законник, который приехал в Йорк, дабы вместе со мной разбирать прошения, поданные на королевское имя. Другой – его помощник.

По толпе пронесся недовольный гул, однако слова Ренна возымели свое действие. Ярость, сверкавшая во взорах всего несколько мгновений назад, уступила место тревоге. Все понимали, что, оскорбив человека, состоящего на королевской службе, они совершили недопустимый просчет. Барак, потирая ушибленное плечо, обвел толпу торжествующим взглядом.

– Собирайтесь болванов, – пробормотал он.

– Расходитесь по домам, – примирительно изрек Ренн, опустив руку на плечо Пикеринга. – Я сам разберусь, что здесь к чему. Думаю, всех вас ожидают дела.

– Теперь, когда в городе не осталось монастырей, нам, стекольщикам, частенько приходится сидеть без дела, – пробурчал Пикеринг, метнув на меня злобный взгляд. – Питеру Олдройду, упокой, Господь, его душу, хотя бы не придется больше искать работу.

– Я знаю, мастер Пикеринг, что всем вам приходится несладко.

– Поэтому люди и обозлились, мастер Ренн. Никому больше не нужны витражные окна, и ремесло наше перестало приносить доход. А тут еще смерть Питера. Бедняга погиб, работая на самого короля. И поэтому солдаты устроили погром в его доме и до смерти запугали его слуг.

Он указал на Кэт Биланд, которая стояла чуть поодаль, утирая слезы краешком фартука.

– Спрашивается, зачем им понадобился Пол Грин? Всякому известно, этот парень никому не сделал зла. Непонятно, за какие грехи его держат взаперти.

– Да, я слышал о том, что мальчика забрали в монастырь. И я непременно узнаю, какова его участь. Но как бы то ни было, мастер Шардлейк ни в чем не виноват. Позвольте нам пройти. Поднимите шкатулку, молодой Барак.

К моему великому облегчению, толпа расступилась. Ренн подошел к мальчугану, державшему под уздцы ослика, нагруженного двумя тяжелыми кожаными сумками; вне всякого сомнения, там находились прошения.

– Идем, Адам, – сказал старый законник.

Мальчик похлопал ослика по гладкому боку, побуждая двинуться с места, и бросил на Ренна вопросительный взгляд.

– Я вижу, ты сохранял спокойствие! Молодец! – изрек старый законник. – Помни, ты при любых обстоятельствах должен исполнять то, что тебе поручено. Этот мальчуган служит у меня на кухне, – пояснил он, обернувшись к нам. – Ему страх как хотелось увидеть приготовления к приезду короля, и он упросил меня взять его с собой.

Я кивнул, ощущая, как несколько десятков глаз смотрят мне в спину. Лишь когда мы миновали церковь и впереди замаячила ратуша, я вздохнул свободнее.

– Не могу выразить вам всю свою признательность, сэр, – произнес я. – Боюсь даже думать о том, что стало бы с нами, не подоспей вы на помощь.

– Да, эти олухи были настроены весьма решительно, – подхватил Барак. – Они уже пустили в ход камни. Как-то раз мне довелось видеть, как в Лондоне толпа растерзала чужестранца, который имел несчастье ей не понравиться.

– Увы, этим людям вы, уроженцы юга, тоже представляетесь чужестранцами, – произнес Ренн, пристально посмотрев на Барака. – Смерть Олдройда, обыск, который устроили в его доме, жестокое обращение с его слугами – все это изрядно накалило страсти в Стоунгейте. Сегодня утром я, прежде чем направиться в аббатство Святой Марии, нарочно сделал крюк – хотел посмотреть, что здесь делается.

– Но дом убитого стекольщика обыскали по приказу Малевевера, – заметил я. – И беднягу-подмастерье арестовали по его распоряжению. А Малевевер – уроженец Йоркшира.

– Но он член Совета северных графств, а значит, жители Йорка уже не считают его своим, – возразил Ренн. – Для них он прежде всего слуга короля. Малевевер привык действовать напролом, а это не всегда идет на пользу делу, – добавил он, покачав головой.

– Сегодня мне нужно непременно с ним поговорить, – сказал я.

– Об этом? – Ренн взглядом указал на шкатулку, которую Барак крепко прижимал к груди. – Вы нашли это в доме Олдройда?

– Да.

– А могу я узнать, что там?

– Этого мы не знаем сами. Шкатулка заперта. Я решил, что ее следует незамедлительно доставить сэру Уильяму. Пусть он ее откроет.

– Любопытно, упоминал ли об этой шкатулке бедный мальчуган, которого схватили вчера? – осведомился Ренн, не сводя с меня глаз. – Ведь Малевевер наверняка успел допросить его.

– Об этом мне тоже ровным счетом ничего не известно, – отрезал я.

Ренн несколько раз метнул на шкатулку быстрый взгляд, однако ничего не сказал. Мы повернули к аббатству Святой Марии. Несмотря на бодрый вид старого законника, медленная поступь выдавала его возраст. Сержант Ликон по-прежнему стоял на посту у ворот. Я осведомился у него, вернулся ли сэр Уильям.

– Нет, сэр, – ответил сержант. – Но его ожидают с минуты на минуту. Многие джентльмены желают срочно увидеться с сэром Уильямом. Недавно прибыл мастер Дерем, новый секретарь королевы. Он очень недоволен тем, что сэра Уильяма до сих пор нет в аббатстве.

Ренн глянул на часы, что стояли на столе в каморке сержанта. Они показывали двадцать минут девятого.

– Нам надо быть в конторе мастера Филти, – напомнил старый законник.

– У нас с Бараксом еще есть в распоряжении полчаса, – ответил я. – Так что прежде всего мы спрячем эту шкатулку в каком-нибудь надежном месте.

Поразмыслив с минуту, я вновь обратился к сержанту, который с любопытством поглядывал на шкатулку в руках Барака:

– Вы не знаете, где сейчас можно найти мастера Крейка?

– Полагаю, он в своей конторе, в аббатском особняке.

– Благодарю вас.

Я повернулся к своим спутникам:

– Сейчас мы отыщем Крейка и попросим его спрятать шкатулку до возвращения Малевера. А потом переоденемся и отправимся на репетицию.

Отойдя от ворот, Ренн обернулся, дабы еще раз взглянуть на сержанта Ликона, проводившего нас взглядом.

– Этот парень удивительно походит на моего отца в молодые годы, – сообщил старый законник, и в голосе его послышались нотки грусти. – Такой же рост, такое же сложение. Даже волосы у отца были в точности такие же – светлые и выующиеся. Стоило мне увидеть этого сержанта, и отец встал у меня перед глазами, как живой, – добавил он со вздохом.

Тут глазам его открылось чудное зрелище, которое заставило его потрясенно смолкнуть. Юный Адам тоже озира́л преобразенный монастырский двор, открыв рот от удивления. В самом деле: три огромных шатра и два грандиозных павильона могли поразить кого угодно. Работники, за которыми наблюдали солдаты в красных мундирах, по-прежнему заносили мебель внутрь этих колоссальных сооружений. Занавеси в одном из шатров были раздвинуты, и я видел, как работники развешивают там огромный гобелен, изумлявший богатством красок.

– Господи боже, – пробормотал Ренн. – Никогда в жизни я не видел ничего подобного.

– Мы до сих пор не знаем, что здесь замышляется, – заметил я. – Главные распорядители держат это в секрете.

Ренн повернулся к монастырской церкви. Взгляд его внезапно погрузнел, когда он увидел пустые оконные рамы и покрытое грязью крыльцо. Погонщик как раз заводил в церковную дверь нескольких осликов.

– Представляю, какая разруха царит внутри, – вполголоса произнес законник.

– Да, от убранства церкви ничего не осталось. Там завели конюшни.

– Печально, – вздохнул мастер Ренн. – В прежние времена я нередко бывал в этой церкви. Что ж, поспешим в аббатский дом, – произнес он совсем другим, бодрым тоном. – Там мы найдем и сэра Джеймса Филти, и вашего мастера Крейка. Мастер Барак, вы не могли бы взять сумки с прошениями? Предупреждаю, они очень тяжелые.

Барак снял кожаные сумки со спины ослика, которого мы, испросив предварительно разрешения у караульного, привязали к столбу. Юного Адама, несмотря на его отчаянное желание войти в дом, мы оставили сторожить животное.

Оказавшись в холле, мы увидели плотников, которые торопливо заканчивали работу. От пола до потолка холл был увешан восхитительными гобеленами, вытканными золотыми листьями, сверкавшими на ярком затейливом фоне. Подняв голову, я заметил, что потолок покрывает свежая роспись, необычайно искусная и красочная.

Группка чиновников стояла посреди холла, что-то с пылом обсуждая. В нескольких шагах от них я увидел леди Рочфорд, оживленно беседовавшую с молодым человеком, лицо которого украшала окладистая борода. Шелковый костюм его отличался весьма яркой и крикливой расцветкой, рукава, согласно последней моде, разрезаны. Судя по напряженным лицам леди и ее собеседника, оба были чем-то недовольны. Дженнет Марлин стояла чуть в стороне. Она бросила на Барака любопытный взгляд. Как видно, интерес ее возбудили тяжелые кожаные сумки у него на плече и расписная шкатулка, которую он по-прежнему сжимал в руках. Взгляд ее не ускользнул от леди Рочфорд и ее собеседника. Они тоже посмотрели на нас, причем леди Рочфорд осуждающе вскинула бровь.

– Что это они так уставились? – вполголоса спросил я у Барака.

– У вас вся спина белая, – усмехнулся мой помощник.

Вывернув шею, я удостоверился, что сзади плащ мой покрыт белой известковой пылью – как видно, я испачкался, когда толпа прижала меня к стене дома Олдройда. До меня донесся приглушенный хохот пышно разряженного молодого человека.

– Я испортил ваш плащ, мастер Ренн, – пробормотал я виноватым тоном.

– Ничего страшного. Все это без труда можно отчистить. Идемте, сэр, нам нужно спешить.

Мы обратились к караульному с просьбой указать, где находится контора мастера Крейка. Он провел нас на второй этаж. Тут Ренн покинул нас, дабы отправиться к сэру Джеймсу Филти. Прежде чем расстаться со старым законником, я вернул ему плащ, еще раз извинившись за его состояние.

На втором этаже царила невероятная суматоха. Слуги, тащившие сундуки и короба, сновали по коридору туда-сюда. Войдя в маленький кабинет Крейка, мы увидели, что он сосредоточенно наблюдает, как двое слуг укладывают в огромный сундук бумаги и книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.